ISSN 2308-152X (Print)

ISSN 2313-6197 (Online)

DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-3

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

2019. Том 7, № 3

ZOLOTOORDYNSKOE OBOZRENIE =
GOLDEN HORDE REVIEW

2019, vol. 7, no. 3

<http://goldhorde.ru>

E-mail: mail@goldhorde.ru

© ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан», 2019

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Научный журнал

«Золотоордынское обозрение» – это рецензируемый научный журнал, на страницах которого находят отражение научные публикации конкретно-исторического, историографического и источниковедческого характера, охватывающие все области изучения истории Золотой Орды и татарских ханств.

Журнал печатает ранее неопубликованные, оригинальные статьи российских и зарубежных авторов на русском и английском языках. «Золотоордынское обозрение» уделяет также большое внимание обсуждению новых научных изданий (монографий, академических публикаций), которое осуществляется в формате рецензий.

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по научным специальностям: 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки), 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки).

Размещение и индексирование журнала в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: Scopus, Emerging Sources Citation Index (ESCI) на платформе Web of Science Core Collection, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, AcademicKeys, WorldCat, Google Scholar, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Научная электронная библиотека открытого доступа КиберЛенинка, РГБ.

Журнал является участником партнерств: CrossRef и профессионального сообщества «Ассоциация научных редакторов и издателей (АНРИ)»

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:	Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–54682 от 9 июля 2013 г. выдано Роскомнадзором
Журнал основан:	2013 г.
ISSN	ISSN 2308-152X (Print), ISSN 2313-6197 (Online)
Периодичность:	4 раза в год
Учредитель и издатель:	Государственное бюджетное учреждение «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан» (420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А)
Адрес редакции:	420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А
Типография:	Издательский дом «Логос»
Сайт:	http://goldhorde.ru
E-mail:	mail@goldhorde.ru
Тел./факс	(843) 292 84 82 (приемная), 292 00 19
Подписка:	Подписной индекс П7934 . Оформить подписку можно как в отделениях почтовой связи, так и в режиме онлайн на сайте podpiska.pochta.ru

GOLDEN HORDE REVIEW

Academic Journal

“Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review” is a peer-reviewed academic journal publishing articles of historical, historiographical and source-researching nature, covering all fields of study of the history of the Golden Horde and the Tatar khanates.

The journal publishes unpublished and original articles by Russian and foreign authors in Russian and English. “Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review” also pays considerable attention to the discussion of new researches (monographs and other academic publications) in the form of reviews.

The journal is included in the List of Russian peer-reviewed scientific journals publishing the main scientific results of dissertations for the academic degrees of a doctor and candidate of sciences in scientific specialties: 07.00.02 – Domestic history (historical studies), 07.00.09 – Historiography, source study and methods of historical research (historical studies).

The journal is indexed by: Scopus, Web of Science (Emerging Sources Citation Index), Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich’s Periodicals Directory, EBSCO, AcademicKeys, WorldCat, Google Scholar, Russian Science Citation Index Database, CyberLeninka, RSL.

The journal is a participant of partnerships: CrossRef and Association of scientific editors and publishers (ASEP).

Name of the authority that registered the periodical:	Roskomnadzor, certificate of registration of the media ПИ № ФС77–54682, issued on July 9, 2013
The journal was founded:	2013
ISSN	ISSN 2308-152X (Print), ISSN 2313-6197 (Online)
Publication frequency:	4 times a year
Founder and publisher:	State Budgetary Institution “Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences” (420111, Kazan, Baturin Str., 7A)
Editorial address:	420111, Kazan, Baturin Str., 7A
Press:	Publishing house “Logos”
Web-site:	http://goldhorde.ru
E-mail:	mail@goldhorde.ru
Tel./fax:	(843) 292 84 82 (receiving office), 292 00 19
Subscription:	Subscription index И7934 . The subscription can be made both in the post offices and online at podpiska.pochta.ru

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Миргалеев Ильнур Мидхатович, к.и.н., руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Хакимов Рафаиль Сибгатович, д.и.н., директор Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, вице-президент АН РТ, академик АН РТ, председатель редакционного совета (Казань, Российская Федерация)
Трепавлов Вадим Винцерович, д.и.н., главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра истории народов России и межнациональных отношений (Москва, Российская Федерация)

Иштван Вашари, Ph.D. (история), профессор Университета им. Лоранда Этвеша (Будапешт, Венгрия)

Виктор Спинеи, Ph.D. (история), профессор, вице-президент Румынской академии, почетный директор Института археологии (Яссы, Румыния)

Сергей Павлович Карпов, д.и.н., профессор, академик РАН, президент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)

Никола Ди Козмо, Ph.D. (история), профессор исследований Восточной Азии, Институт перспективных исследований (Принстон, Нью Джерси, США)

Дариуш Колодзейчик, Ph.D. (история), профессор, директор Института истории Варшавского университета (Варшава, Польша)

Зайцев Илья Владимирович, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН и Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)

Крамаровский Марк Григорьевич, д.и.н., ведущий научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа, куратор центрально-азиатских коллекций (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Чарльз Гальперин, Ph.D. (история), научный сотрудник Института исследований России и Восточной Европы, Индианский университет (Блумингтон, США)

Мари Фаверо-Думенжу, Ph.D. (история), научный сотрудник исторического факультета Оксфордского университета (Оксфорд, Великобритания)

Горский Антон Анатольевич, д.и.н., профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Российская Федерация)

Александар Узелац, Ph.D. (история), научный сотрудник Института истории (Белград, Сербия)

Владимир Александрович Иванов, д.и.н., профессор кафедры отечественной истории Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акумлы (Уфа, Российская Федерация)

Аширбек Курбанович Муминов, д.и.н., профессор, Евразийский Национальный университет имени Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

Почкаев Роман Юлианович, к.ю.н., профессор, заведующий кафедрой юридического факультета Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Мария Иванич, Ph.D. (история), руководитель кафедры алтаистики и тюркологической исследовательской группы Академии наук Венгрии, Университет Сегеда (Сегед, Венгрия)

Тимоти Мэй, Ph.D. (история), профессор истории Центральной Евразии, университет Северной Джорджии (США)

Борис Черкас, д.и.н., старший научный сотрудник Института истории Украины НАН Украины (Киев, Украина)

Аксанов Анвар Васильевич, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИЯ

Редакторы английских текстов: **Роман Хаутала**, Ph.D. (история), старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ; доцент исторического отделения гуманитарного факультета университета Оулу (Оулу, Финляндия); **Стивен Поу**, аспирант (средневековая история), Центрально-Европейский университет (Будапешт, Венгрия)

Литературный редактор: **Сайфетдиновна Эльмира Гаделзяновна**, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Корректор: **Галимов Тэймур Рустэмович**, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Технический редактор, ответственный секретарь: **Гиниятуллина Люция Сулеймановна**, младший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

CHIEF EDITOR

I.M. Mirgaleev, Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD

Rafail' S. Khakimov, Dr. Sci. (History), Director, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, Vice-president of AS RT, Academician of AS RT (Kazan, Russian Federation)

Vadim V. Trepavlov, Dr. Sci. (History), Chief Research Fellow, Institute of Russian history, Russian Academy of Sciences, Chief of the Center of History of the Peoples of Russia and Interethnic Relations (Moscow, Russian Federation)

István Vásáry, Ph.D. (History), Professor, Eötvös Loránd University (Budapest, Hungary)

Victor Spinei, Ph.D. (History), Professor, Vice-president of the Romanian Academy, Honorary Director of the Institute of Archaeology (Iasi, Romania)

Sergey P. Karpov, Dr. Sci. (History), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, President of the Historical Faculty of the Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)

Nicola Di Cosmo, Ph.D., Professor of East Asian Studies, Institute for Advanced Study (Princeton, New Jersey, USA)

Dariusz Kołodziejczyk, Ph.D. (History), Professor, Director of the Institute of History, University of Warsaw (Warsaw, Poland)

Il'ya V. Zaytsev, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of Russian History, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Mark G. Kramarovskiy, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Oriental Department, State Hermitage Museum, Curator of Central Asian Collection (St. Petersburg, Russian Federation)

Charles J. Halperin, Ph.D., Research Associate, Russian and East European Institute, Indiana University (Bloomington, USA)

Marie Favereau Doumenjou, Ph.D. (History), Research Associate, Faculty of History, Oxford University (Oxford, England)

Anton A. Gorsky, Dr. Sci. (History), Professor, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Leading Research Fellow, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Aleksandar Uzelac, Ph.D. (History), Research Fellow, Institute of History (Belgrade, Serbia)

Vladimir A. Ivanov, Dr. Sci. (History), Professor, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla (Ufa, Russian Federation)

Ashirbek Muminov, Dr. Sci. (History), Professor, L.N.Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

Roman Yu. Pochekaev, Cand. Sci. (Jurisprudence), Professor, Law Faculty, St. Petersburg branch of the National Research University «Higher School of Economics», (St. Petersburg, Russian Federation)

Mária Ivanics, Ph.D. (History), Professor, Head of the Department of Altaic Studies and Turcological Research Group of the Hungarian Academy of Sciences, University of Szeged (Szeged, Hungary)

Timothy May, Ph.D., Professor of Central Eurasian History, University of North Georgia (USA)

Boris V. Cherkas, Dr. Sci. (History), Senior Research Fellow, Institute of History of Ukraine, National Academy of Sciences of Ukraine (Kiev, Ukraine)

Anvar V. Aksanov, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL OFFICE

English texts editor's: Roman Hautala, Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences; Docent, Historical branch at the Faculty of Humanities, University of Oulu (Oulu, Finland); **Stephen Pow**, Ph.D. candidate (History/Medieval Studies), Central European University (Budapest, Hungary)

Literary editor: Elmira G. Sayfettinova, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Corrector: Teymur R. Galimov, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Technical editor, Executive secretary: Lyutsiya S. Giniyatullina, Research Fellow, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Оригинальные статьи

Узелац А. Татары в Дунайско-Днестровском междуречье во второй половине XIV в.	416
Паруний А.В. Политическая история Золотой Орды в 1419–1427 гг.	434
Донина Л.Н., Сулова С.В. О золотоордынских традициях в ювелирном искусстве казанских татар: на примере филигранных миндалевидных серёг	461
Маслюженко Д.Н. Сибирская ветвь династии Шибанидов в исследовании Ш. Марджани	485
Татауров С.Ф. Тоянов Городок на этнополитической карте Сибирского ханства	497
Абдужемилев Р.Р. Шеджере предков крымских ханов: проблема интерпретации	509
Пенской В.В., Пенская Т.М. «Большая игра» в Восточной Европе: тульская экспедиция Девлет-Гирея I летом 1552 г. и начало «войны двух царей»	524
Pow S. “Nationes que se Tartaros appellant”: An Exploration of the Historical Problem of the Usage of the Ethnonyms Tatar and Mongol in Medieval Sources	545
Гулевич В.П. Османское завоевание Каффы (1475 г.), Килии и Белгорода (1484 г.) в «Хронике турок» испанского историка Антонио Эррера де Тордесильяс	568
Моисеев М.В. Рецензия на книгу: Почекаев Р.Ю. Из вассалов в сюзерены. Российское государство и наследники Золотой Орды	593

Хроника

Гибадуллин И.Р. Круглый стол «Средневековая тюрко-татарская богословская мысль: источники и интерпретация» (Болгарская исламская академия, 15 июня 2019 г.)	603
--	-----

CONTENTS

Original papers

Uzelac A. Tatars in the Danube-Dniester Interfluve in the Second Half of the Fourteenth Century	416
Parunin A.V. The Political History of the Golden Horde in 1419–1427	434
Donina L.N., Suslova S.V. The Golden Horde Traditions in the Kazan Tatars' Jewelry Art: On the Example of Almond-shaped Filigree Earrings	461
Maslyuzhenko D.N. The Siberian Branch of the Shibanid Dynasty in Sh. Marjani's Studies	485
Tataurov S.F. The Toyanov Town on the Ethnopolitical Map of the Siberian Khanate	497
Abduzhemilev R.R. Shejere of the Ancestors of the Crimean Khans: The Problem of Interpretation	509
Penskoy V.V., Penskaya T.M. The "Great Game" in Eastern Europe: The Tula Campaign of Devlet-Giray I in Summer 1552 and the Beginning of the "War of the Two Tsars"	524
Pow S. "Nationes que se Tartaros appellant": An Exploration of the Historical Problem of the Usage of the Ethnonyms Tatar and Mongol in Medieval Sources	545
Gulevich V.P. The Ottoman Conquest of Caffa (1475), Kilia and Belgorod (1484) in the Chronicles of the Turks written by Antonio de Herrera y Tordesillas, the Spanish Historian	568
Moiseev M.V. Book Review: Pochekaev R.Yu. Iz vassalov v syuzereny. Rossiyskoe gosudarstvo i nasledniki Zolotoy Ordy [From Vassals to Overlords. The Russian State and the Heirs of the Golden Horde]	593

Chronicle

Gibadullin I.R. The Round Table "Medieval Turkic-Tatar Theological Thought: Sources and Interpretation" (The Bulgarian Islamic Academy, June 15, 2019)	603
---	-----

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

УДК 94(47).031=512.1(497)"13"

DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-3.416-433

ТАТАРЫ В ДУНАЙСКО-ДНЕСТРОВСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIV в.*Александар Узелац**Институт истории, Белград**Белград, Сербия**aleksandar.uzelac@iib.ac.rs*

Цель исследования: в статье представлен критический обзор политического положения и судьбы татарских земель между дельтой Дуная и Нижним Днестром в период между смертью Узбека (1313–1341 гг.), хана Золотой Орды, и миграциями татар Актау на Балканы в 1398–1399 гг. Здесь также уделяется внимание организации этих территорий, их кочевому характеру, а также местным татарским лидерам: правителю Атламишу и его преемникам Деметрию/Темур (Demetrius princeps Tartarorum), Кутлубуге и Хаджибею. В статье также рассматриваются отношения между татарами и османами в течение последних двух десятилетий четырнадцатого века.

Материалы исследования: латинские, славянские, восточные и греческие синхронные источники и археологические материалы, связанные с этим регионом.

Результаты и новизна исследования: татары в Дунайско-Днестровском междуречье потеряли свое политическое и военное превосходство над соседними землями в период так называемой Великой Замятни в Золотой Орде. Внешнее давление со стороны венгерского королевства, Великого княжества Литовского и княжества Молдавии привело к постепенному сокращению их территории до района, в который вошли Буджак (юго-западный регион Украины и юг Молдовы) и северная Добруджа. Тем не менее татары на запад от Днестра оставались независимыми и продолжали играть значительную роль в событиях в этом регионе. Имеются также указания на то, что они продолжали признавать власть ханов Золотой Орды до конца XIV в. Некоторые из этих фактов либо не учитываются, либо игнорируются в современных исторических исследованиях.

Ключевые слова: Золотая Орда, Дунайско-Днестровское междуречье, Атламиш, «Demetrius princeps Tartarorum», татары Актау

Для цитирования: Узелац А. Татары в Дунайско-Днестровском междуречье во второй половине XIV в. // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 3. С. 416–433. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-3.416-433

Благодарности: Автор выражает благодарность Роману Хаутала за перевод с английского языка доклада, легшего в основу данной статьи, и представленного на Международной научной конференции «Научное наследие и общественная деятельность Шигабутдина Марджани» (г. Казань, 20–21 сентября 2018 г.), посвященной 200-летию этого выдающегося татарского ученого-просветителя.

TATARS IN THE DANUBE-DNIESTER INTERFLUVE IN THE SECOND HALF OF THE FOURTEENTH CENTURY

Aleksandar Uzelac

*Institute of History, Belgrade
Belgrade, Serbia
aleksandar.uzelac@iib.ac.rs*

Abstract: *Research objectives:* This article offers a critical overview of the political position and destiny of the Tatar lands between the Danube Delta and the Lower Dniester in the timespan between the death of Özbeg (1313–1341), khan of the Golden Horde, and the migrations of the Tatars of Aktau to the Balkans in 1398–1399. Attention is also dedicated to the organization of these territories, their nomadic character, and to the local Tatar leaders: Prince Atlamish, and his successors Demetrius/Temur (Demetrius princeps Tartarorum), Kutlubuga and Hadjibey. The article discusses the relations between the Tatars and the Ottomans during the last two decades of the fourteenth century as well.

Research materials: Latin, Slavic, Asian and Greek contemporary sources and archaeological material, related to this region.

Results and novelty of the research: The Tatars in the Danube-Dniester interfluve lost their political and military supremacy over the neighboring lands during the age of the so-called Great Turmoil in the Golden Horde. The external pressure from the Hungarian Kingdom, Grand Duchy of Lithuania and Principality of Moldavia led to the gradual reduction of their territory to the area that included Budjak (the southwestern tract of Ukraine and south Moldova) and northern Dobrudja. Nonetheless, the Tatars in the West of the Dniester, remained independent and continued to play a significant role in the regional events. There are also indications that they continued to recognize the authority of the khans of the Golden Horde until the end of the fourteenth century. Some of these facts are either unrecognized or neglected in contemporary historical studies.

Keywords: Golden Horde, Danube-Dniester Interfluve, Atlamish, “Demetrius princeps Tartarorum”, Aktau Tatars

For citation: Uzelac A. Tatars in the Danube-Dniester Interfluve in the Second Half of the Fourteenth Century. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 3, pp. 416–433. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-3.416-433

Acknowledgements: The author expresses his gratitude to Roman Hautala for his translation of the paper that served as the basis of this article, and presented at the International Scientific Conference “Scientific Heritage and Social Activities of Shigabutdin Mardzhani” (Kazan, September 20–21, 2018), dedicated to the 200th anniversary of the birth of this outstanding Tatar scholar and educator.

В течение второй половины XIV в. политическое господство Золотой Орды в Дунайско-Карпатском бассейне было оспорено соседними державами и в конечном итоге сведено на нет. Тем не менее татары в Дунайско-Днестровском междуречье сумели сохранить свою независимость от своих соседей и оставаться влиятельным политическим и военным фактором в регионе. Исследования, посвященные Золотой Орде, часто пренебрегали судьбой этих самых западных земель Золотой Орды в эту бурную эпоху, и именно им мы посвятим следующие далее строки.

Вначале необходимо указать, что земли к западу от Днепра составляли так называемое «правое крыло» Золотой Орды, образованное во времена хана

Менгу-Тимура (1266–1282 гг.). В конце XIII в. их бесспорным правителем был Ногай, представитель боковой ветви правящего рода Джучидов, кого часто и не совсем корректно характеризуют как «khan-maker» (правителя, назначавшего ханов по собственному усмотрению) [20, с. 79–114; 37, с. 185–230; 65, р. 69–98]. После того как Ногай был побежден законным ханом, его родственником Токтой, в 1299/1300 году, его земли были в конечном счете переданы в наследство сыну хана, Ильбасару [34, с. 119, 162; 37, с. 247–249]. После смерти хана Узбека (1313–1341 гг.) они были подчинены контролю другого татарского правителя: это был Атламиш, зять сына Узбека и его преемника, Джанибека (1342–1357 гг.) [45, р. 151–152].

Правление Атламиша, которое положило начало бедствиям, было коротким. В начале 1345 года армия трансильванских секеев во главе с Андрашом Лацкфи проникла вглубь татарских территорий на севере Молдавии и убила татарского лидера в решающей битве. Кампания описана двумя синхронными венгерскими авторами – архидиаконом Иоанном Кюкюллеи и анонимным венгерским миноритом; оба отчета сохранились в хронике Дубницы XV в. [43, р. 1–11; 44, р. 151–152, 167–168; 66, р. 17–30]¹. Поражение татар и гибель Атламиша были лишь начальным этапом конфликта, который продолжался в северной Молдавии еще несколько лет. В конце концов, в результате военных невзгод, а также чумы, которая нанесла серьезный ущерб кочевникам [45, р. 148], татары были «вытеснены к морю». В этом регионе, называвшемся в румынской традиции Цара-де-Сус («Верхняя земля»), в начале второй половины XIV в. было основано молдавское княжество [15, с. 44–50; 30, с. 390–394; 61, р. 48–58; 63, р. 193–215].

Кампания Лацкфи и последующее давление со стороны Венгрии были недобрым предзнаменованием для татар на западе. В стремлении остановить агрессию они были вынуждены полагаться исключительно на свои собственные ресурсы, поскольку хан Джанибек, занятый проблемами в Крыму и конфликтом с генуэзцами, не смог оказать поддержку своему зятю. Положение татар еще более ухудшилось после кончины хана в 1357 году, когда Золотая Орда вступила в период «Великой Замятни» и серьезного внутреннего кризиса, который продолжался более двух десятилетий.

Вскоре после того, в конце 1362 года, еще один тяжелый удар татарам нанесли литовцы во главе с их энергичным князем Альгирдасом/Ольгердом. Литовская армия нанесла сокрушительное поражение трем татарским лидерам и «братьям» (как называют их источники) – Хаджибею, Кутлубуге и Димитрию – в так называемой «битве на Синих Водах» или на реке Синюхе, притоке Южного Буга [25, с. 66, 74; 26, с. 130; 40, с. 57–58, 68–69]. Подобно победе Лацкфи над Атламишом, которая оказалась началом конца татарского правления в северной Молдавии, считается, что литовский успех в битве на Синих Водах в конечном итоге привел к краху татарской власти в Киевщине и Подолии, а также на Белобережье на правобережье Среднего Поднепровья

¹ Она также отразилась в сербской редакции «Романа об Александре» (Сербская Александрия) XIV в., в которой описывается вымышленная кампания Александра против «куманов» и их правителя, кто неслучайно называется там «Атламишем». Сюжет и детали этой истории были заимствованы из венгерских синхронных повествований [15, с. 46–47; 38, с. 221–228].

[7, с. 140; 39, с. 197–200; 40, с. 71–73; 62, р. 187–188]. Тем не менее, три вышеупомянутых татарских князя, которые были преемниками (и, возможно, потомками) Атламиша, продолжали играть важную роль в региональной политике в последующие десятилетия.

Венгерские и литовские кампании против татар оказали влияние и на Юго-Восточную Европу. В последние годы правления Узбека татарское присутствие на болгарских землях было наиболее ощутимо: их набеги на византийские провинции участились, и константинопольской дипломатии пришлось приложить много усилий, чтобы умиротворить могучего хана. Однако после его смерти ситуация резко изменилась. Не случайно последний татарский набег на Балканах, направленный против византийских владений во Фракии, был зафиксирован в 1342 году [20, с. 124–125; 55, р. 303], и в последующие годы столкновения с венгерскими войсками помешали дальнейшей активности татар в землях к югу от Дуная.

Однако даже в этот бурный период дельта Дуная оставалась под прочным татарским контролем. В последние годы правления Узбека прямое татарское правление было создано в самом важном местном коммерческом центре в Вичине [48, р. 516–517; 57, р. 230–231]. Генуэзские торговцы присутствовали здесь в большом количестве, по крайней мере до 1351 года, когда дож потребовал военный взнос от граждан республики, проживавших в Чембало (Балаклава), Маврокастро (Белгород-Днестровский) и Вичине [42, р. 144–145; 43, р. 250]. В течение того же десятилетия Вичина постепенно утратила свое значение, поскольку центр генуэзской торговой деятельности был перенесен в соседнюю область Килии-Ликостомо. Перемещение в место, более доступное со стороны моря, было сделано исключительно по практическим соображениям, и генуэзцы в Килии продолжали поддерживать тесные контакты с соседними татарами, которые были засвидетельствованы в актах нотариуса Антонио да Понцо (1360–1361 гг.).

Несколько документов из архива да Понцо в Килии от, соответственно, 11 февраля, 21 февраля и 12 мая 1361 года, чрезвычайно ценны в этом отношении. Они касаются татар по имени Тобок (Thoboch), Темир (Themir) и Даок (Daoch), которые занимались торговлей рабами в Килии. Более того, они упомянуты как члены определенных подразделений десятков, сотен и тысяч, во главе которых стояли тысячники (miliarii) Ходжа (Coia), Кочубей (Conachobei) и Менглибуга (Megliabucha) [31, с. 97; 60, р. 16, 22, 175]². Первый из вышеупомянутых документов от 11 февраля 1361 года также упоминал татарских жителей до сих пор неизвестного места Йавариа/Джавариа (Iavaria) – лиц по имени Арук (Aruch), Ойа/Оджа (Oia) и Бекангур (Bechangur), посланника «тысячника Ходжи» (miliarius Coia) [60, р. 16]. По-видимому, Йавариа/Джавариа была не кочевой ставкой, а постоянным поселением, возможно, населенным крещеными татарами, которые выступали посредниками между своими соотечественниками и генуэзцами. Некоторые

² Эти три татарских военачальника неизвестны по другим источникам. Тем не менее некоторые исследователи недавно предположили, что Кочубей (Conachobei), возможно, был той же персоной, которая упоминается в генуэзско-татарском мирном договоре 1380 года под именем «Conachbei» [8, с. 146; 49, р. 165], и что «Coia» или Ходжа, возможно, был не кем иным, как Хаджибеем (Khojabey?), татарским военачальником, принявшим участие в битве на Синих Водах [8, с. 147].

из них, возможно, поселились в генуэзских колониях на постоянной основе, и в данном отношении следует отметить, что в актах соседнего Ликостомо, датированных 1373 годом, упоминается некий «Георгий из Генуи, бывший татарин» (*Georgius de Janua, olim Tartarius*) [29, с. 159; 59, p. 198].

В отличие от генуэзско-татарских контактов, отношения между татарами и болгарскими землями в этот период почти полностью покрыты мраком безызвестности. Болгарские земли также оказались подвержены центробежным процессам, которые стали очевидны в середине 40-х годов XIV в., именно ко времени смерти Атламыш. Болгарский деспотат Карвуны или Добруджи, как он назывался впоследствии, возник в это время как фактически независимое государство. Его основали Балиг, Добротица и Феодор – три брата, происходившие из смешанной местной болгарской и куманской аристократии [1, с. 91–92; 55, p. 584]. Долгое правление среднего брата, Добротицы (до его смерти в 1385 году), оставило прочное наследие в этом регионе, видимое в названии земли Добруджи. Добротица утвердил деспотат как серьезную региональную державу после того, как он взял под контроль города на Нижнем Дунае, включая Силистру (Дристра). Хотя о его отношениях с татарами ничего не известно по письменным источникам, археологический материал предоставляет некоторые любопытные свидетельства. Монеты, чеканившиеся сербским императором Стефаном Душаном (1331–1355 гг.), использовались в государстве Добротицы с местным надчеканом в качестве обиходной валюты, и, что примечательно, дюжина таких монет была недавно найдена в населенных пунктах к северу от дельты Дуная, на татарских территориях [13, с. 339–345]. Эти находки представляют косвенные свидетельства торговых отношений между болгарским деспотатом и татарскими землями в Дунайско-Днестровском междуречье.

В то время самым процветающим татарским центром и местонахождением административной власти в регионе был Шехр ал-Джедид или Йанги-Шехр (современный Старый Орхей), к северо-востоку от Кишинёва, современной столицы Молдовы. Высокий уровень урбанизации и исламизации, выявленный в ходе раскопок в этом месте и ряде других поселений, резко контрастирует с кочевым характером татарского населения на территории вокруг дельты Дуная. В Шехр ал-Джедиде были найдены остатки мечетей, караван-сарая, хамамов, а также многочисленные монеты, чеканившиеся до 1368/69 года, с надписями и легендами арабицей [19, с. 142–146; 27, с. 151–155; 41, с. 193–215]. Однако, несмотря на основательную исламизацию местного населения, наиболее видная фигура в регионе, по всей видимости, носила христианское имя. Это был принц Димитрий, один из трех «братьев», побежденных в битве на Синих Водах.

Димитрий упоминается в качестве правителя в грамоте венгерского короля Людовика I от 22 июня 1368 года, пожалованной городу Брашову и его купцам. В этом документе торговцам из земель «Димитрия, правителя татар» (*Demetrii principis Tartarorum*) были предоставлены иммунитет и освобождение от налогов и таможенных пошлин, и те же привилегии были подтверждены за их коллегами из Брашова, занимавшимися торговлей в землях Димит-

рия [52, с. 90]³. По-видимому, Димитрий также упоминается в двух русских летописях – Рогожской и Никоновской, – которые описывают литовскую экспедицию против татар во главе с неким Темером (Темерь. Темирязь) в 1374 году [23, с. 20; 24, с. 106; 40, с. 112–113]. Как отмечали некоторые историки, различные имена татарского князя в славянских и латинских источниках, вероятно, являются лишь вариациями тюрко-монгольского личного имени Те-мур [30, с. 394–395; 39, с. 201–202]. Память о нем сохранилась и в местной топонимике. В 1419 году русский монах Зосима описал, как он путешествовал из Киева в Белгород, пересекая территорию под названием «татарская степь» по «татарской дороге» до прибытия «под Митиревы Кишины» («шатры Димитрия»?) на Днестре, в трех днях от Белгорода, где находилась таможня и переправа между литовскими и молдавскими землями [6, с. 142; 28, с. 121, 299; 32, с. 124–125]⁴.

Хотя принято считать, что Шехр ал-Джедид был стольным местом Димитрия, все еще имеются некоторые сомнения в отношении того, проживал ли он там в действительности [54, р. 168–170]. Однако этот вопрос имеет второстепенное значение. Учитывая привилегии, пожалованные в грамоте Брашова, и особое стремление трансильванских торговцев получить доступ к Черному морю, нет никаких сомнений в том, что домен Димитрия включал в свой состав коммерческие центры в дельте Дуная и устье Днестра. Поэтому именно он мог быть преемником Атламиша и верховным татарским властителем в западных землях, пользуясь верховенством в отношении двух своих «братьев» – Хаджибея и Кутлубуги. По крайней мере таковой была ситуация примерно до 1370 года, когда экспансия молодого молдавского княжества положила конец татарскому присутствию в Шехр ал-Джедиде и Цара-де-Жос («Нижняя земля»), примерно соответствовавшей современной центральной Молдове. Эти события, которые почти не оставили следов в письменных источниках, но явно отображаются в археологическом материале, часто интерпретировались как завершающий удар по татарской независимости в регионе. Последний вывод, однако, является необоснованным.

Тот факт, что политические реалии изменились и татары должны были отказаться от большей части своих владений из-за молдавского давления, не вызывает сомнений. Эти изменения отображены в генуэзских документах 1386 года. В этом году два дипломата лигурийской республики, Каролло дель'Орто и Илларио Дория, прибыли в Маврокастро с целью установления контакта с молдавскими воеводами Петру II Мушатом (1375–1391) и Константином [61, р. 99]. В то время генуэзцы и татары вверглись во взаимный конфликт в Крыму, и вполне возможно, что целью миссии, под руководством дель'Орто и Дория, было формирование антитатарского альянса. Хотя это

³ «[...] quam mercatores domini Demetrii, principis Tartarorum, de suis rebus mercimonialibus in regno nostro solvere deberent, non faciemus recipi, ita, ut et vos in terra ipsius domini Demetrii secure et libere positis transire sine solutione tricesime cum rebus vestris et bonis mercimonialibus, datum in Wysegrad».

⁴ «[...] И поидохом въ поле татарское и идохом пятьдесят миль дорогою татарское, еже зовется: на Велики Дол, и обретохом реку велику под Митиревыми Кишинами, еже зовется Нестр; туто бяше перевоз и порубежье волоское. Об ону страну Волохове перевоз емлют, а о сую страну князя великаго Витофтовы и тамгу емлют и тем ся опять делять. И оттоле три дни до Бела города ити по Волоской стране».

конкретно не упоминается, похоже, что в 1386 году Маврокастро уже находился под контролем Молдавии, и такой вывод является общепринятым в историографии [48, р. 525–526; 63, р. 218–219]. Некоторые другие источники подтверждают такое мнение. На карте каталонского картографа Гиллема Солера (1380 г.) Маврокастро представлен с монгольской тамгой. Однако в русском «списке болгарских и валашских городов», составленном в самом конце XIV в. или в начале XV в., он упоминается как «валашский» (= молдавский) город вместе с Черновцами на Пруте, Яси и другими местами, которые, безусловно, были частью Молдавского княжества [33, с. 94, 99]⁵. Стремление правителей Молдавии обеспечить доступ к Черному морю в этот период также отражены в титуле воеводы Романа Мушатс (в 1392 и 1393 гг.), который с гордостью заявлял, что он правил «молдавской землей от гор до берега моря» [61, р. 100–101].

Таким образом, в течение последних трех десятилетий XIV в. молдавские воеводы установили свой контроль над «татарской дорогой», ведущей через Днестр в его устье, проникнув как клин вглубь татарской территории⁶. Однако их влияние не распространилось дальше на внутренние районы, и участок земли между дельтой Дуная и Нижним Днестром оставался вне их досягаемости. Этот регион, позднее известный как Буджак, который охватывал около 15–20 000 кв. км, оставался ядром уменьшившейся татарской территории на западе, окруженной христианскими державами – Молдавией, королевством Венгрии, княжеством Валахии и болгарским деспотатом Добруджи.

Татарское владение Буджаком и прилегающими землями в течение последних десятилетий XIV в. неоспоримо подтверждается в письменных источниках. В папском письме 1374 года, адресованном венгерскому королю, упоминается присутствие татар на границах Валахии («[...] nationis Wlachonum, qui certas metas Regni tui versus Tartaros commorantes») [65, р. 141; 67, р. 152]. Эта «граница» проходила недалеко от порта Брэилы на левом берегу Дуная, которая упоминается как самый восточный город в княжестве Валахии около 1390 года в привилегии, пожалованной его правителем Мирчей I Старым (1386–1418) торговцам из Львова [7, с. 104]⁷. В то время Мирча сумел временно расширить свою власть на часть Добруджи, возможно, за счет сыновей Добротицы, Иванько и Тертера [1, с. 153; 21, с. 109–110], и в 1391 году он впервые назвал себя правителем земель, «начиная от Альп вплоть до границ Тартарии» (*incipiendo ab alpebus usque ad confinia Tartarie*) [51, р. 36]. Схожий титул, хотя и на славянском языке, который включал упоминание валашских владений по направлению «к татарским странам», часто

⁵ «[...] На усть Днестра над морем, Бельгород. Черн. Ясьскыи торг на Пруте реце. Романов торг на Молдове. Немечь в горах. Корочюнов камен. Сочява. Серет. Баня. Чечюнь. Коломыя. Городок на Черемоше. На Днестре Хотень. А се болгарскыи и волоскыи гради».

⁶ Однако весьма любопытно, что еще в 1410 году генуэзский клирик Никколо да Порто по-прежнему включал «Мокастро» (Mocastro) в число генуэзских портов «в краях сарацин» (*in partibus Saracenorum*; то есть в татарских землях) наряду с крымскими Каф-фой и Солдайей [58, р. 239].

⁷ «[...] а ѿни да сж слѣбодни ходити по всей земли и ѿбласти Г[о]с[по]д[ь]ства ми, продавати и купувати по всѣх[ъ] тръговах[ъ] и по всѣх[ъ] бродовох[ъ] подѣна-вских[ъ], почлавше ѿт[ъ] Желѣзных[ъ] вратъ дори до самѡг[о] Браилова».

использовался Мирчей и его преемниками между 1406 и 1421 годами [51, р. 66, 70, 73 et passim].

Термин «татарские страны» интерпретировался по-разному в терминах микрогеографии. Его обычно сопоставляли с областью между дельтой Дуная и Нижним Днестром [47, р. 148–149], и иногда – с северной Добруджей [46, р. 349–355]. На самом деле, похоже, что и Буджак, и северная Добруджа были заселены и контролировались татарами в конце XIV в., что косвенно подтверждается предполагаемыми татарскими контактами с небольшим болгарским государством в Силистре на правом берегу Дуная и выше по его течению до Брэилы, как мы увидим далее. Важно также отметить, что «татарские земли» упоминаются канцелярией Валахии во множественном числе. Это указывает на существование более чем одной такой земли и, следовательно, более чем одного татарского правителя [29, с. 160; 30, с. 393]. Имена этих татарских властителей выявляют другие источники. А именно, в то время как Димитрий/Темер исчезает из источников после 1374 года, его два «брата», Кутлубуга и Хаджибей, проявляют активность по крайней мере еще полтора десятилетия, в то время, когда османская власть уже прочно утвердилась на землях к югу от Дуная. Они появляются в работе османского летописца Нешри (ум. 1520), согласно которому в 1388 году командующий экспедицией против болгарской столицы Тырново, Али-паша, «отправил полномочного представителя к беям приграничных территорий, Яндж-бею и Кутлубуге», с просьбой присоединиться к османской армии в этой кампании [18, с. 93].

Появление Хаджибея и Кутлубуги в работе османского летописца соответствует историческим реалиям эпохи. Мы видели, что их земли также засвидетельствованы в канцелярии Валахии. Однако крайне сомнительно, что они действительно присоединились со своими силами к Али-паше, как это утверждает Нешри. В современных источниках нет никаких указаний на то, что влияние османов распространялось на север от Дуная. Более того, еще одна серия нумизматических данных свидетельствует то, что татары и болгары продолжали пребывать в дружественных отношениях. А именно, известно, что Тертер, второй сын Добротицы, который в то время правил Силистрой, выпустил особую эмиссию монет. Они содержат монограмму «Тертер» и энигматические изображения человека, звезды и полумесяца – символы, интерпретируемые как признание им татарского владычества [1, с. 133–138; 2, с. 23–25; 29, с. 153–156; 50, р. 188–190]. Если эта интерпретация верна, монеты еще раз подвергают сомнению утверждение Нешри, что татары были османскими союзниками⁸.

Еще одно указание на отношения между татарами и османами в конце XIV в. предоставляет поэт Энвери столетием позже. По его словам, в знаменитой битве на Косовом поле (1389 г.) между сербами и турками, первым из них удалось создать сильную коалицию против османского правителя Мурада (1362–1389 гг.), в которую также вошли татары из «ханства Кипчак» [53, р. 38]. Нет необходимости подчеркивать, что татарское присутствие на сербской стороне в битве на Косовом поле, вероятно, является попросту причудливым изобретением, хотя некоторые исследователи допускают, что слова Энвери в какой-то степени правдивы [20, с. 128–129]. Здесь, однако, более

⁸ Вопрос о том, кто мог быть протектором этого небольшого болгарского государства – Хаджибей или Кутлубуга, – остается открытым [1, с. 138; 2, с. 26; 11, с. 116].

важно отметить, что поэт, который писал до Нешири, не считал татар османскими союзниками во время кампаний Мурада на Балканах.

С другой стороны, дружественные болгаро-татарские взаимоотношения в этот период отражены в еще одном интересном, но забытом источнике – «Гербовнике» Ульриха фон Рихенталя, созданном во время Констанцского собора (1414–1418 гг.). Под болгарским гербом он содержит следующую подпись: «Царь Болгарии, который также должен иметь одного представителя Орды» (*Der Kayser von Bulgarien der mus och ainen haben zu vicarien von Ordo und hett under im regem Chaldeorum*) [3, с. 61; 29, с. 162–163]. Император Болгарии из этой подписи был отождествлен с Константином, сыном Ивана Срацимира, последнего болгарского правителя в Видине, в то время как в отношении «представителя» татар было выдвинуто предположение, что он мог быть неназванным по имени преемником Димитрия или его «братьев» в Пруто-Днестровском междуречье [2, с. 27]. Хотя ни последний император Видина, ни его сын не имели прямого контакта с татарами, информация, предоставленная Ульрихом фон Рихенталем, хорошо вписывается в политические реалии Нижнего Дуная, где болгаро-татарские контакты явно продолжались до конца XIV в. и вплоть до подчинения Тырново и остатков деспотата Добруджи османской власти. Вместе с интитуляцией принцев Валахии и османской традицией, запечатленной Нешири, надпись из «Гербовника» Рихенталя является еще одним источником, который иллюстрирует независимое положение татар в Дунайско-Днестровском междуречье и их роль в сложной региональной политике.

Поскольку бурные события на Востоке конца XIV в. оказали сильное влияние в регионе, здесь следует уделить некоторое внимание этим событиям. Как известно, в 1395 году Токтамыш, хан Золотой Орды, сумевший добиться столь необходимой внутренней стабильности в джучидских землях, потерпел сокрушительное поражение от могущественной армии Тамерлана на берегу Терека [16, с. 170–182; 17, с. 130–135]. За ним последовала волна террора и разрушений. Многие из сторонников и последователей хана были казнены или были вынуждены подчиниться завоевателю либо бежать. По словам двух биографов Тамерлана, Низам ад-дина Шахи и Шараф ад-дина Али Йазди, среди этих беглецов были два тумена во главе с Таш-Темуром и Актау – военачальниками, сражавшимися вместе с Токтамышем на Тереке [12, с. 203; 35, с. 120, 176–177]. Они бежали на запад от Днепра и нашли убежище в землях Уйматая (также Хармадай, Сарамдай; является ли это название географическим или личным именем местного татарского лидера, остается предметом споров) [35, с. 121, 179]. Йазди, который более подробен, чем Шахи, утверждает, что положение татар Актау после этого становилось все хуже и хуже. В конце концов они бежали через Дунай в «землю Рум» и поселились на равнинах «Исраика» (Фракия?) [35, с. 179]. Миграция татар Актау также отразилась в сообщении сирийского синхронного автора Ибн Арабшаха, согласно которому некоторые татары, звавшиеся «Хара-Богдан», должны были бежать в земли Руси и Рума [34, с. 470]. Очевидно, что «Хара-Богдан» – это не что иное, как тюркское название Молдавии. Но это смешение терминов может указывать на то, что татары Актау короткое время пребывали на молдавской территории.

Приход татар Актау на службу к сыну Мурада, Баязиду (1389–1402), зафиксирован османскими источниками. Однако, в отличие от Йазди,

согласно которому их силы составляли один тумен, то есть самое большее 10 000 человек, османские авторы XV в. Рухи и Кемаль-паша-заде упоминали 180 000 или, соответственно, 50 000 человек, которые состояли на службе Баязида в качестве сипахов [5, с. 15–16; 12, с. 207]. Поздний византийский автор Лаоник Халкокондил также упоминал «бесчисленное множество» татар, которые были приняты Баязидом [56, р. 93–94]. Значительное несоответствие цифр в источниках, у Йазди, с одной стороны, и оттоманских и византийских авторов (которые, несомненно, предоставляли завышенные величины), с другой стороны, может свидетельствовать о том, что татары Актау были усилены другими татарскими группами в Дунайско-Днестровском междуречье до того, как они вступили на Балканы. Они, очевидно, представляли собой внушительную силу и, как мы увидим, в значительной степени повысили нестабильность в и без того беспокойном балканском регионе.

Судьба татар Актау на османской службе выходит за рамки этого текста, и здесь достаточно заметить, что их умиротворение было непростой задачей. Оно было с успехом осуществлено только после того, как Баязид предательски убил татарского лидера накануне Ангорской битвы в 1402 году [5, с. 3–18; 12, с. 206]. То, что здесь следует отметить, это то, что до того, как Баязид привлек их на свою сторону, татары Актау также считались серьезными противниками османов. В этом отношении важно упомянуть информацию, предоставляемую арабским автором Бадр ад-дином ал-Айни (1360–1453). По его словам, в 801 г.х. (сентябрь 1398 / август 1399 г.) Токтамыш, «правитель Дашт-и Кипчака и Сарая» столкнулся с армией Ибн Османа (= Баязида), и с обеих сторон были потери [12, с. 203; 34, с. 531].

При первом взгляде серьезные сомнения возникают в отношении правдивости слов ал-Айни. Токтамыш не мог лично столкнуться с Баязидом. В действительности, вскоре после катастрофы на Тереке, он потерял власть в Золотой Орде под давлением своего противника Тимур-Кутлуга и могущественного эмира Идегея из клана Мангыт [36, с. 72–89]. В 1397 году Токтамыш был в Крыму [17, с. 144–145; 34, с. 364], но в том же году он был побежден силами Тимур-Кутлуга или, скорее всего, Идегея и, следовательно, был вынужден искать со своей семьей убежища в Киеве под патронажем литовского князя Витовта [17, с. 145; 22, с. 71; 25, с. 71]. Тем не менее влияние Токтамыша все еще было значительным, и Витовт, в чьих руках оказался столь мощный ресурс, намеревался использовать ссыльного хана для расширения сферы своего влияния. Его планы провалились плачевным образом после того, как литовская армия, усиленная вспомогательными войсками русских, тевтонских рыцарей и верных Токтамышу татар, потерпела поражение от войск во главе с Тимур-Кутлугом и Идегеем на берегу реки Ворсклы летом 1399 года [17, с. 146–147].

Несмотря на то, что Токтамыш очевидно не мог лично столкнуться с османским правителем, информацию об их конфликте, предоставляемую ал-Айни, не следует отвергать полностью, а вместо этого связать ее с бывшими подданными изгнанного хана – татарами Актау. Согласно дополнительной и вызывающей интерес информации, предоставляемой мамлюкским автором, слухи о конфликте между Токтамышем и Баязидом достигли Каира в апреле 1399 года [12, с. 203]. Одновременно активность татар Актау на Балканах фиксируется в греческой хронике Месембрии, которая содержит следующую

запись: «в год 6907 (= 1399), седьмой индикт, 2 февраля, в пятницу город Варна был захвачен безбожными татарами» [10, с. 80–83; 21, с. 111–112; 62, р. 60]. Учитывая, что порт Варна, бывшая столица Добротицы, перешел в руки османов до 1389 года⁹, очевидно, что татары Актау захватили город у Баязида. Более того, событие, точно зафиксированное в хронике Месембрии, хронологически совпадает со столкновением, зафиксированном в далеком Каире мамлюкским автором, который узнал о нем через два месяца. Очевидно, что как ал-Айни, так и хроника Месембрии указывают с разных точек зрения на столкновения, которые имели место в западном Причерноморье между татарами Актау и османами в начале 1399 года, до того, как они не были умиротворены Баязидом и согласились перейти к нему на службу.

Если мы снова обратимся к рассмотренной ранее возможности того, что другие татарские группы присоединились к тумену Актау, сообщение ал-Айни окажется важным еще по одной причине. Это сообщение говорит о том, что престиж, звание и статус Токтамыша продолжали признаваться в самых западных татарских землях, и это может служить правдоподобным объяснением искаженного пассажа, согласно которому татарские переселенцы в земли к югу от Дуная рассматривались как армия хана. Еще более ценной в этом отношении является загадочная подпись в «Гербовнике» Ульриха фон Рихенталя, которая характерным образом упоминает безымянного местного татарского лидера в качестве представителя из «Орды». Территории, управляемые Атламишем (до 1345 года), Димитрием/Темуром (до 1374 года), Хаджибеем и Кутлубугой (до последнего десятилетия XIV в.) и их безымянным преемником/ами, никогда официально не переставали быть частью Золотой Орды, и таким образом, политическое джучидское наследие было еще весьма влиятельным в регионе на рубеже веков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Атанасов Г.* Добруджанско деспотство (към политическата, църковната, стопанската и културната история на Добруджа през XIV в). Велико Търново: Фабер, 2009. 496 с.
2. *Атанасов Г., Павлов П.* Tataro-Bulgarica – Три этюда о болгарско-татарских контактах на Нижнем Дунае в XIII–XIV вв // Археология Евразийских Степей, 2011. Вып. 13. Форум Идель-Алтай. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 3–32.

⁹ В болгарской историографии запись в хронике Месембрии часто интерпретировалась в качестве татарского враждебного действия против ослабленного деспотата Добруджи. Тем не менее некоторые исследователи небезосновательно отметили, что Варна, прежняя столица сына Добротицы, Иванко, уже находилась в руках османов в это время, менее десяти лет до татарского прибытия [14, с. 303–304]. Первым подтверждением этого является то, что записи о православных митрополитах города прекратились после 1389 года. Одновременно, согласно турецкой традиции, засвидетельствованной в семнадцатом веке путешественником Эвлией Челеби, Варна оказалась в руках османов во время правления Мурада, убитого в битве на Косовом поле в 1389 году [5, с. 722]. В это время стольное место ослабленного и распавшегося болгарского деспотата уже было перенесено в крепость Калиакра, далее на северо-восток. Калиакра засвидетельствована в качестве столицы баварским рыцарем Иоганном Шильтбергером в 1396 году [64, р. 39], и именно здесь же венгерский король Сигизмунд Люксембургский нашел убежище после того, как он был побежден османами в Никопольской битве в том же году [9, с. 165].

3. *Бегунов Ю.К.* Древний герб Болгарии и «Хроника Констанцкого собора» Ульриха Рихенталя // Советское славяноведение. 1974. № 2. С. 59–63.
4. *Бойков Г.* Създаването на Татар Пазарджик през 1398 г. – хипотези, спорове, заключения // Исторически Преглед, 2007. Т. 5–6. С. 3–18.
5. *Гаджанов Д.* Пътуването на Евлия Челеби из българските земи пред средата на XVII век // Периодическо списание на Българското книжовно дружество в София, 70, св. 9–10, 1909. С. 639–724.
6. *Галенко О.* Золота Орда у битви біля Синіх Вод 1362 р. // Синьоводська проблема у новітніх дослідженнях / ред. Ф.М. Шабульдо. Київ: Інститут історії України НАН України, 2005. С. 129–159.
7. Грамоти XIV ст. / Упорядкування, вступна стаття, коментарі і словники-показники М.М. Пешак. Київ: Наукова думка, 1974. 256 с.
8. *Гулевич В.* Західні землі Улусу Джучі в кінці XIII–XIV ст. і Тука-Тимуриди // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики. Збірка наукових праць, 2013. Вып. 22–23. С. 138–178.
9. *Гюзелев В.* Венециански документи за историята на България и българите от XII–XV в. София: Главно управление на архивите при министерския съвет, 2001. 351 с.
10. *Гюзелев В.* Очерци върху историята на Българския североизток и Черноморието (края на XII – началото на XV век). София: Борина, 1995. 155 с.
11. *Дашкевич Я.* Степові держави на Поділлі та в Західному Причорномор'ї як проблема історії України XIV ст // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині, 2006. Вып. 10. С. 112–121.
12. *Десей О.* Обоснование Актава из Золотой Орды в Османской империи во времена Йылдырыма Баязида // Золотоордынская цивилизация. 2010. № 3. С. 202–209 (=A. Decei. Établissement de Aktav de la Horde d'Or dans l'Empire Ottoman, au temps de Yıldırım Bayezid // Zeki Velidi Togan'a Armağan. Istanbul, 1955, pp. 77–92)
13. *Кривенко А.В.* Находки сербских средневековых монет в междуречье Прута и Днестра // Stratum Plus, 2016. Т. 6. С. 339–345.
14. *Кузев А.* Варна // Български средновековни градове и крепости. Варна: Георги Бакалов, 1981. С. 293–310.
15. *Майоров А.В.* К спорам о времени возникновения Молдавского княжества // Русин, 2013. Т. 3. С. 32–83.
16. *Миргалеев И.М.* Битвы Токтамыш-хана с Аксак Тимуром // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы Круглого стола, проведенного в рамках Международного Золотоордынского Форума / ред. И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории имени Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 180–192.
17. *Миргалеев И.М.* Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш хана. Казань: Институт истории имени Ш. Марджани АН РТ, 2003. 163 с.
18. *Нешири.* Огледало на света / пер. М. Калицин. София: Изд-во на Отечественния фронт, 1984. 420 с.
19. *Николае Е.* Две монеты финальной стадии золотоордынского господства к западу от Днестра. Stratum plus, 1999. Т. 6. С. 142–146.
20. *Павлов П., Владимиров Г.* Златната орда и българите. София: Военно издателство, 2009. 176 с.
21. *Павлов П., Тютюнджиев И.* Българите и османското завоевание (Края на XIII–средата на XV в). Велико Търново: Слово, 1995. 151 с.
22. Полное собрание русских летописей, Т. VIII: Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб., 1859. 310 с.
23. Полное собрание русских летописей, Т. XI: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1897. 264 с.
24. Полное собрание русских летописей, Т. XV/1: Рогожский летописец. Петроград, 1922. 267 с.
25. Полное собрание русских летописей, Т. XXXV: Летописи белорусско-литовские. М.: Наука, 1980. 313 с.
26. Полное собрание русских летописей, Т. XL: Густинская летопись. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 204 с.

27. Постикэ Г.И. Цитадель золотордынского города Шехр аль-Джедид (Старый Орхей, Молдова) // Российская археология. 2005. № 2. С. 151–155.
28. Прокофьев Н.И. Записки русских путешественников XI–XV вв. М.: Советская Россия, 1984. 446 с.
29. Руссев Н. Българите и татарите от „Златната орда“ на Долния Дунав (втората половина на XIV – първата половина на XV в.) // Българите в северното причерноморие, 1997. Вып. 6. С. 153–167.
30. Руссев Н. Молдавия в «темные века»: материалы к осмыслению культурно-исторических процессов // Stratum Plus, 1999. Т. 5. С. 379–407.
31. Руссев Н. Золотая Орда на нижнем Дунае // Золотоордынская цивилизация, 2009. № 2. С. 90–103.
32. Руссев Н. Золотоордынские реликты в грамотах средневековой Молдавии: общий эскиз со случаем «Кишинев» // Золотоордынское обозрение. 2014. № 4(6). С. 113–133.
33. Список русских городов дальних и ближних // Тихомиров М.Н. Русское летописание. М.: Наука, 1979. С. 83–137 (=Тихомиров М.Н. Список русских городов дальних и ближних // Исторические записки. 1952. Т. 40. С. 214–259).
34. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, Т. I: Извлечения из арабских источников. СПб: Имп. Акад. наук, 1884. 563 с.
35. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, Т. II: Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.-Л.: Акад. Наук СССР, 1941. 308 с.
36. Трепавлов В.В. История Ногайской орды. М.: Восточная литература 2002. 752 с.
37. Узелац А. Под сенком Пса. Татари и јужнословенске земље у другој половини XIII века. Београд: Утопија, 2015. 321 с.
38. Узелац А. Атламиш – Кумански цар из Српске Александриде // Споменица Тибора Живковића / ред. И. Цвијановић. Београд: Историјски институт, 2016. С. 221–228.
39. Черкас Б. Західні володіння Улусу Джучи: політична історія, територіально-адміністративний устрій, економіка, міста (XIII–XIV ст.), Київ: Інститут історії України 2014. 387 с.
40. Шабильдо Ф.М. Земли Юго-Западной Руси в составе великого княжества Литовского. Киев: Наукова думка, 1987. 183 с.
41. Янина С.А. «Новый город» (=Янги Шехр = Шехр ал-Джедид) – монетный двор Золотой Орды и его местоположение // Труды Государственного Исторического музея, 1977. Т. 49. С. 193–215.
42. Balard M. La Romanie génoise (XIIe – début du XVe siècle), I. Rome: Boccard, 1978. 1008 p.
43. Belgrano L.T. Cinque documenti genovesi orientali // Atti della Società Ligure di Storia Patria, 1885. Vol. 17, pp. 1–11.
44. Căprăroiu D. Scurte considerații privind cronologia campaniilor antimongole ale regelui Ludovic de Anjou // Revista de Istorie Militară, 2014. Vol. 3–4, pp. 151–152, 167–168.
45. Chronicon Dubnicense // Historiae Hungaricae Fontes domestici. Scriptores T. III / ed. M. Florianus, Lipsiae, 1884. 276 p.
46. Ciocîltan V. „Către părțile tătărești” din titlul voievodal al lui Mircea cel Bătrân // Anuarul Institutului de Istorie și Arheologie „A. D. Xenopol” din Iași, 1987. Vol. 24/2, pp. 349–355.
47. Coman M. From an Open to a Closed Frontier: the Wallachian-Moldavian Frontier from c. 1350 to c.1450 // Annual of Medieval Studies at CEU, 2003. T. 9, pp. 127–154.
48. Deletant D. Genoese, Tatars and Rumanians at the Mouth of the Danube in the Fourteenth Century // The Slavonic and East European Review, 1984. Vol. 62/4, pp. 511–530.
49. Desimoni C. Trattato dei genovesi col chan dei tartari nel 1380–1381 scritto in lingua volgare // Archivio storico italiano (4th ser.), 1887. Vol. 20, pp. 161–165.
50. Diaconu P. O formațiune statală la Dunărea de Jos la sfârșitul secolului al XIV-lea necunoscută până în prezent // Studii și cercetări de istorie veche și arheologie, 1978. Vol. 2, pp. 185–200.

51. Documenta Romaniae Historica, B: Țara Românească, Vol. 1 / eds. P. Panaitescu, D. Mioc. București: Editura Academiei Republicii Socialiste România, 1966. 635 p.
52. Documenta Romaniae Historica, D: Relații între Țările Române, Vol. I / eds. Ș. Pascu et al. București: Academia Republicii Socialiste România, 1977. 527 p.
53. Guboglu M., Mehmet M. Cronici turcesti privind Tarile Romane. Vol. 1: sec. XV – mijlocul sec. XVII. București: Academia Republicii Socialiste România, 1966. 562 p.
54. Iliescu O. Genoïs et Tatares en Dobroudja au XIVe siècle: l'apport de la numismatique // Etudes Byzantines et Post-Byzantines, 1997. Vol. 3, pp. 161–178.
55. Ioannis Cantacuzeni eximperatoris historiarum libri IV, II / Ed. L. Schopen, Bonnae, 1831.
56. Laonici Chalcocandylae Historiarum demonstrationes, I / Ed. E. Darkó. Budapestini: Typis Societatis Franklinianae, 1922. 618 p.
57. Laurent V. Le Metropolit de Vicina Macaire et la prise de la ville par les Tartares // Revue historique du Sud-Est européen, 1946. Vol. 23, pp. 225–231.
58. Nicolai de Porta, quondam Mathaei, notarii quarti clerici Januensis, Historia translationis reliquiarum B. Johannis Baptistae ad civitatem Januae // Recueil des historiens des croisades: Historiens Occidentaux, T. V. Paris: Imprimerie nationale, 1895, pp. 236–247.
59. Notai Genovesi in Oltremare. Atti Rogati a Caffa e a Licostomo (sec. XIV) / eds. G. Balbi, S. Raitieri. Genova: Istituto internazionale di studi liguri, 1973. 242 p.
60. Notai Genovesi in Oltremare. Atti Rogati a Chilia da Antonio di Ponzò (1360–1361) / Ed. G. Pistarino. Genova: Istituto internazionale di studi liguri, 1971. 220 p.
61. Papacostea Ș. Geneza statului în evul mediu românesc. Studii critice. Cluj-Napoca: Editura Dacia, 1988. 257 p.
62. Schreiner P. Die Byzantinischen Kleinchroniken. 3. Teil. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1979. 254 p.
63. Spinei V. Moldavia in the 11th–14th Centuries. Bucharest: Editura Academiei Republicii Socialiste România, 1986. 276 p.
64. The Bondage and Travels of Johann Schiltberger, A Native of Bavaria, in Europe, Asia and Africa 1396–1427 / ed. P. Brunn, trans. J. Buchan Telfer. London: Hakluyt Society, 1879. 263 p.
65. Vasary I. Cumans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans 1185–1365. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 230 p.
66. Vasary I. Nagy Lajos tatar hadjaratai // Studia Caroliensia, 2006. Vol. 3–4, pp. 17–30.
67. Vetera Monumenta Historica Hungariam Sacram Illustrantia, II / ed. A. Theiner. Romae: Typ. Vaticanis, 1860. 815 p.

Сведения об авторе: Александар Узелац – PhD (история), старший научный сотрудник Института истории (Белград) (11000, ул. Кнеза Михаила, 36/II, Белград, Сербия); ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0626-2928>. E-mail: aleksandar.uzelac@iib.ac.rs

Поступила 31.05.2019 Принята к публикации 26.08.2019

Опубликована 29.09.2019

REFERENCES

1. Atanasov G. Dobrudzhansko despotstvo (*k"m politicheskata, ts"rkov-nata, stopanskata i kulturnata istoriya na Dobrudzha prez XIV v.*) [The Despotate of Dobrudja (Towards Political, Church, Economic and Cultural History of Dobrudja in the Fourteenth Century)]. Veliko T'rnovo: Faber, 2009. 496 p. (In Russian)
2. Atanasov G., Pavlov P. Tataro-Bulgarica – Tri etyuda o bolgarsko-tatarskikh kontaktakh na Nizhnem Dunae v XIII–XIV vv [Tataro-Bulgarica – The Three Studies about Bulgarian-Tatar Contacts in the 13th–14th Centuries]. *Arkheologiya Evraziyskikh Stepey* [Ar-

chaeology of the Eurasian Steppes], Vol. 13. Forum Idel'-Altay. Kazan: Marjani Institute of History of Academy of Sciences of Tatarstan, 2011, pp. 3–32. (In Russian)

3. Begunov Yu. K. Drevniy gerb Bolgarii i «Khronika Konstantskogo sobora» Ul'rikha Rikhentalya [The Ancient Coat-of-Arms of Bulgaria and the Chronicle of the Council of Constance by Ulrich von Richental]. *Sovetskoe slavyanovedenie* [Soviet Slavic Studies], no. 2. 1974, pp. 59–63. (In Russian)

4. Boykov G. S'zdavaneto na Tatar Pazardzhik prez 1398 g. – khipotezi, sporove, zaklyucheniya [Emergence of Tatar Pazardzhik in 1398 – Hypotheses, Disputes, Conclusions]. *Istoricheski Pregled* [Historical Review]. 2007, no 5–6, pp. 3–18. (In Bulgarian)

5. Gadzhanov D. P'tuvaneto na Evliya Çelebi iz b'lgarskite zemi pred sredata na XVII vek [The Travel of Evliya Çelebi from Bulgarian Lands in the Mid-Seventeenth Century]. *Periodichesko spisanie na B'lgarskoto knizhovno druzhestvo v Sofiya* [Periodical Journal of the Bulgarian Literary Society in Sofia], 70, sv. 9–10, 1909, pp. 639–724. (In Bulgarian)

6. Galenko O. Zolota Orda u bitvi bilya Sinikh Vod 1362 r. [Golden Horde in the Battle of the Blue Waters in 1362]. *Sin'ovods'ka problema u novitnikh doslidzhennyakh* [The Problem of the Blue Waters in Newer Researches]. Ed. F.M. Shabul'do. Kyiv: Institute of History of Ukraine, 2005, pp. 129–159. (In Ukrainian)

7. *Gramoti XIV st.* [The Charters of the 14th Century]. Ed. M.M. Peshchak. Kyiv: Naukova dumka, 1974. 256 p. (In Russian and Ukrainian)

8. Gulevych V. Zahidni zemli Ulusu Dzhuchi v kinci XIII–XIV st. i Tuka-Tymurydy [Western lands of the Juchid Ulus in the late 13th–14th centuries and the Tuka-Temurids]. *Special'ni istorichni dyscypliny: pytannja teorii' ta metodyky. Zbirka naukovykh prac'* [Special Historical Disciplines: Questions of Theory and Methodology. Collection of Scientific works], 2013. Is. 22–23, pp. 138–178. (In Ukrainian)

9. Gjuzelev V. *Venecijsky dokumenty za istorijata na B'lgarija i b'lgaryte ot XII–XV v.* [Venetian Documents for the History of Bulgaria and Bulgarians from 12–15th Centuries]. Sofia: General Department of Archives, 2001. 351 p. (In Bulgarian)

10. Gjuzelev V. *Ochercy v'rhu ystorijata na B'lgarskija severoyztoch y Chernomoryeto (kraja na XII – nachaloto na XV vek)* [Studies about the History of the Bulgarian Northeast and Black Sea Region (end of 12th – beginning of 15th Century)]. Sofia: Borina, 1995. 155 p. (In Bulgarian)

11. Dashkevich Ja. Stepovi derzhavi na Podilli ta v Zahidnomu Prichornomor'i jak problema istorii Ukraïni XIV st [Steppe states in Podolia and in the Western Black Sea Region as a Problem of the history of Ukraine of the 14th Century]. *Materiali i doslidzhennja z arheologii Prikarpattja i Volini* [Materials and Research on Archaeology of the Carpathians and Volhynia], 2006. Vol. 10, pp. 112–121. (In Ukrainian)

12. Desej O. Obosnovanie Aktava iz Zolotoy Ordy v Ottomanskoy imperii vo vremena Yyldyryma Bayazida [Establishment of Aktav from the Golden Horde in the Ottoman Empire in times of Bayezid Yildirim]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya=Golden Horde Civilization*, 2010, no. 3, pp. 202–209. (In Russian) (=A. Decei. Établissement de Aktav de la Horde d'Or dans l'Empire Ottoman, au temps de Yildirim Bayezid. Zeki Velidi Togan'a Armağan. Istanbul, 1955, pp. 77–92 (In French))

13. Krivenko A.V. Nahodki serbskih srednevekovykh monet v mezhdurech'e Pruta i Dnestra [Finds of Serbian Medieval Coins in the Prut-Dniester Interfluve]. *Stratum Plus*, 2016, Vol. 6, pp. 339–345. (In Russian)

14. Kuzev A. Varna. *B'lgarski srednovekovni gradove i kreposti* [Bulgarian Medieval Cities and Fortresses]. Varna: Georgi Bakalov, 1981, pp. 293–310. (In Bulgarian)

15. Mayorov A.V. K sporam o vremeni voznikoveniya Moldavskogo knyazhestva [Disputes about the time of Emergence of the Moldavian Principality]. *Rusin*, 2013. Vol. 3, pp. 32–83. (In Russian)

16. Mirgaleev I. M. Bitvy Toktamysh-hana s Aksak Timurom [The Battles of khan Tokhtamysh with Aksak Temur]. *Voennoe delo Zolotoy Ordy: problemy i perspektivy izuchenija. Materialy Kruglogo stola, provedennogo v ramkah Mezhdunarodnogo Zolotoordynskogo Forumu.* [Warfare of the Golden Horde: Problems and Perspectives of study. Materials of the Round Table held within the Framework of the International Golden Horde

Forum], ed. I. M. Mirgaleev. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2011, pp. 180–192. (In Russian)

17. Mirgaleev I. M. *Politicheskaja istorija Zolotoj Ordy perioda pravlenija Toktamys hana* [The Political History of the Golden Horde during the Reign of khan Tokhtamysh]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2003. 163 p. (In Russian)

18. Neshri. *Ogledalo na sveta* [Mirror of the World]. Trans. M. Kalicin. Sofia: Fatherland Front, 1984. 420 p. (In Bulgarian)

19. Nikolae E. Dve monety final'noy stadii zolotoordynskogo gospodstva k zapadu ot Dnestra [Two Coins from the Final Phase of the role of the Golden Horde to the west of the Dniester]. *Stratum plus*, 1999. Vol. 6, pp. 142–146. (In Russian)

20. Pavlov P., Vladimirov G. *Zlatnata orda i b'lgarite* [Golden Horde and Bulgarians]. Sofia: Military Publishing, 2009. 176 p. (In Bulgarian)

21. Pavlov P., Tjutjundzhiev I. *B'lgarite i osmanskoto zavoevanie (Kraja na XIII–sredata na XV v)* [Bulgarians and the Ottoman Conquest (end of 13th – mid-14th century)]. Veliko Tŕnovo: Slovo, 1995. 151 p. (In Bulgarian)

22. *Polnoe sobranie russkikh letopisey: Prodolzhenie letopisi po Voskresenskomu spisku* [Complete Collection of the Russian Chronicles, vol. VIII: The Continuation of the Chronicle in Vosskresenskaya Manuscript]. St. Peterburg, 1859. 310 p. (In Russian)

23. *Polnoe sobranie russkikh letopisey: Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarsheyu ili Nikonovskoyu letopis'yu* [Complete Collection of the Russian Chronicles, vol. XI: The Compendium of Chronicles named Patriarchal or Nikonovskaya Chronicle]. St. Peterburg, 1897. 264 p. (In Russian)

24. *Polnoe sobranie russkikh letopisey: Rogozhskiy letopisets* [Complete Collection of the Russian Chronicles, vol. XV, pt.1: The Rogozh Chronicler]. Petrograd, 1922. 267 p. (In Russian)

25. *Polnoe sobranie russkikh letopisey: Letopisi belorussko-litovskie* [Complete Collection of the Russian Chronicles, vol. XXXV: Belarusian-Lithuanian Chronicles]. Moscow: Nauka Publ, 1980. 313 p. (In Russian)

26. *Polnoe sobranie russkikh letopisey: Gustinskaya letopis'* [Complete Collection of the Russian Chronicles, vol. XL: Gustinskaya Chronicle] Sankt-Peterburg: Dmitrij Bulanin, 2003. 204 p. (In Russian)

27. Postike G.I. Tsitadel' zolotordynskogo goroda Shekhr al'-Dzhedid (Staryy Orkhey, Moldova) [The Citadel of the Golden Horde city of Shehr al-Jedid (Orcheul Veche, Moldavia)]. *Rossiyskaya Arkheologiya* [Russian Archaeology]. 2005, no. 2, pp. 151–155. (In Russian)

28. Prokofev N.I. *Zapiski russkikh puteshestvennikov XI–XV vv.* [Records of Russian Travelers of 11–15th Centuries] Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1984. 446 p. (In Russian)

29. Russev N. B'lgarite i tatarite ot „Zlatnata orda“ na Dolniya Dunav (vtorata polovina na XIV – pŕvata polovina na XV v.) [Bulgarians and Tatars from “the Golden Horde” on the Lower Danube (Second half of 14th – First half of 15th Century)]. *B'lgarite v severnoto prichernomorie* [Bulgarians in the Northern Black Sea Region], 1997. Vol. 6, pp. 153–167. (In Russian)

30. Russev N. Moldaviya v «temnye veka»: materialy k osmysleniyu kul'-turno-istoricheskikh protsessov [Moldavia in the Dark Ages: Materials for Understanding of the Cultural and Historical Processes]. *Stratum Plus*, 1999. Vol. 5, pp. 379–407. (In Russian)

31. Russev N. Zolotaya Orda na nizhnem Dunae [Golden Horde on the Lower Danube]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya=Golden Horde Civilization*. 2009, no. 2, pp. 90–103. (In Russian)

32. Russev N. Zolotoordynskie relikty v gramotakh srednevekovoy Moldavii: obshchiy eskiz so sluchaem «Kishinev» [Golden Horde Relics in the Charters of Medieval Moldavia: a General Sketch with the case of “Chisinau”]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2014, no. 4(6), pp. 113–133. (In Russian)

33. Spisok russkikh gorodov dal'nih i blizhnih [List of the Nearby and far Russian cities]. Tihomirov M.N. *Russkoe letopisanie* [Russian Chronicles]. Moscow: Nauka, 1979, pp. 83–137 (=Tihomirov M.N. Spisok russkikh gorodov dal'nih i blizhnih [List of the Nearby and far Russian cities]. *Istoricheskie zapiski* [Historical Writings]. 1952, vol. 40, pp. 214–259) (In Russian)

34. Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, otnosyashchihsia k istorii Zolotoy Ordı , T. I: Izvlecheniya iz arabskih istochnikov* [Collection of Materials about the History of the Golden Horde, vol. I: Excerpts from Arabic Sources]. St. Petersburg: Imperial Academy of Science, Vol. 1, 1884. 563 pp. (In Russian)
35. Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, otnosyashchihsia k istorii Zolotoy Ordı , T. II: Izvlecheniya iz persidskih sochinenij, sobrannye V.G. Tizengauzenom i obrabotannye A.A. Romaskevichem i S.L. Volinym* [Collection of Materials about the History of the Golden Horde, vol. I: Excerpts from Persian Sources collected by V.G. Tizengauzen and edited by A.A. Romaskevich and S.L. Volin]. Moscow–Leningrad: Academy of Science of USSR, 1941. 308 p. (In Russian)
36. Trepavlov V.V. *Istoriya Nogayskoy ordı* [History of Nogai Horde]. Moscow: Vostochnaya literatura, 2002. 752 p. (In Russian)
37. Uzelac A. *Pod senkom Psa. Tataři i južnoslovenske zemlje u drugoj polovini XIII veka* [Under the Shadow of the Dog: Tatars and South Slavic Lands in the Second Half of 13th Century]. Belgrade: Utopija. 321 p. (In Serbian)
38. Uzelac A. Atlamiš – Kumanski car iz Srpske Aleksandride [Atlamiš – Cuman Emperor from Serbian Alexandria]. *Spomenica Tibora Živkovića* [Homage to Tibor Živković]. Ed. I. Cvijanović. Belgrade: Institute of History, 2016, pp. 221–228. (In Serbian)
39. Cherkas B. *Zahidni volodinnja Ulusu Dzhuchi: politichna istorija, teritorial'no-administrativnij ustrij, ekonomika, mista (XIII–XIV st.)* [Western Possessions of Juchid Ulus: Political History, Territorial and Administrative Structure, Economy, Cities (13th–14th centuries)]. Kyiv: Institute of History of Ukraine, 2014. 387 p. (In Ukrainian)
40. Shabul'do F. *Zemli Yugo-Zapadnoy Rusi v sostave Velikogo knyazhestva Litovskogo* [Lands of South-West Rus' in the Great Lithuanian Principality]. Kyiv: Naukova dumka, 1987. 183 p. (In Russian)
41. Janina S.A. «Novyy gorod» (=Yangi Shehr = Shehr al-Dzhedid) – monetnyy dvor Zolotoy Ordı i ego mestopolozhenie [The “New City” (=Yangi Shehr = Shehr al-Jadid) – Mint of the Golden Horde and its Location]. *Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya* [Proceedings of State Historical Museum]. 1977. Vol. 49, pp. 193–215. (In Russian)
42. Balard M. *La Romanie génoise (XIIe – début du XVe siècle)*, I. Rome: Boccard, 1978. 1008 p. (In French)
43. Belgrano L.T. Cinque documenti genovesi orientali. *Atti della Società Ligure di Storia Patria*, 1885. Vol. 17, pp. 1–11. (In Italian)
44. Căprăroiu D. Scurte considerații privind cronologia campaniilor antimongole ale regelui Ludovic de Anjou. *Revista de Istorie Militară*, 2014. Vol. 3–4, pp. 151–152, 167–168. (In Romanian)
45. *Chronicon Dubnicense*. Historiae Hungaricae Fontes domestici. Scriptores Vol. III. Ed. M. Florianus. Lipsiae, 1884. 276 p. (In Latin)
46. Ciociltan V. „Către părțile tătărești” din titlul voievodal al lui Mircea cel Bătrân. *Anuarul Institutului de Istorie și Arheologie „A. D. Xenopol” din Iași*, 1987. Vol. 24/2, pp. 349–355. (In Romanian)
47. Coman M. From an Open to a Closed Frontier: the Wallachian-Moldavian Frontier from c. 1350 to c.1450. *Annual of Medieval Studies at CEU*, 2003. Vol. 9, pp. 127–154.
48. Deletant D. Genoese, Tatars and Rumanians at the Mouth of the Danube in the Fourteenth Century. *The Slavonic and East European Review*, 1984. Vol. 62/4, pp. 511–530.
49. Desimoni C. Trattato dei genovesi col chan dei tartari nel 1380–1381 scritto in lingua volgare. *Archivio storico italiano* (4th ser.), 1887. Vol. 20, pp. 161–165. (In Italian)
50. Diaconu P. O formațiune statală la Dunărea de Jos la sfârșitul secolului al XIV-lea necunoscută până în prezent. *Studii și cercetări de istorie veche și arheologie*, 1978. Vol. 2, pp. 185–200. (In Latin)
51. *Documenta Romaniae Historica, B: Țara Românească*, Vol. 1. eds. P. Panaitescu, D. Mioc. București: Editura Academiei Republicii Socialiste România, 1966. 635 p. (In Latin, Old Slavic and Romanian)

52. *Documenta Romaniae Historica, D: Relații între Țările Române*, Vol. I. eds. Ș. Pascu et al. București: Academia Republicii Socialiste România, 1977. 527 p. (In Latin, Old Slavic and Romanian)
53. Guboglu M., Mehmet M. *Cronici turcesti privind Tarile Romane. Vol. 1: sec. XV – mijlocul sec. XVII*. București: Academia Republicii Socialiste România, 1966. 562 p. (In Romanian)
54. Iliescu O. *Genois et Tatars en Dobroudja au XIVe siecle: l'apport de la numismatique // Etudes Byzantines et Post-Byzantines*, 1997. Vol. 3. p. 161–178. (In French)
55. *Ioannis Cantacuzeni eximperatoris historiarum libri IV*, II. Ed. L. Schopen, Bonnae, 1831. 615 p. (In Greek)
56. *Laonici Chalcocandylae Historiarum demonstrationes*, I. Ed. E. Darkó. Budapestini: Typis Societatis Franklinianae, 1922. 618 p. (In Greek)
57. Laurent V. *Le Metropolit de Vicina Macaire et la prise de la ville par les Tartares // Revue historique du Sud-Est européen*, 1946. Vol. 23. p. 225–231. (In French)
58. Nicolai de Porta, quondam Mathaei, notarii quarti clerici Januensis, *Historia translationis reliquiarum B. Johannis Baptistae ad civitatem Januae // Recueil des historiens des croisades: Historiens Occidentaux*, T. V. Paris: Imprimerie nationale, 1895. p. 236–247. (In Latin)
59. *Notai Genovesi in Oltremare. Atti Rogati a Caffa e a Licostomo (sec. XIV)*. eds. G. Balbi, S. Raitieri. Genova: Istituto internazionale di studi liguri, 1973. 242 p. (In Latin and Italian)
60. *Notai Genovesi in Oltremare. Atti Rogati a Chilia da Antonio di Ponzò (1360–1361)*. Ed. G. Pistarino. Genova: Istituto internazionale di studi liguri, 1971. 220 p. (In Latin and Italian)
61. Papacostea Ș. *Geneza statului in evul mediu românesc. Studii critice*. Cluj-Napoca: Editura Dacia, 1988. 257 p. (In Romanian)
62. Schreiner P. *Die Byzantinischen Kleinchroniken*. 3. Teil. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1979. 254 p. (In Greek and German)
63. Spinei V. *Moldavia in the 11th–14th Centuries*. Bucharest: Editura Academiei Republicii Socialiste România, 1986. 276 p.
64. *The Bondage and Travels of Johann Schiltberger, A native of Bavaria, in Europe, Asia and Africa 1396–1427*. ed. P. Brunn, trans. J. Buchan Telfer. London: Hakluyt Society, 1879. 263 p.
65. Vasary I. *Cumans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans 1185–1365*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 230 p.
66. Vasary I. Nagy Lajos tatar hadjaratai // *Studia Caroliensia*, 2006. Vol. 3–4. p. 17–30. (In Hungarian)
67. *Vetera Monumenta Historica Hungariam Sacram Illustrantia*, II. ed. A. Theiner. Romae: Typ. Vaticanis, 1860. 815 p. (In Latin)

About the author: Aleksandar Uzelac – PhD (History), Senior Research Associate, Institute of History, Belgrade (36/II, Kneza Mihaila Str., Belgrade 11000, Serbia); ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0626-2928>. E-mail: aleksandar.uzelac@iib.ac.rs

*Received May 31, 2019 Accepted for publication August 28, 2019
Published September 29, 2019*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ В 1419–1427 гг.***А.В. Парунин***

*Фонд содействия сохранению культурного наследия
«Общественный фонд «Южный Урал»
Челябинск, Российская Федерация
therion12399@gmail.com*

Цель: всесторонне исследовать политическую историю Золотой Орды в вышеуказанное время, выявив причины междоусобных войн этого периода, попутно рассмотрев основные политические группировки, а также их роль и влияние на ход текущих событий.

Материалы исследований: русские летописи – Никоновская, Симеоновская, Густынская, западнорусские летописи; персоязычная историография (ал-Хавафи, Хафиз Абру, Самарканди, Утемиш-хаджи), арабоязычная историография (ал-Айни), татарская историография (Кырыми, Кадыр Али-бек, Хурреми), татарский героический эпос «Идегей», бухгалтерские книги (массарии) Каффы, воспоминания баварского солдата Иоганна Шильтбергера, дипломатическая переписка Витовта, польская историография (Ян Длугош) и др. В статье также использовались работы А.Л. Пономарева, Р.Ю. Ревы, Д.Н. Маслюженко, Р.А. Беспалова, А.П. Григорьева, В.М. Жирмунского и др.

Результаты и научная новизна: в работе автор пришел к выводу, что в ходе очередного витка междоусобиц в Золотой Орде в 1420-х гг. основная борьба проходила между Тукай-тимуридами Улуг-Мухаммадом, пользовавшимся поддержкой великого князя литовского Витовта, и внуком Урус-хана Бараком, помощь которому оказали Тимуриды в лице Улугбека. На основании публикаций новых источников (в частности, «Кара таварих» Утемиша-хаджи) в статье предлагается решение проблемы т.н. «Мухаммадов», начало которой положил М.Г. Сафаргалиев, а в последние годы ее реанимировали в своих трудах Р.Ю. Рева, Я.В. Пилипчук, Ж.М. Сабитов. На основе всестороннего анализа представленных письменных источников (для которых предлагается классификация по хронологическому и фактологическому признакам) представляется, что часто упоминаемый в средневековой литературе хан «Мухаммад» является Улуг-Мухаммадом, а не очередным одноименным царевичем из династии Шибанидов. Также подробно рассматривается процесс выдвижения новых претендентов на престол после смерти Дервиш-хана, Кадыр-Берди и темника Идегея. Наибольшую активность здесь проявили крымские беки, утвердив своего ставленника Улуг-Мухаммада. Произошедшее наглядно демонстрирует тот факт, что на некоторое время мангыты утратили политическое доминирование в распадавшейся Золотой Орде, несмотря на сообщения поздних татарских летописцев, явно подпадавших под влияние героического эпоса «Идегей». Небезынтересен и тот факт, что канва событий рассматриваемого времени напрямую связана с исследовательским поиском, а также с используемым им источниковедческим инструментарием. В целом, политическая история Золотой Орды рассматриваемого времени демонстрирует нам продолжение политического затухания государства, увеличение роли местных кланов, а также усиленное внимание к нему со стороны Великого княжества Литовского.

Ключевые слова: Золотая Орда, Улуг-Мухаммад, Барак, Витовт, Идегей, Тимуриды, Мансур, мангыты, источниковедение

Для цитирования: Парунин А.В. Политическая история Золотой Орды в 1419–1427 гг. // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 3. С. 434–460. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-3.434-460

Благодарности: Автор благодарит В.П. Гулевича за ценные комментарии к тексту данной статьи.

THE POLITICAL HISTORY OF THE GOLDEN HORDE IN 1419–1427

A.V. Parunin

*Cultural Heritage Assistance Foundation “Public Foundation “Southern Ural”
Chelyabinsk, Russian Federation
therion12399@gmail.com*

Abstract: *Research objectives:* To comprehensively explore the political history of the Golden Horde during the specified period; to identify the causes of the internecine wars of this period and simultaneously identify the main political groups, as well as their role and influence on the course of events.

Research materials: Russian annals (Nikonovskaya, Simeonovskaya, Gustynskaya, and the West Russian chronicles); Persian historiography (al-Hawafi, Hafiz Abru, Samarkandi, Ötemish Haji); Arabic historiography (al-Ayni); Tatar historiography (Kirimy, Kadir Ali-bek, Khurremi); the Nogai heroic epos “Idegei”; accounting books (massariae) of Caffa; the memoirs of the Bavarian soldier Johann Schiltberger; the diplomatic correspondence of Vytautas; Polish historical works (Jan Długosz), etc. The author also used the works by A.L. Ponomarev, R.Yu. Reva, D.N. Maslyuzhenko, R.A. Bespalov, A.P. Griгорьев, V.M. Zhirmunsky et al.

Results and novelty of the research: The author has reached the conclusion that during the civil strife in the Golden Horde in the 1420s, the main struggle took place between the descendants of Töqa-Temur, Ulugh-Muhammad, supported by the great Lithuanian prince Vytautas, and the grandson of Urus Khan, Baraq, supported by Timurid Ulugh Bek. Based on the publication of new sources (in particular, the “Qara tavarikh” of Ötemish Haji), the article proposes a solution for the problem of the so-called “Muhammads” – the problem, which was first formulated by M.G. Safargaliev and recently again discussed by R.Yu. Reva, Ya.V. Pilipchuk, Zh.M. Sabitov. A comprehensive analysis of written sources (classified on chronological and factual grounds) suggests that “Muhammad”, often mentioned in medieval literature, was in fact Ulugh Muhammad, and not just another eponymous prince from the Shibaniid dynasty. The author also examined in detail the process of nominating new candidates for the throne after the death of Dervish Khan, Kadir Berdy and Idegei. The Crimean beks were most active here, having approved their protege Ulugh Muhammad. What happened clearly demonstrates the fact that for some time, the Nogais lost their political dominance in the Golden Horde despite the accounts of the late Tatar chroniclers who clearly fell under the influence of the Nogai heroic epic. It is also interesting that the outline of the events of this period is directly related to the scholarly research, as well as to the source-research tools used by it. In general, the political history of the Golden Horde in the period under consideration reflects the continuation of the political decay of the state, the increasing role of local clans, as well as the increased attention paid to it by the Grand Duchy of Lithuania.

Keywords: Golden Horde, Ulugh Muhammad, Baraq, Vytautas, Idegei, Timurids, Mansour, Mangitis, source study

For citation: Parunin A.V. The Political History of the Golden Horde in 1419–1427. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 3, pp. 434–460. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-3.434-460

Acknowledgements: The author thanks V.P. Gulevich for valuable comments on the text of this article.

Второе десятилетие XV века ознаменовалось для Золотой Орды глубоким кризисом, вызванным рядом внешних и внутренних причин. Появление новых политических группировок – мангытской партии во главе с Идегеем с одной стороны, и династии тоқтамышевичей, поддерживаемой великим князем Литовским Витовтом, с другой, привело к новому витку междоусобных войн. Особенно ярко это проявилось во второй половине 1410-х гг. при частой смене ханов. Постепенно растущие процессы децентрализации в государстве переросли в 1420-е годы в цепочку непрерывных смут, подрывавших саму основу сильной ханской власти.

Ослабление Золотой Орды постепенно приводит и к снижению интереса к ней со стороны современников. Сведения источников становятся более лаконичными и фрагментарными. Составление цельной картины политической истории становится все более затруднительным, не говоря уже и о том, что в современных исследовательских практиках¹ отсутствует попытка хотя бы краткого описания письменных сведений о золотоордынской истории рассматриваемого периода.

Выбранные хронологические рамки исследования привязаны к очередным всплескам/затуханиям кризисных моментов в истории Золотой Орды. 1419 год – итог многолетнего противостояния детей Токтамыш-хана и мангыта Идегея, закончившегося как смертью последнего, так и гибелью Кадыр-Берди-хана. 1427 год – окончание очередной золотоордынской междоусобицы, изгнание (чуть ранее – *прим.*) Тукай-тимурида Барак-хана в Среднюю Азию, установление контроля над Крымом и Поволжьем Улуг-Мухаммадом.

В данной статье, помимо реконструкции происходивших событий, предлагается вкратце представить основной спектр письменных источников.

Русское летописание в свете рассматриваемой проблемы можно разделить на два: общерусское и западнорусское. Общерусское (представленное, например, Московским летописным сводом, Никоновской летописью и др.) не уделило значительного внимания ханам Золотой Орды: в списки летописей вошли упоминания набегов Барак-хана и Худайдата на Одоев [36, с. 238, 239; 39, с. 167; 40, с. 245]; участие Улуг-Мухаммада в походе на Псков в 1426-м году [37, с. 7; 39, с. 168; 40, с. 184]. Вероятно, русские княжества не были приоритетным направлением у ханов. Западнорусское летописание, подвергнутое влиянию политики ВКЛ, гиперболизирует роль Витовта во взаимоотношениях с царевичами из рода Чингиз-хана [41, с. 76, 141, 163, 189, 209–210, 231; 38, стб. 283–284]. Приводимая в 17-м томе ПСРЛ «Похвала Витовту» [38, стб. 417–420], скорее всего, является наиболее ранним упоминанием об отношениях литовского князя с татарскими царевичами, т.к. составлена в 1428-м году.

Отдельно стоит отметить сведения Густынской летописи, позднего летописного произведения, составленного в последней четверти XVII века и по-

¹ Исключением стал перевод и анализ данных бухгалтерских книг – массарий Каффы, опубликованный А.Л. Пономаревым [34, с. 158–160].

лучившего название по Густынскому Троицкому монастырю [42, с. 3–4]. Летопись содержит уникальное известие о князе Василии II как ставленнике Улуг-Мухаммада [42, с. 133], не встречающееся в иных летописных источниках, в том числе и поздних. Судя по содержащемуся в летописи материалу, ее происхождение сближается с западнорусским летописанием.

Восточные источники подразделяются на арабские, персидские и крымско-османские. Наиболее полно интересующая нас тематика представлена в персоязычной историографии. Хронология событий обрисована в труде Абд ал-Раззака Самарканди, а также у современника событий Хафиза Абру. «Зубдат ат-таварих» было частично включено в публикацию персоязычных историков [20, с. 373, прим. 29, 31; с. 375–376, прим. 33]. Некоторые детали излагает современник Хафиза Абру Фасих ал-Хавафи, но напрямую они не касаются описываемых событий [53, с. 183, 200, 202–203]. Источником информации являлись либо данные официальных посольств, либо сведения купцов.

Особняком стоят сведения «Зафар-наме» Йазди, «Тарих-и арба улус» (авторство приписывается Улугбеку, либо группе лиц под руководством Улугбека) и «Родословия тюрков» – источника, идентичного предыдущему (составлен, вероятно, в начале XVI в.) [20, с. 386]². В сочинениях приведены списки ханов Золотой Орды с их кратким описанием. Такая же структура отразилась и в более позднем труде «Хуласат ал-ахбар» Хондемира [55, с. 40–42]. В.В. Бартольд предположил, что перечень ханов, приводимый Йазди, более ранний, нежели в «Тарих-и арба улус», поскольку у Йазди отсутствовали четыре последних хана [3, с. 141–142].

Более лаконичны арабские авторы. Наиболее подробен Махмуд ал-Айни. Ему принадлежит уникальное и насыщенное известие о войне Кадыр-Берди с Идегеем, а также письмо крымского хана Девлет-Берди в Египет [17, с. 374–376]. Учитывая мнение В.М. Жирмунского, что сказание об Идегее формировалось уже в XV в., резонно предположить его влияние и на сообщения арабских авторов [15, с. 374]. Примечательно, что современный Айни историк и путешественник Ибн Арабшах в своем повествовании о междоусобицах Токтамыша и Идегея также придерживается эпического стиля [18, с. 336–343].

Более разрозненные сведения предоставляют татарские летописцы, функционировавшие в Касимове, Крымском ханстве и Османской империи. Выходцу из клана джалаир Кадыр Али-беку принадлежит сочинение «Джами ат-таварих», составленное в 1602 году в г. Касимове. Содержание сочинения, а также биография его создателя³, обстоятельно рассмотрена М.А. Усмановым [50, с. 33–96]. Анализируя структуру сочинения, исследователь предположил использование тюркоязычных исторических сочинений, а также многочисленные фольклорные памятники, включая эпос «Идегей» [50, с. 53]. Примечательно, что описание противостояния Идегея и Кадыр-Берди практически идентично имеющемуся у ал-Айни, что может указывать на единый источник информации.

² Датировка «Тарих-и арба улус» в современной исследовательской литературе подвергнута сомнению [7, с. 3, прим. 45]. Справедливости ради стоит отметить, что в авторстве и датировке усомнился еще В.В. Бартольд, ссылаясь на мнение Хондемира [3, с. 141].

³ А.В. Беляковым на основе новых архивных данных проведена корректура биографии этого персонажа [5, с. 63–64].

Кадыр Али-бек, а также представители крымской историографической традиции Абдулгаффар Кырыми и Хурреми (середина XVIII в.), приводят сведения, касающиеся смерти Идегея, воцарения Улуг-Мухаммада, а также гибели бека Мансура и Барак-хана. Если сочинение последнего представлено кратким хронологическим перечнем ханом, то в труде Кырыми повествование не избежало эпических вставок.

«Джами ат-таварих» Кадыр Али-бека известно в двух списках – «хальфиновский» (литера А) и «барудинский» (литера Б) [50, с. 35–36]. Как пишет исследователь, оба списка были дефектны: у хальфинского отсутствовал первый лист и была утеряна завершающая часть, где, по мнению М.А. Усманова, «представлены наиболее ценные и оригинальные главы «Сборника», однако «барудинский» список в этой части дополнял «хальфиновский», но у него отсутствовали начальные листы. Таким образом, «оба списка замечательно дополняли друг друга» [50, с. 36–37].

Соотнесение списков для нас важно тем, что они по-разному излагают вопросы, напрямую касающиеся реконструкции политических событий в Золотой Орде. Очевидно, что за основу переводимого Ч.Ч. Валихановым «Сборника» Кадыр Али-бека [11, с. 228–254], был взят «хальфиновский» список, в котором сообщалось, что Барак-хан убил Мансура и шибанида Хаджи-Мухаммада. Между тем, М.Г. Сафаргалиев, обратившийся к «барудинскому» списку, сообщает, что Барак-хан убил только Мансура, и этот факт, по мнению исследователя, «более соответствует действительности» [47, с. 204]. Однако М.А. Усманов, комментируя дастан о Хаджи-Мухаммаде, сообщает следующее: «Ссылаясь на предания, распространенные среди узбеков (узбекский), автор сообщает, что их обоих убил Барак-хан» [50, с. 85]. В результате, осталось неясно, прав был М.Г. Сафаргалиев или ошибался. Сам М.А. Усманов никак не прокомментировал эту неясность. На схожей неопределенной позиции остался и К.З. Ускенбай, обратившись в своем исследовании к этой проблеме [49, с. 249–250].

Особняком среди восточных источников стоит изданная в 2017 году в Казани «Кара таварих» Утемиша-хаджи, известная по списку начала XVII века [52, с. 6]. Упомянутый список представляется более полным нежели опубликованная М.Х. Абусеитовой и подготовленная В.П. Юдиным «Чингизнаме» (ташкентский список) того же автора. Сочинение Утемиша-хаджи – это прежде всего образец устной историографии, поскольку сам автор прежде всего основывался на сообщениях современников, нежели на письменных источниках [50, с. 90]. Первые девять глав сочинения, на наш взгляд, содержат в себе назидательные нотки, рассказы молодым султанам-шейбанидам о том, каким должен быть правитель, чего он должен избегать, какие лидерские качества развивать в себе (более подробно см.: [32, с. 3–9]).

На наш взгляд, такой нравственный вектор сочинение содержит вплоть до воцарения Токтамыш-хана. С момента его правления «Кара таварих» становится более хроникальным, количество упоминаемых событий увеличивается, ряд из которых, например, противостояние Идегея и Кадыр-Берди-хана, находят отражение в более ранних источниках (например, у упоминавшегося выше ал-Айни). Отметим, что большинство перипетий 1420-х гг. в сочинении

показаны с точки зрения либо представителей крымских кланов, либо сыновей Идегея [52, с. 70–79].

В начале XIX в. французский ориенталист Луи-Матье Лангле издал компиляцию, посвященную крымским ханам [63, с. 325–482]. Изучивший работу исследователя, А.Г. Бахтин заключил, что в основу сочинения легли произведения трех крымско-турецких авторов XVII–XVIII вв. [4, с. 24–25]. В компиляции был положен хронологический принцип рассказа о золотоордынских ханах, явно восходящий к перечням Йазди и «Тарих-и арба улус». Подробно изложены обстоятельства прихода Улуг-Мухаммада к власти, а также гибели Барак-хана. Наличие фольклорных и эпических элементов, а также сбивчивость в хронологии, несколько снижают ее ценность.

Перипетиям борьбы Токтамыша и Идегея, а также их детей, посвящен героический эпос «Идегей». Помимо собственно исторической части, эпос содержит и морально-нравственное начало, связанное с вопросами узурпации власти, качеств достойного правителя, недопустимости свержения власти со стороны подчиненных и др. Предания об Идегее и связанных с его жизнью событиях формируются с конца XIV века, но их запись начинается лишь с 30-х гг. XIX в. [59, с. 383–385]. С этого времени была произведена запись сотен различных вариантов эпоса среди татар, казахов, узбеков, а также различных тюркских народов Сибири. Для нашей работы особую ценность имеет упоминание противостояния Кадыр-Берды-хана и Идегея, отраженное во многих поздних источниках, впервые упоминаемое у арабского современника событий ал-Айни.

Среди западных источников важнейшим является *Codex epistolaris Vitoldi* – сборник документов (посланий, донесений, писем, договоров) из канцелярии Витовта, где отражены важнейшие события в Восточной Европе в первой четверти XV века. Приводимые документы, содержащие краткие сведения о золотоордынских ханах, особенно важны тем, что составлялись по горячим следам и служат важнейшим первоисточником по реконструкции рассматриваемых событий.

В отличие от документооборота тех лет, польская историческая традиция не может похвастаться последовательным интересом к восточным событиям. Так, крупнейший представитель средневековой историографии Ян Длугош упомянул в своем труде крайне мало сведений о Золотой Орде, вспомнив лишь о заключении договора между Идегеем и Витовтом [62, с. 220]. Впрочем, существование текста договора также подтверждено *Codex epistolaris Vitoldi* под 17 марта 1419 года [60, с. 443].

Также к документообороту, представляющему исключительное значение для понимания политических процессов на золотоордынском пространстве можно отнести бухгалтерские книги Каффы за 1420, 1422, 1423 и 1424 гг., содержащее в себе скрупулезную финансовую отчетность генуэзского казначейства. Их публикация и обстоятельный анализ были осуществлены А.Л. Пономаревым, Р.А. Беспаловым и В.П. Гулевичем [7, с. 41–47; 14, с. 175–179; 34, с. 158–190].

Несмотря на свою разнохарактерность, корпус источников обширен. Безусловно, на первом месте по достоверности находятся массарии Каффы и обширная переписка Витовта в указанный период времени. Эти источники

фиксируют изменения в реальном времени, сообщая наиболее точные сведения о происходящем.

Немаловажное место также носят воспоминания попавшего в плен баварского солдата Иоганна Шильтбергера, одно время бывшего в услужении у тукай-тимурида Чекре. Особый интерес в сочинении представляет 6-я глава, сообщающая о перипетиях смены правителей в Золотой Орде в рассматриваемый период [58, с. 35–36]. Примечательно, что представляемая в тексте хронология событий практически целиком совпадает с источниками того времени. Особенно ценны сообщения Шильтбергера для реконструкции смерти Чекре [27, с. 114–120; 30, с. 88–95].

Второе место занимают современники событий (в частности ал-Айни, Хафиз Аbru, Хавафи) и наиболее близкие в хронологическом плане («Тарихи арба улус», Самарканди). Младшим современником является также т.н. «Похвала Витовта», однако ее идеологический фон снижает ценность источника. Подобная ангажированность сохраняется и в корпусе западноевропейских летописей, фактически дословно передающих характер отношений Витовта с назначаемыми им татарскими царевичами. В эту категорию можно отнести и русские летописи.

Третьими по важности представляются крымско-татарские сочинения (Кадыр Али-бек, Кырыми, Хурреми, компиляция Лангле). Первые два автора испытали сильное влияние от сочинений Утемиша-хаджи. Не исключено, что для трансляции роли мангытов в золотоордынской смуте также использовался и героический эпос, что особенно характерно на примере сочинений Кадыр Али-бека, Кырыми, а также в эпосе «Идегей». Сюда же можно отнести и «Кара таварих» Утемиша-хаджи. Несмотря на достаточно подробное описание некоторых событий, относящихся к рассматриваемому времени, в целом текст сочинения содержит большое количество фольклоризмов – диалогов между беками, носящих различные оттенки символического характера (например, разговор Тегене-бека с женой [52, с. 74]).

Представляется очевидным, что очередная междоусобица, характерная практически для всего рассматриваемого периода, явилась следствием отсутствия сильной централизации власти. Разрушение политической стабильности напрямую связано с обострившимся противостоянием всеильного темника Идегея, чья власть в Орде серьезно укрепилась после победы над Витовтом и Токтамышем на р. Ворскла в 1398 году и детьми последнего, часть из которых продолжила ставшую уже традиционной политику сотрудничества с великим князем литовским.

В целом, 10-е гг. XV века характеризуются продолжительными попытками Идегея сохранить свое влияние в Золотой Орде посредством поиска союзников и выдвижением их на престол (например, Чекре) и активными действиями со стороны сыновей Токтамыша (Джалал ад-Дин, Керим-Берди Кепек, Джаббар-Берди, Кадыр-Берди и др.), устраивавшими также и войны друг с другом. К концу 1410-х гг. позиции всеильного мангытского темника были серьезно подорваны затянувшейся борьбой, в которую, вероятно, включался и Витовт. Можно судить, что к 1419-му году в государстве не было сильного политического центра: серьезные властные претензии предъявлял еще один сын Токтамыша Кадыр-Берди, ему безусловно противостоял Иде-

гей с новым марионеточным тукай-тимуридом Дервишем. Политическую самостоятельность также проявлял Крымский улус во главе с правителем Бек-Суфи⁴.

По опубликованным нумизматическим материалам сложилась интересная ситуация. Исследователи сообщают, что на крымских монетах 822 г.х. (1419–1420 гг.) отмечены имена Идегея, хана Дервиша и крымского правителя Бек-Суфи [56, с. 366, 371, рис. 1; 14, с. 179]. Против такой позиции высказался А.Л. Пономарев [34, с. 165], оперируя в качестве доказательств также письменными источниками: путешественник Гилльбер де Ланноа и белорусско-литовские летописи сообщали о Бек-Суфи как литовском ставленнике. Ланноа в 1421 году упоминает о смерти «солкатского императора», которому он «вез богатые подарки от Витовта» [43, с. 43], а летописи сообщают о «малом Салтане», правившем перед «Давлад-Бердием» [41, с. 76]. Логика исследователя понятна: в таком случае письменные источники противоречили бы нумизматическим.

Вероятно, отмеченное противоречие можно разрешить следующим обстоятельством. Как известно, в 1419-м году Витовт заключил договор с золотоордынским ханом. В описании Яна Длугоша событие выглядит следующим образом: «Вождь татарский Едиге, могущественный и грозный, который государством татар единолично правил, желая с Александром Великим князем Литовским, после битвы с ним на реке Ворскле, успешной как для такого варвара и поганина, мир заключить, отправил к нему пышное и именитое посольство, а в дар князю 3 верблюда под красными покрывалом и двадцать семь коней со следующим посланием: “Не могу упустить того с виду, светлейший князь, что мы обое, как я так и ты, склоняемся к закату жизни. Подобаает что бы мы остаток дней наших провели в согласии и мире; а та кровь, которая в войнах между нами пролита, что б высохла и в землю впиталась, взаимные оскорбления и ругательства что б ветры разнесли, ссоры наши и упорство что б огонь вытравил, пожарища что б по наших землях вода загасила”. Князь Александр Витовт принял это посольство учтиво и пышно, и заключил с татарами желаемый союз» [62, с. 220]. М.Г. Сафаргалиев счел сообщение Длугоша сомнительным [47, с. 193].

Вполне вероятно, что проблему повторного возвращения⁵ в Крым Бек-Суфи и чеканки монеты с Дервишем и Идегеем, могут объяснить установленные договорные обязательства, поскольку именно с ханом был заключен упомянутый договор в марте 1419 года [60, с. 442–443]. Дальнейшая реконструкция будет умозрительной, однако и для нее есть определенные основания. В тексте договора выгоды обеих сторон не оговариваются; ничего конкретного не сообщается и у Длугоша. Но стоит отметить естественное желание Витовта повлиять на политику Золотой Орды, о чем говорят и вышеупомянутые

⁴ Личность Бек-Суфи, а также его генеалогия, представляется сложно реконструируемой. Подробнее см.: [31, с. 159–164].

⁵ Впервые Бек-Суфи упоминается в начале января 1411 года, когда он в составе войска сына Токтамыша Джалал ад-Дина изгнал войска Идегея из Крыма. В тексте массарии фиксируется подношение даров ему и Джалал ад-Дину. В латинском тексте Бек-Суфи зафиксирован как *Becsuff ogolano* [34, с. 165, прим. 12].

источники: если сообщения белорусско-литовских летописей можно назвать тенденциозными, то информация Ланноа представляется нейтральной: он определенно нам сообщает о дружбе Витовта и Бек-Суфи. Наличие трех имен на монетах отнюдь не противоречит сложившейся договоренности. Тукай-тимурид Бек-Суфи, сын Таш-Тимура⁶ с титулом на монетах «Султан сын султана» являлся удобной креатурой Витовта. Тем более показательно, что после его смерти новым крымским ханом становится его брат Девлет-Берди⁷. Судя по всему, кандидатура Бек-Суфи устраивала и Идегея. Тем самым был достигнут временный компромисс.

Необходимость союза с литовским ставленником Бек-Суфи, на наш взгляд, вызвана обострившимися отношениями с очередным сыном Токтамыш-хана Кадыр-Берди. Наиболее ранний источник, ал-Айни, подробно повествует о противостоянии темника с токтамышевичем [18, с. 374–375]. Интересно отметить фольклорность описания противостояния, что нехарактерно для египетского историка, использовавшего в основном документацию и работы предыдущих авторов. Схожие известия, но в более лаконичной форме, отмечены у Кадыр Али-бека и в компиляции Лангле [50, с. 78; 11, с. 234; 63, с. 390].

Кадыр-Али-бек отмечает юный возраст Кадыр-Берди [50, с. 78; 11, с. 234], что дало исследователям повод говорить о его марионеточности [14, с. 174].

Смерть двух антагонистов привела к коллапсу власти в Золотой Орде, в результате чего «царством Дештским стал править некто из рода Чингизханова по имени Мухаммадхан» [18, с. 375]. В упоминаемом династе мы видим тукай-тимурида Улуг-Мухаммада. Его генеалогия присутствует в сочинении Абулгази [1, с. 157].

Поздние крымско-татарские источники также допускают участие Улуг-Мухаммада в деле убийства Идегея [26, с. 381; 63, с. 391–392]. «Кара таварих» сообщает, что Улуг-Мухаммад напал на войско Идегея после гибели их военачальника, затем «захватил его страну и стал там ханом, и все ему покорились и подчинялись» [52, с. 72]. Примечательно, что именно это обстоятельство стало причиной избрания Улуг-Мухаммада на золотоордынский престол. В рамках сюжета легенды крымские беки искали подходящую креатуру, необходимую для лоббирования своих политических интересов. В на-

⁶ Автор данной статьи придерживается версии генеалогии хана, предложенной А.Л. Пономаревым [34, с. 164, 165, 169–170]. Критика предложенной генеалогии Ж.М. Сабитовым представляется неубедительной [46, с. 63–74] и была рассмотрена автором данной статьи в отдельной работе [31, с. 159–168].

⁷ Версия о братстве Бек-Суфи и Девлет-Берди, выдвинутая А.Л. Пономаревым [34, с. 174–175], имеет свои сложности [45, с. 92, прим. 16]. В 1423-м году Девлет-Берди прямо назван императором [34, с. 177, прим. 35]. Примечательно, что составители бухгалтерских книг не путали «императора» и «императора Орды». Ж.М. Сабитов предложил видеть в «Императоре» Худайдата [45, с. 69], однако невозможно ответить, считался ли он вообще ханом, несмотря на свое появление в источниках: в перечнях ханов он отсутствует, а в условиях междоусобной войны он мог провозгласить себя ханом на любой территории Золотой Орды. В качестве «императора» в генозских бухгалтерских книгах предпочтительнее видеть Улуг-Мухаммада [34, с. 177–179, прим. 34, 38, 39, 40, 43, 45].

родном предании, отмеченном Ф.Ф. Лашковым, Тегене-ширин возводит на престол Улуг-Мухаммада [22, с. 36]. Подобная информация находит свое подтверждение в назначении Улуг-Мухаммадом Тегене из клана Ширин на должность наместника Солхата [14, с. 174]. Если эти факты взаимосвязаны, то можно констатировать, что информация из поздних источников находит свое подтверждение в более ранних.

Отметим, что Улуг-Мухаммад мог быть не единственным претендентом на престол. Мухаммад ат-Ташкенди сообщает, что «сановники государства поставили одного из сыновей Токтамыш хана по имени Кучук-Мухаммад, бывшего (тогда) еще отроком, чтобы не прервать связи порядка (престолонаследия) их, сразились с Идику, одержали над ним победу и умертвили его. Этот Кучук-Мухаммад был отец хаканов Крымской земли. Но жители Дешта не согласны с этим, а говорят, что после Токтамыша Великого царствовал Токтамыш Малый, что правил Улу-Мухаммад, а за ним – Кучук-Мухаммад» [18, с. 384]. На наш взгляд, в сообщении произошла контаминация биографий двух реально существовавших действующих лиц: Кучика сына Токтамыш-хана [24, с. 39] и Кучук-Мухаммада, внука Тимур-Кутлук-хана [24, с. 40]. Вероятнее всего, некая группа лиц продвигала младшего сына Токтамыша в качестве претендента на престол, но потерпела поражение. Общей политической ситуации на рубеже десятилетий подобная картина не противоречит.

Источники также сообщают о правлении Кучук-Мухаммада. У Хурреми династ размещен между Хюда-Бирди (может быть, Кадыр-Берди – *прим.*) и Бараком [26, с. 381]. В «Тарих-и арба улус» Кучук-Мухаммад был размещен последним ханом после Гийас-ад-Дина [17, с. 111–112], также и в «Родословии тюрков» [20, с. 400]. У Гаффари «Мухаммад-султан, сын Тимур-хана, сына Тимур-Кутлуга» правит после смерти Барака [20, с. 405]⁸.

Подробно и недвусмысленно об Улуг-Мухаммаде как новом золотоордынском хане сообщает «Кара таварих» [52, с. 70–72]. После коротких переговоров с претендентом, беки Хайдар и Тегене, «взяв за обе удили, понесли хана в середину войска и, тотчас подняв его на белом покрывале, сделали ханом» [52, с. 71].

Вероятнее всего, Улуг-Мухаммад становится золотоордынским ханом в начале 1420 года в Крыму, о чем свидетельствует опубликованный еще Н.И. Березиным ярлык, изученный впоследствии А.П. Григорьевым [13, с. 119–139]. Ярлык датирован 15–24 апреля 1420 г. и был выдан бекам Туглубаю и Хызру для сбора подати и контроля над передаваемыми территориями [13, с. 120–124]. Представляется вполне вероятным, что подобная выдача ярлыков была одним из первых политических актов новоизбранного хана, стремившегося закрепиться среди региональной политической элиты. В подчиненном отношении оказался и Бек-Суфи: после его смерти «между татарами этой Татарии и Татарией великого хана, императора Орды, возник вопрос важнейший в мире для татар, касательно того, кого сделать императором» [43, с. 42–43]. Под «императором Орды», безусловно, следует понимать Улуг-Мухаммада. Участие в провозглашении нового «солкатского императо-

⁸ Упоминание о «Мухаммаде» у Гаффари служит отличной иллюстрацией того, что средневековые хронисты не путали династов с таким именем: Мухаммады зафиксированы вместе со своими предками.

ра» Улуг-Мухаммадом показывает его серьезные политические позиции в Крыму летом 1421 г.

Новый виток золотоордынской междоусобицы связан с приходом в Поволжье внука Урус-хана Барака. Наиболее подробен в изложении биографии тукай-тимуридского царевича персидский хронист Абд ар-Раззак Самарканди. Под событиями 822 г.х. (28.01.1419 г. – 16.01.1420 г.) сообщается буквально следующее: «В конце раби I (28 марта – 26 апреля) Барак-оглан, бежавший из улуса Узбекского, пришел искать убежища при дворе мирзы Улугбек-гургана и, удостоившись, чести целования руки, почтен был милостью и включен в число царевичей и джучинов. Несколько времени он был в Самарканде, мирза Улугбек приказал сделать все нужное (йарак) для Барака по-царски, и он получил позволение уйти обратно...» [20, с. 373]. В том же абзаце Самарканди сообщает и о «расстройстве узбеков» (предположительно, имеется в виду усобица Идегея, Дервиша и Кадыр-Берди – прим.). Приход Барак-оглана отмечен Хафизом-и Абру в «Зубдат ат-таварих»: «Барак-оглан еще раньше, в 823 году, когда еще не правил своим улусом, прибыл к Мирзе Улугбеку, – да увековечит Аллах его царствование! – и некоторое время состоял при его Величестве. Затем его Величество Мирза – да увековечит Аллах его царствование! – наставляя, дал разрешение [ему], и он отправился в Узбекскую страну» [20, с. 375, прим. 33]. Несомненно, Тимуриды оказали политическую и военную помощь Бараку, пытаясь тем самым дистанционно воздействовать на поволжскую политику.

В 1421–1422 гг. Улуг-Мухаммад укрепился на международной арене: в течение двух лет произошли обмены посольств хана с тимуридом Шахрухом [20, с. 373–374]. В приложении к рукописи ал-Калкашанди сообщается о письме египетского султана ал-Малик ал-Ашрафа Барсбайа (1422–1438 г.), в котором сказано: «государю Дештскому, кану Мухаммадхану, сыну Хасана, сына брата Тохтамышхана» о выдаче титулов: «его высокостепенству султанскому, великому, царскому, правосудному...» [18, с. 297, прим. 7]. В письме есть надежная привязка к генеалогии Улуг-Мухаммада. К сожалению, письмо не датировано, но его возможно отнести к началу 20-х гг., поскольку речь идет о попытке наладить стабильные дипломатические отношения с Египтом.

На политическом пространстве Золотой Орды междоусобицы не прекращались: «В 824 году государем земель Дештских был Мухаммадхан, но между ним и Борахханом и Беркеханом (вероятно, Чекреханом) происходили смуты и войны, и дела не улаживались» [18, с. 375]. На основании сообщения ал-Айни можно предположить, что Барак-хан вторгся в Поволжье уже в 1421-м году⁹.

Сообщение египетского историка о «Берке-хане» вызвали дискуссию в исследовательской среде. М.Г. Сафаргалиев уклонился от решения данного

⁹ Р.Ю. Рева в своей статье [44, с. 87] приводит монету Барака, чеканенную в Крыму в 822 г.х., обозначая её знаком вопроса, однако чуть ниже сомнения исследователя уже разрешены: Р.Ю. Рева утверждает, что Барак мог составлять соперничество Бек-Суфи, добавляя при этом, что речь может идти и о 1421-м годе [44, с. 91]. Автор данной статьи, не являющийся специалистом в нумизматике, тем не менее, выражает сомнения в присутствии внука Урус-хана в Крыму чисто по политическим мотивам: у Барака явно не могло быть союзников среди крымских беев, не говоря уже и о том, что он был противником Идегея.

вопроса [47, с. 197], К.К. Хромов предложил видеть в Берке Девлет-Берди [57, с. 399], Р.Ю. Рева – Бек-Суфи или Девлет-Берди [44, с. 91]. Отождествлять Берке с Девлет-Берди представляется сомнительным, поскольку под событиями 830 г.х. (02.11.1426 г. – 21.10.1427 г.) у ал-Айни упомянуто «лицо по имени Даулатбирди» [18, с. 376]. Показательно отсутствие ханского статуса у крымца, в то время как Берке назван ханом. В.П. Гулевич предположил, что после смерти Бек-Суфи на место нового императора Солхата претендовало две партии, одна из которых продвигала Девлет-Берди, которого впоследствии утвердил Улуг-Мухаммад [14, с. 175]. Если такая реконструкция событий верна, то Девлет-Берди никак не мог враждовать с Улуг-Мухаммадом.

Представляется вполне допустимым видеть в Берке Бек-Суфи, однако в примечаниях к рукописи ал-Айни упомянуто, что «государем Дешта и Сарайа был Беркехан, из рода Чингизхана, сына Хулавуна» [18, с. 382, прим. 40]. К сожалению, личность Хулавуна установлена не была: вероятно, имя было искажено. Также известно, что сын Таш-Тимура не был золотоордынским ханом, поэтому его персона не может быть отождествлена с искомым царевичем.

Автор данной статьи склонен видеть в Берке бывшего ставленника мангытского темника хана Чекре, бывшего правителем Золотой Орды в 1414–1416 гг. [27, с. 114–120]. Участие Чекре в золотоордынской междоусобице 1420-х гг. вполне допустимо и может быть основано на реконструкции сведений Иоганна Шильтбергера: «...И затем пришел Чегре, мой господин, сражался с Мухаммедом и был убит... Поскольку Чегра проиграл и был убит, то я перешел к другому господину, называемому Маннстух (Маншук) и он был рыцарем Чегры и вынужден был бежать и ушел в город, называемый Кафа и в этом городе есть христиане и это весьма могущественный город, в городе есть шесть вероучений, и там мой господин оставался 5 месяцев...» [64, с. 42–43]. Обстоятельства попадания к беку Чекре-хана Маншуку и последующего возвращения Шильтбергера на родину чрезвычайно важны, поскольку они позволяют высчитать примерную дату смерти Чекре. С учетом долгих мытарств баварского солдата (не менее 2–3 лет) смерть хана должна приходиться на первую половину 1420-х гг.

О том, что дела в Золотой Орде «не улаживались», повествует Самарканди под 826 г.х. (15.12.1422 г. – 04.12.1423 г.): «В это время (вторая половина апреля – начало мая 1423 года – *прим. сост.*) из Хорезма прибыл нукер амира Шахмалика и доложил следующее: “Барак-оглан захватил орду Мухаммад-хана, и большая часть улуса Узбекского подчинилась и покорилась ему”» [20, с. 374, прим. 32]. О смуте 1422 года сообщают и массарии Каффы [34, с. 177, прим. 37, 38].

Успешная военная политика Барака приводит к тому, что о его деятельности упоминают русские летописи. Под 31 августа 1422 года сообщается, что Барак «побил Куидадата царя» [36, с. 238]. В сентябре 1422 года отмечен его поход на Одоевское княжество, закончившееся неудачей: «князь Юрьи Романович Одоевский да Григорей Протасиевич, воевода Мченский, постигоша его в поле и много полона отняша» [36, с. 238]. По версии Р.Ю. Почекаева, этот удар был превентивным, с целью избежать вмешательства Москвы и Литвы в ордынские дела [35, с. 230]. Однако междоусобицы показывали лишь слабость ордынских царевичей. А.А. Горский резонно заметил,

что ни Барак, ни Худайдат не обладали достаточно большими воинскими контингентами, и поэтому терпели поражения от небольших русских княжеств [12, с. 141]. А.А. Горский предположил, что осенью 1422 года Улуг-Мухаммад бежит в Литву [12, с. 138].

В «Тарих-и арба улус» Барак-хан упоминается 37-м ханом Золотой Орды, помещенным между Девлет-Берди б. Таш-Тимур и Гийас-ад-Дином б. Шадибек: «Когда закончилось время царствования Даулат-берди-хана, на его место сел Барак-хан, сын Курчика, и продолжил ханское правление. Жизнь и его не оставила на своем месте, быстро сдвинула с царского трона» [17, с. 111].

Помимо Барак-хана и Худайдата в начале 1420-х гг. о себе заявил Гийас-ад-Дин б. Шадибек. В «Тарих-и арба улус» он упоминается после Барак-хана [17, с. 111]. В компиляции Лангле сообщается, что Гийас ад-Дин был сторонником Идегея, сопровождая двух его сыновей в Московию: «Они избрали своим вождем Гийас ад-Дина, который был королевской крови и поклялись сражаться под его знаменами, пока они не вернут владения короны». Впоследствии объединенное войско атаковало и отправило в бегство Улуг-Мухаммада и Ширин-бея, «который был причиной возвышения Улуг-Мухаммед-хана» [63, с. 392–393]. В «Кара таварих» Гийас ад-Дин стал ханом при помощи Мансура [52, с. 73]. Отмечен династ у Абдулгаффара Кырыми: «На престоле Саин-хана, на Идиль-реке воссел Гийас ад-Дин, сын Шадибека. Однако все дела ногай-татаров вязал и разрешал Мансур-мирза. Через два с половиной года Гийас ад-Дин умер» [21, с. 209].

После успешной военной кампании Гийас ад-Дин стал 32-м золотоордынским ханом, правившим полтора года, причем в 1436–1437 гг. [63, с. 393].

По мнению А.Г. Мухамадиева, чеканка Гийас ад-Дином монет в Казани производилась в 1422–1425 гг. [25, с. 127–130]. Исходя из монетной эмиссии, исследователем была предложена версия о кратковременном правлении царевича в Казани, во время очередного витка смуты со второй половины 1424 г., когда Улуг-Мухаммад отсутствовал в Золотой Орде. Р.Ю. Рева также сообщает о чеканах Гийас ад-Дина в Сарае в 1425-м году [44, с. 94]. Исследователю также принадлежит мысль о том, что Мансур находился при хане до самой смерти, а затем пытался провозгласить ханом юного Кучук-Мухаммада [44, с. 94].

Стоит отметить, что бек Мансур в поздних крымско-татарских сочинениях выступает очень деятельной фигурой. У Кырыми Мансур выдвигает на престол малолетнего Кучук-Мухаммада, но не одобряя его правление, сближается с Барак-ханом. Похожее сообщение приводится в компиляции Лангле, где Кучук-Мухаммад «был посажен на трон, несмотря на его крайнюю молодость. Не оставалось никаких других потомков Чингиз-хана, и в этой связи, эмир Мансур, один из влиятельных татарских владетелей способствовал утверждению Мухаммада на престоле, предлагая заменить его, если найдется кто-то подходящий по рождению, более способный править» [63, с. 393]. О ханстве Кучук-Мухаммада сообщает более ранняя «Тарих-и арба улус», почему-то размещая начало правления хана 1464–1465 гг. [17, с. 111–112]. У Кадыр Али-бека, «Мансур сделался беком и Хаджи-Мухаммед-улана сделал ханом; один ханом, другой беком, быв, жили.... Мансур-бека убил Барак-хан, после того Хаджи-Мухаммед-хана в один день тоже Барак убил» [11, с. 231–232]. Показательно,

что М.Г. Сафаргалиев упоминает неопубликованную И.Н. Березиным рукопись сочинения Кадыр Али-бека, где сообщается только о смерти Мансура [47, с. 204]. Об убийстве Бараком Мансура сообщается также и в компиляции Лангле [63, с. 394], причем действующим ханом, как и у Кырыми, назван Кучук-Мухаммад. На наш взгляд, причиной появления Кучук-Мухаммада является сбивчивая хронология, поскольку правление Гийас ад-Дина локализовано в 1436–1437 гг., а у Кучук-Мухаммада же сроки вообще не указаны; у Кырыми он еще мал. Утемиш-хаджи также уделяет немало внимания описанию личности Мансура, придавая ему большое влияние среди чингизидов: он возвел на престол Гийас-ад Дина и Кучук-Мухаммада, начал войну против Барак-хана, но был им убит [52, с. 72–75]. Сам факт поздних и явно легендарных известий, отсутствие точных и четких географических и хронологических ориентиров заставляют усомниться в надежности излагаемых событий. В упоминаемых источниках фигурируют реально существовавшие лица, однако их взаимодействие друг с другом лишь усложняет и без того запутанную картину. Нелишне отметить и существенное влияние эпоса «Идегей» на вышеуказанные сочинения, что наглядно видно по характеру упоминаемых мангытских беков.

Достоверно известно лишь о поражении, что нанес Улуг-Мухаммад Барак-хану и Мансуру в 1426-м году [48, с. 54–55]. Рассказ Кырыми и иных крымских источников о семимесячной дружбе Мансура и Барак-хана в настоящее время более ранними источниками проверить невозможно.

Схематически междоусобица продемонстрирована И. Шильтбергером: «... Едигей был схвачен и Мухаммед стал королем. И затем пришел некто по имени Борака, изгнал Мухаммеда и стал королем. И затем собрался [с силами] Мухаммед и изгнал Борака и снова стал королем. Затем пришел некто по имени Давлет-Берди, изгнал Мухаммеда и стал королем, и был королем только три дня. Затем пришел вышеназванный Борака, изгнал Давлет-Берди и снова стал королем. Затем пришел вышеназванный Мухаммед, убил Борака и снова стал королем» [64, с. 42–43].

Первые успехи Барак-хана подтверждаются уже упомянутым абзацем 826 г.х. из Самарканди [20, с. 374], в то время как ал-Айни сообщает, что «государем земель Дештских, столица которых – Сарай, был султан Мухаммадхан из рода Чингизханова» [18, с. 375]. После поражения от Барак-хана, Улуг-Мухаммад, возможно, отступает в литовские земли. В пределах Золотой Орды также проявляют свою активность Барак, Худайдат и Гийас-ад-Дин. Весной 1423 года из Крыма совершает поход укрепившийся Девлет-Берди [34, с. 176]. Вероятно, этим же временем можно датировать известие о поражении Барак-хана от Улуг-Мухаммада, упомянутое Шильтбергером. По мнению А.Л. Пономарева, «трехдневное» царствование Девлет-Берди в Сарае относится к весне–лету 1423 г. [34, с. 178, прим. 41], прерванное впоследствии Барак-ханом. В целом, сообщение баварского солдата удачно укладывается в промежуток 1420–1423 гг. и не содержит противоречий с иными источниками вплоть до упоминания об убийстве Барак-хана.

Возможное политическое влияние Барак-хана на Крым проследил Р.А. Беспалов, сообщая о пребывании 27 марта 1423 года в Каффе господина Солхата Сеита Мансура [7, с. 43]. Здесь же исследователем упоминается и о крымской монете Барак-хана без датировки, которую, как мы указывали выше, в своей работе упоминает Р.Ю. Рева. Не исключено, что Барак-хан на

пике своего успеха пытался влиять и на Крым, однако имеющихся данных пока недостаточно для такого вывода. Вполне допустимо стремление хана вести переговорный процесс с сильной партией крымских беков.

Отношения Девлет-Берди и Улуг-Мухаммада в 1423–1424 гг. безусловно важны в качестве понимания политических процессов в Золотой Орде. Информация об избрании императором сначала Девлет-Берди, а затем Улуг-Мухаммада, А.Л. Пономаревым была воспринята как свидетельство вражды [34, с. 177–178]. В.П. Гулевич счел возможным говорить о существовании договоренности между династиями: спокойный тыл нужен был Улуг-Мухаммаду для борьбы с Барак-ханом [14, с. 178].

Новое усиление Улуг-Мухаммада зафиксировано 16 июня 1424 г. «*Masomet can*» (т.е. Улуг Мухаммад – *прим.*) был избран «императором» [34, с. 178, прим. 42]. Вероятно, победу хану спонсировали литовские силы, о чем говорит письмо Витовта главе Немецкого ордена о помощи, «которую мы (Витовт – *прим.*) ему из нашей страны оказали для [завоевания] царства осуществили и оказали» (цит. по.: [44, с. 93; 60, с. 660]. Впрочем, в августе 1424 г. Улуг-Мухаммад покидает Крым [34, с. 179].

Осенью 1424 г. активизировались Худайдат и Барак-хан. Худайдат совершил обширный поход на Одоев, против него выступило объединенное русско-литовское войско [36, с. 239]. Очевидно, Витовт посчитал поход значительной угрозой безопасности своих границ, поскольку в письме к главе Немецкого ордена обстоятельства разгрома ордынского царевича Худайдата были описаны очень подробно [60, с. 688]. После поражения Худайдат больше не упоминается на страницах источников.

О новых успехах Барак-хана сообщает Самарканди: «В 828 г. (23.11.1424 г. – 12.11.1425 г.) Барак-оглан захватил орду Мухаммад-хана, царя Узбекского» [20, с. 374]. Мирхонд сообщает некоторые любопытные детали: зимой 828 г.х. (конец 1424 – начало 1425 гг.) к мирзе Улугбеку, находившемуся в то время на берегу Сырдарьи около Шахрухии, от Барак-оглана, который незадолго перед этим воссел в Дешт-и Кипчаке на ханский трон, прибыл Ямавук (цит. по.: [44, с. 94]). Этой информации не противоречит отсутствие Улуг-Мухаммада в Поволжье: в письме Витовта Паулю фон Русдорффу отмечается, что «один из тех самых царей по имени Махмет пребывает у нас»¹⁰ [60, с. 688; 6, с. 207].

Ал-Айни ограничился общими словами о смуте, указав, что «перевес между ними одерживал Мухаммадхан» [18, с. 375]. Фиксируемое у египетского историка бедствие удивительным образом соприкасается с документацией литовского князя. В уже цитировавшемся письме главе Немецкого ордена от 1 января 1425 года упомянуто: «И так мы даем Вам знать, что империя в Татarii находится в самом большом раздоре и разделении, так что теперь там пребывают шесть благородных царей¹¹, каждый за царскую власть стоит и добивается» [60, с. 688; 6, с. 207]. Предположение А.Л. Пономарева, что уход Улуг-Мухаммада в литовские земли не связан с Бараком [34, с. 179, прим. 44], нельзя признать верным в свете вышесказанного поражения, приводимого Самарканди.

¹⁰ Есть и иные интерпретации этой строчки [44, с. 94, прим. 21].

¹¹ Улуг-Мухаммад, Барак, Гийас-ад-Дин, Худайдат, Девлет-Берди, (вероятно) Чекре.

Тем временем в мае 1425 года Улуг-Мухаммад без сложностей возвращается в Крым и вновь становится императором, осуществляя на протяжении всего года подготовку к очередной войне с внуком Урус-хана [34, с. 179–180, прим. 45, 47, 48]. К этому же времени относится сообщение Густынской летописи, что сын только что умершего Василия Дмитриевича «Василий Васильевич, поставлен от царя Татарского Магмета» [42, с. 133]. По мнению В.П. Гулевица, Барак-хан в то время контролирует Поволжье, поскольку зимой 1425–1426 гг. Улуг-Мухаммад зимует в Поднепровье [14, с. 179].

Отчет о новых военных действиях был предоставлен в письме от 14 марта 1428 года турецкому султану Мураду II, где сообщалось, помимо всего прочего, что из-за конфликтов «вспыхнула вражда, и в последующее время события развивались так, что престол достался Бараку», а «в позапрошлом году (829 г.х.: 13.11.1425 – 01.11.1426 гг. – прим.) с божьей милостью войско двинулось в поход, и мы обратили в бегство Барака и Мансура. Трон и царство [всевышний] вручил нам, они же бежали прочь, собрав наемные свои отряды» [48, с. 54]. Тем самым надежно документально зафиксировано окончательное поражение уруханида в борьбе за золотоордынский престол. Мнение Р.Ю. Почекаева о повторном возвращении Барака в 1427-м году на основе сообщений о казни Мансура представляется необоснованным [35, с. 231].

Изгнание Барак-хана обозначило политический триумф Улуг-Мухаммада в Сарае, но в Крыму его ждали новые неприятности: в апреле 1426 года Девлет-Берди вновь избран императором [34, с. 180]. Стремясь укрепиться на полуострове, он пытается заручиться поддержкой Витовта, направляя ему письмо из Каффы 2 мая 1426 г., где просит милости и желает наладить мирные отношения [60, с. 721]. Отголосок конфликта зафиксирован в письме к Мураду II, где Улуг-Мухаммад сообщает, что уже два года зимует в Озе (Поднепровье – прим.) [48, с. 54–55], а не в Крыму. Косвенным подтверждением этого факта является упомянутое у ал-Айни письмо Девлет-Берди египетскому султану, датированное мартом 1427 года, в сопровождении к нему также упомянут и политический расклад на тот момент времени: «Привезший (это) письмо сообщил, что в землях Дештских большая неурядица и три царя оспаривают царство друг у друга; один из них, по имени Даулатбирди, овладел Крымом и прилегающим к нему краем; другой, Мухаммадхан, завладел Сарайем и прилегающими к нему землями, а третий, по имени Борак, занял земли, граничащие с землями Тимурленка» [18, с. 376].

Несмотря на продолжающиеся сообщения о смутах, можно уверенно говорить, что к 1426 году Улуг-Мухаммад надежно закрепился в Золотой Орде. Об этом свидетельствуют и укрепившиеся союзные отношения хана с Витовтом, осуществившими совместную военную операцию на Псков: «Того же лета князь велики Витофт Кестутьевич Литовский ходил на Псков ратью со мною силою: с ним была земля Литовскаа, и Летцкаа, и Чежскаа, и Воложскаа, и Татарове его, а у царя Махметя испроси двор его» [37, с. 7], причем поход закончился неудачей. Стоит отметить, что военные возможности золотоордынских ханов рассматриваемого периода оказались сильно подорваны, что напрямую связано с непрекращающимися междоусобицами и отсутствием сильного центра.

Судьбы последних антагонистов сложились по-разному. Улуг-Мухаммад в конце 1420-х гг. усиливает свое влияние. Египетский историк ал-Айни ука-

зывает на его внешнеполитическую активность [18, с. 376]. Витовт в марте 1427 г. сообщает о нем как о своем союзнике и о могущественном из тех пяти ханов, что борются за власть в Татарской степи (цит по.: [8, с. 282]). В 1427-м году со страниц источников исчезает Девлет-Берди, а Барак-хан, проиграв Улугбеку [20, с. 374–377], в 832 г.х. (11.10.1428 – 29.09.1429 гг.) убит Султан-Махмудом¹² и Мухаммадом Гази, сыном Идегея [53, с. 202, 203; 20, с. 378].

Попытка создания целостной картины истории Золотой Орды конца 1410-х – 1420-х гг. неизбежно наталкивается на авторские концепции выстраиваемой хронологии, в которых по тем или иным причинам в качестве доказательной базы привлекаются различного рода мифологические конструкторы. К одному из них мы и обратимся в данной статье, а именно участию представителей династии Шибанидов в серии золотоордынских междоусобиц. Тематика для автора статьи уже не нова: данной проблеме была посвящена специальная работа [28, с. 40–45]. С тех пор в исследовательской литературе появились новые аргументы, в результате чего предлагается еще раз обратить внимание на вероятное участие Шибанидов в описываемых событиях.

По всей видимости, М.Г. Сафаргалиев был первым исследователем, озвучившим проблему Мухаммадов в 1420-е гг. [47, с. 195–198]. Изучая биографии Хаджи-Мухаммада и Махмуда-Ходжи, исследователь был склонен предполагать, что первый участвовал в борьбе против Барак-хана [47, с. 202–203]. Эволюцию дальнейшей исследовательской мысли проанализировал Д.Н. Маслюженко [23, с. 88–93], поэтому нет необходимости еще раз здесь озвучивать аргументацию.

В настоящее время проблема отождествления Мухаммадов высказывалась на страницах работ Р.А. Беспалова, Я.В. Пилипчука, Ж.М. Сабитова и Р.Ю. Ревы [7, с. 37–40; 46, с. 66, 71; 33, с. 119–121; 44, с. 88–90; 45, с. 716–717].

Аргументы сторонников шибанидского «следа» сводятся к следующим тезисам, основывающимся, прежде всего, на упоминании татарским хронистом Кадыр-Али-беком факта выдвижения Мансуром шибанида Хаджи-Мухаммада в качестве хана [11, с. 231–232].

Ж.М. Сабитов, критикуя позицию А.Л. Пономарева, склонен утверждать, что именно Хаджи-Мухаммад в апреле 1420 года выдавал ярлык Туглубаю и Хызру [46, с. 66], а вовсе не Улуг-Мухаммад. При этом логика исследователя обескураживает: автоматически соединять Улуг-Мухаммада с упоминаемым Мухаммадом в источниках, включая и текст ярлыка, трактуется как историографическая традиция. Поскольку в тексте ярлыка упомянут лишь Мухаммад без приставки Улуг, то, соответственно, это Хаджи-Мухаммад. Чем же руководствовался исследователь в данном рассуждении, неясно. Сам Ж.М. Сабитов ничем не доказывает свой пассаж. Обратим внимание на текст ярлыка Тимур-Кутлука о предоставлении тарханства некоему Мухаммаду: «Мухаммеда сыновья, старший хаджи Мухаммед и Махмуд вольными тарханами пусть будут» [13, с. 98]. Конечно, упомянутые лица явно не чингизидского происхождения, но вполне можно убедиться, что составитель текста знал о существовании имени Хаджи Мухаммад. Ситуацию с текстом вполне можно распространить и на ярлык 1420 года. Здесь речь идет о составлении делопроизводства.

¹² Султан Махмуд может быть интерпретирован как шибанид Хаджи-Мухаммад [29, с. 98–99].

производства в режиме реального времени, которое значительно отличается по точности от татарских хронистов XVI–XVII веков, использовавших в своих сочинениях по большей части устные предания.

Схожим примером служит и письмо Улуг Мухаммада турецкому султану Мураду II, написанное в марте 1428 г., где первый назван «Мухаммудом» [48, с. 54].

Отметим и общую неясность с датой начала ханства Хаджи-Мухаммада: Кадыр-Али-бек сам факт ханства передает лаконично и датировок не ставит. Р.А. Беспалов резонно заметил, что рассказ татарского хрониста можно трактовать широко и речь о союзе Хаджи-Мухаммада с Мансуром может идти уже после бегства последнего из Дешта [7, с. 39].

Небезынтересны и другие доводы исследователя. Например, правление Хаджи-Мухаммада в Сарае и в Крыму не фиксируется в сочинении Утемиш-хаджи [10, с. 40; 7, с. 39, прим. 53; 52, с. 83]. Имя Хаджи-Мухаммад зафиксировано также в генеалогическом сочинении «Муизз ал-ансаб» [19, с. 42], в сочинении Хондемира [61, с. 119], у Хафиза-и Таныш Бухари [54, с. 76]. Сказанное означает, что восточные авторы знали династа и вряд ли бы его спутали с другим.

Новое появление Хаджи-Мухаммада на исторической арене было зафиксировано исследователями в Крыму в качестве фигурировавшего в бухгалтерских книгах Каффы императора Махмета, позже разгромленного Баракханом. В это же время из русских земель к Витовту направляется за помощью Улуг-Мухаммад, занявший затем ханский престол [33, с. 120–121]. Исследователям осталось выяснить, как скрупулезные генуэзские чиновники, отмечавшие малейшие изменения на политической арене и связанные с ними финансовые операции, вдруг не заметили смены одного Мухаммада на другого.

Наиболее аргументировано к проблематике подошел Р.Ю. Рева [44, с. 88–89, прим. 6]. Исследователь резко преувеличил значение сыновей Идегея¹³ на политической арене после смерти последнего, аргументировав невозможность выдвижения Улуг-Мухаммада в 1419/20 гг. нахождением в партии противоположной мангытам. Действительно, разного рода беки и эмиры возвысились в ходе междоусобицы, особенно после смерти темника и Кадыр-Берди. Как уже упоминалось выше, практически в одно и то же время беки проталкивают кандидатуры Кучика б. Токтамыша и Улуг-Мухаммада, а Кырыми и Утемиш-хаджи сообщают о выдвижении Мансуром Кчук-Мухаммада б. Тимура. Однако путаницы здесь нет и быть не может. После смерти Идегея мангыты потерпели серьезное поражение и не имели значительного влияния в Золотой Орде хотя бы на протяжении некоторого времени.

Не совсем понятно, почему приводимый исследователем факт ханства Хаджи-Мухаммада должен противоречить аналогичному факту у Улуг-Мухаммада? Шибаниды еще во время «Замятни» действовали как самостоятельная политическая сила, и нет никаких оснований сомневаться в этом для рассматриваемого периода. Логика междоусобицы 1420-х гг. подсказывает

¹³ Отметим, что подобный вывод вполне логичен, если буквально воспринимать тексты поздних хронистов, где иллюстрируется подробная деятельность сыновей Идегея. Однако перед исследователем ставятся актуальные проблемы зависимости и взаимопроникновения этих текстов с героическим эпосом «Идегей». Мы считаем, что некоторые сюжеты эпоса проникли в труды ал-Айни и Ибн Арабшаха.

нам, что любой чингизид, имевший за собой региональную элиту, финансы и армию, мог объявить себя ханом.

Оспаривая выдвижение Улуг-Мухаммада в 1419/20 гг., Р.Ю. Рева склонен утверждать, что «при живом отце Улу-Мухаммад не мог быть назван ханом», ссылаясь при этом на Кадыр-Али-бека. Но у последнего в «Дастане о Токтамыш хане» сказано о Хасане сыне Ичкили, что передал раненого Идегея его противнику [50, с. 78]. В компиляции Лангле указывается, что Улуг-Мухаммада посадили на трон [63, с. 391], в результате чего новоизбранный хан устроил гонения против членов семьи Идегея и его сторонников. Логика составителя легенды здесь понятна: он всячески стремился избавиться от пагубного политического влияния мангытов. Наконец, Утемиш-хаджи прямо сообщает о выдвижении Улуг-Мухаммада и Хаджи-Мухаммада ханами, причем каждый из них контролировал свою территорию [52, с. 71, 83].

Еще один тезис Р.Ю. Ревы может быть подвергнут сомнению. Утверждается, что упомянутый у Ланноа «Император Орды» был противником Витовта, в то время как Улуг-Мухаммад был союзником. Мнение аргументируется тем, что «сказанный Император Солкатский только что умер и что эти татары были в сильном споре с Татарами великого хана, императора Орды» [9, с. 442]. Опубликованный в 1871 году перевод выглядит более нейтральным: «Хотя император только что умер и между Татарами этой Татarii и Татарией великого хана, императора Орды, возник вопрос важнейший в мире для татар, касательного того, кого сделать императором, потому что каждый хотел своего и вследствие этого все находились в волнении и были вооружены в упомянутой стране...» [43, с. 43]. Даже если допустить, что острая риторика, приведенная в переводе Ф. Бруна, является более точной, то из этого не следует как «император Орды» стал противником Витовта, поскольку речь идет о споре беков, поддерживающих «императора Татarii» и беков покойного «друга Витовта». Речь не идет о противостоянии Витовта с ханом Золотой Орды. Такие химеры возникают на основании поверхностного чтения источников.

Проблема тождества Мухаммадов кажется автору статьи надуманной. Очевидно, что после смерти Идегея, Дервиша и Кадыр-Берди, общей девальвации ханской власти и усиления роли беков и эмиров, различные политические группировки в Крыму и Деште стали проталкивать своих ставленников, о чем уже неоднократно было заявлено выше. Не лишним будет подчеркнуть, что подобная тактика описывается в поздних устных традициях. В современной эпохе источниках такая политическая палитра не зафиксирована, но подобный расклад вполне допустим. Править же, как известно, стал «Мухаммад-хан». Нет нужды, вслед за Р.Ю. Ревой, множить личность Мухаммада. Современники событий, безусловно, знали о происходящем в Золотой Орде не на основе слухов, а из сообщений послов, купцов и дипломатических документов.

Резюмируя вышесказанное, заметим, что исследователи не предоставили сколько-нибудь убедительных доказательств. Манипуляция с Мухаммадами выглядит искусственной и полностью противоречит общей политической ситуации, включая Крым. Бек-Суфи, Улуг-Мухаммад, а вскоре и Девлет-Берди, стремились поддерживать дружественные отношения с Витовтом и не допускать (по крайней мере в первой половине 1420-х гг. – *прим.*) междоусобицы на полуостров. Поздняя устная традиция специально оговаривает изб-

вание Улуг-Мухаммада с целью вытеснения потомков Идегея из Крыма, поэтому их присутствие вместе с шибанидом кажется призрачным.

Вышеприведенные рассуждения показали постепенный упадок центральной власти Золотой Орды, рост удельного сепаратизма, усиление литовского влияния. Вместе с тем, поражение Барак-хана привело к краху попытки Тимуридов дистанционно влиять на поволжскую политику. Примечательно, что распри 1410–1420-х гг. почти не затронули русские земли, а единичные попытки захвата умело пресекались русскими воеводами в союзе с литовцами. Татарская тема не была приоритетной в политике русских княжеств, но занимала существенное место в политических амбициях Витовта. Вне сомнения, влияние Гедиминовича на всем протяжении 1420-х гг. шло по нарастающей. К концу десятилетия, временно подавив сепаратизм в Крыму, Улуг-Мухаммад сумел упрочить свою власть, политически устранив своих конкурентов – крымского тукай-тимурида Девлет-Берди и среднеазиатского урусханида Барака.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абулгази*. Родословное древо тюрков. Казань, 1906. 240 с.
2. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971. 276 с.
3. *Бартольд В.В.* Улугбек и его время // Сочинения. Том II. Часть 2. М., 1964. С. 25–196.
4. *Бахтин А.Г.* Французский ориенталист Луи-Матьё Лангле о крымских ханах XV–XVI веков // Запад-Восток. 2015. №8. С. 23–34.
5. *Беляков А.В.* Как звали большого сибирского карачу? // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы II Всероссийской научной конференции г. Курган, 17–18 апреля 2014 года. Курган, 2014. С. 63–64.
6. *Беспалов Р.А.* Борьба коалиции феодалов Верхнего Поочья с ханом Куйдадатом осенью 1424 года // Верхнее Подонье: Археология. История. Вып. 4. Тула, 2009. С. 205–210.
7. *Беспалов Р.А.* Литовско-ордынские отношения 1419–1429 годов и первая попытка образования Крымского ханства // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Севастополь – Тюмень, 2013. Вып. V. С. 30–52.
8. *Беспалов Р.А.* Новосильско-Одоевское княжество и Орда в контексте международных отношений в Восточной Европе XIV – начала XVI века // Средневековая Русь. Вып. 11. Проблемы политической истории и источниковедения. М., 2014. С. 257–326.
9. *Брун Ф.* Путешествия и посольства господина Гилльбера де Ланнуа // Записки Одесского общества истории и древностей. Том III. Одесса, 1853. С. 433–465.
10. *Валиди Тоган А.* История башкир. Уфа, 2010. 352 с.
11. *Валиханов Ч.Ч.* Извлечения из Джами ат-таварих. Сборник летописей // Собрание сочинений в пяти томах. Т. I. Алма-Ата, 1984. С. 228–254.
12. *Горский А.А.* Москва и Орда. М., 2000. 214 с.
13. *Григорьев А.П.* Золотоордынские ярлыки: поиск и интерпретация // Тюркологический сборник 2005: Тюркские народы России и Великой степи. М., 2006. С. 74–142.
14. *Гулевич В.П.* Крым и «императоры Солхата» в 1400–1430 гг.: хронология правления и статус правителей // Золотоордынское обозрение. 2014. №4 (6). С. 166–197.

15. *Жирмунский В.М.* Избранные труды. Тюркский героический эпос. Л., 1974. 728 с.
16. Идегей. Татарский народный эпос. Казань, 1990. 256 с.
17. Из «Та'рих-и арба' улус» Мирза Улугбека // История Казахстана в персидских источниках. Т.V. Извлечения из сочинений XIII–XIX вв. Алматы, 2007. С. 88–112.
18. История Казахстана в арабских источниках. Том I. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Том I. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г.Тизенгаузен. Алматы, 2005. 711 с.
19. История Казахстана в персидских источниках. Том III. Му'изз ал-ансаб (Прославляющие генеалогии). Алматы, 2006. 672 с.
20. История Казахстана в персидских источниках. Том IV. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузен и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. Алматы, 2006. 620 с.
21. *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992. 378 с.
22. *Лаишев Ф.Ф.* Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения // Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии. №22 (год девятый). Симферополь, 1895. С. 35–81.
23. *Маслюженко Д.Н.* Ханы Махмуд-Ходжа и Хаджи-Мухаммед, или «Улус Шибана» в первой четверти XV в. // Вопросы истории и археологии средневековых кочевников и Золотой Орды: сборник научных статей, посвященных памяти В.П.Костюкова. Астрахань, 2011. С. 88–101.
24. Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата. 1969. 655 с.
25. *Мухамдиев А.Г.* Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М., 1983. 159 с.
26. *Негри А.* Извлечения из одной турецкой рукописи общества, содержащей историю крымских ханов // Записки Одесского общества истории и древностей. Том I. Одесса, 1844. С. 379–392.
27. *Парунин А.В.* Политическая биография Чекре – хана Золотой Орды начала XV века // Военное дело кочевников Казахстана и сопредельных стран эпохи Средневековья и Нового времени: сборник научных статей. Астана, 2013. С. 114–120.
28. *Парунин А.В.* К вопросу об участии Шибанидов в золотоордынской междоусобице 1420-х гг. // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы II Всероссийской научной конференции г. Курган, 17–18 апреля 2014 года. Курган, 2014. С. 40–45.
29. *Парунин А.В.* Политическая биография Барак-хана // Улы даланын тарихы: туріктер мен монғолдар. Астана, 2014. С. 93–101.
30. *Парунин А.В.* «Путешествие» Иоганна Шильтбергера как источник по истории Золотой Орды первой четверти XV века // Сибирский сборник: сборник статей. Курган, 2015. Вып. 3. С.88–95.
31. *Парунин А.В.* Император Солкатский Бек-Суфи // Исторический формат. 2016. №4. С. 159–168.
32. *Парунин А.В.* «Чингиз-наме» как источник по истории Золотой Орды // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы III Всероссийской (с международным участием) научной конференции, г. Курган, 21–22 апреля 2017 г. Курган, 2017. С. 3–9.
33. *Пилипчук Я.В., Сабитов Ж.М.* Борьба Токтамышевичей за власть в 10–20-х гг. XV в. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2016. №6. С. 110–125.

34. Пономарев А.Л. Первые ханы Крыма: хронология смуты 1420-х годов в счетах Генуэзского казначейства Кафы // Золотоордынское обозрение. 2013. №2. С. 158–190.
35. Почекаев Р.Ю. Цари Ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб., 2012. 464 с.
36. Полное собрание русских летописей. Т. 11. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб., 1897. 254 с.
37. Полное собрание русских летописей. Т. 12. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб., 1901. 266 с.
38. Полное собрание русских летописей. Т. 17. Западнорусские летописи. СПб., 1907. 650 с.
39. Полное собрание русских летописей. Т. 18. Симеоновская летопись. СПб., 1913. 317 с.
40. Полное собрание русских летописей. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М.: Л., 1949. 464 с.
41. Полное собрание русских летописей. Т. 35. Летописи белорусско-литовские. М., 1980. 306 с.
42. Полное собрание русских летописей. Т. 40. Густынская летопись. СПб., 2003. 202 с.
43. Путешествия Гильбера де Ланноа в восточные земли Европы в 1413–14 и 1421 годах // Университетские известия. Киев, 1873. №8. С. 1–46.
44. Рева Р.Ю. Мухаммад-Барак и его время. Обзор нумизматических и письменных источников // Нумизматика Золотой Орды. 2015. №5. С. 80–104.
45. Рева Р.Ю. Борьба за власть в первой половине XV в. // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 704–729.
46. Сабитов Ж.М. К вопросу о генеалогии золотоордынского хана Бек-Суфи // Крим від античності до сьогодення: Історичні студії. НАН України. Інститут історії України. Київ, 2014. С. 63–74.
47. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. 279 с.
48. Султанов Т.И. Письмо золотоордынского хана Улуг-Мухаммада турецкому султану Мураду II // Тюркологический сборник, 1973. М., 1975. С. 53–62.
49. Ускенбай К.З. Восточный Дешт-и Кыпчак в XIII – начале XV века. Проблемы этнополитической истории Улуса Джучи. Казань, 2013. 288 с.
50. Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань, 1972. 223 с.
51. Утемиш-Хаджи. Чингиз-наме. Алма-Ата, 1992. 296 с.
52. Утемиш-Хаджи. Кара таварих. Казань, 2017. 312 с.
53. Фасих Ахмад ибн Джалал ад-Дин Мухаммад ал-Хавафи. Фасихов свод. Ташкент, 1980. 346 с.
54. Хафиз-и Таныш Бухари. Шараф-наме-йи шахи (Книга шахской славы). Ч. 1. М., 1983. 534 с.
55. (Хондемир). История Монголов. От древнейших времен до Тамерлана.. СПб., 1834. 158+VIII с.
56. Хромов К.К. Правления ханов в Крымском улусе Золотой Орды в 1419–1422 гг. по нумизматическим данным // Історико-географічні дослідження в Україні. 36. наук. праць. Число 9. Київ, 2006. С. 366–372.
57. Хромов К.К. О хронологии правления Давлат Берди хана в Крымском улусе по нумизматическим данным (последние джучидские серебряные монеты Крыма) // От Онона к Темзе. Чингисиды и их западные соседи: К 70-летию Марка Григорьевича Крамаровского. М., 2013. С. 378–416.
58. Шильтбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке. Баку, 1984. 88 с.
59. Эдиге. Ногайская эпическая поэма. М., 2016. 512 с.

60. Codex epistolaris Vitoldi Magni Ducis Lithuaniae 1376–1430. Cracoviae, 1882. 1113 p. + CXVI s.
61. Defremery M. Fragments de géographes et d'historiens arabes et persans inédits // Journal Asiatique. Février–Mars 1851. Paris, 1851. P. 105–161.
62. Jana Długosza kanonika krakowskiego dziejow Polskich. T. IV. Kr. XI–XII. Kraków, 1869. 558 p. + XXIII s.
63. Langles L. Notice chronologique des khans de Crimée // Forster G. Voyage du Bengalie a Petersbourg. T. III. Paris, 1802. P. 325–482.
64. Langmantel V. Hans Schiltbergers Reisebuch. Stuttgart, 1883. 200 p.

Сведения об авторе: Алексей Владимирович Парунин – научный сотрудник Фонда содействия сохранению культурного наследия «Общественный фонд «Южный Урал» (454080, ул. Коммуны, 80, Челябинск, Российская Федерация). E-mail: therion12399@gmail.com

Поступила 03.07.2019 Принята к публикации 28.08.2019

Опубликована 29.09.2019

REFERENCES

1. Abul-Ghazi. *Rodoslovnnoe drevo tyurkov* [Family Tree of the Türks]. Kazan, 1906. 240 p. (In Russian)
2. Barbaro i Kontarini o Rossii. *K istorii italo-russkikh svyazey v XV v.* [Barbaro and Contarini about Russia. To the History of Italian-Russian Relations in the 15th century]. Leningrad, 1971. 276 p. (In Russian)
3. Bartol'd V.V. Ulugbek i ego vremya [Ulugh Beg and His Time]. *Sochineniya* [Writings]. Vol. 2. Moscow, 1964, pp. 25–196. (In Russian)
4. Bahtin A.G. Frantsuzskiy orientalist Lui-Mat'e Langle o krymskikh khanakh XV–XVI vekov [French Orientalist Louis-Mathieu Langle on the Crimean Khans of the 15th–16th centuries]. *Zapad–Vostok* [West–East]. Vol. 8. 2015, pp. 23–34. (In Russian)
5. Belyakov A.V. Kak zvali bol'shogo sibirskogo karachu? [What was the name of the great Siberian Karachu?]. *Istoriya, ekonomika i kul'tura srednevekovykh tyurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoy Sibiri. Materialy II Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii g. Kurgan, 17–18 aprelya 2014 goda* [History, Economics and Culture of Medieval Turkic-Tatar States of Western Siberia. Proceedings of the II All-Russian Scientific Conference, Kurgan, April 17–18, 2014.]. Kurgan, 2014, pp. 63–64. (In Russian)
6. Besspalov R.A. Bor'ba koalitsii feodalov Verkhnego Pooch'ya s khanom Kuydadatom osen'yu 1424 goda [The struggle of the coalition of feudal lords of the Upper Oka region with Kuydadat Khan in the fall of 1424]. *Verkhnee Podon'e: Arkheologiya. Istoriya* [The Upper Don Region: Archaeology. History]. Vol. 4. Tula, 2009, pp. 205–210. (In Russian)
7. Besspalov R.A. Litovsko-ordynskie otnosheniya 1419–1429 godov i pervaya popytka obrazovaniya Krymskogo khanstva [Lithuanian-Horde relations of 1419–1429 and the first attempt at the formation of the Crimean Khanate]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma*. [Materials on Archaeology and History of the Ancient and Medieval Crimea]. Vol. V. Sevastopol–Tyumen, 2013, pp. 30–52. (In Russian)
8. Besspalov R.A. Novosil'sko-Odoevskoe knyazhestvo i Orda v kontekste mezhdunarodnykh otnosheniy v Vostochnoy Evrope XIV – nachala XVI veka [Novosil'sko-Odoevskoye principality and the Horde in the context of international relations in Eastern

Europe of the 14th – early 16th century]. *Srednevekovaya Rus'. Problemy politicheskoy istorii i istochnikovedeniya* [Medieval Rus. Problems of Political History and Source Study]. Iss. 11. Moscow, 2014, pp. 257–326. (In Russian)

9. Brun F. Puteshestviya i posol'stva gospodina Gill'bera de Lannua [Travels and embassies of Mr. Gilbert de Lannois]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities]. Vol. III. Odessa, 1853, pp. 433–465. (In Russian)

10. Validi T.A. *Istoriya bashkir* [History of the Bashkirs]. Ufa, 2010. 352 p. (In Russian)

11. Valihanov Ch.Ch. Izvlecheniya iz Dzhami at-tavarikh. Sbornik letopisey [Extracts from Jami at-tavarikh. Collection of chronicles]. *Sobranie sochineniy v pyati tomakh* [Collected works in five volumes]. Vol. I. Alma-Ata, 1984, pp. 228–254. (In Russian)

12. Gorskiy A.A. *Moskva i Orda* [Moscow and the Horde]. Moscow, 2000. 214 p. (In Russian)

13. Grigor'ev A.P. Zolotoordynskie yarlyki: poisk i interpretatsiya [Golden Horde's yarliks: search and interpretation]. *Tyurkologicheskiy sbornik 2005: Tyurkskie narody Rossii i Velikoy stepi* [The Turkological Collection 2005: The Turkic Nations of Russia and the Great Steppe]. Moscow, 2006, pp. 74–142. (In Russian)

14. Gulevich V.P. Krym i «imperatory Solkhata» v 1400–1430 gg.: khronologiya pravleniya i status praviteley [Crimea and the “Emperors of Solkhat” in 1400–1430: A Chronology of the Reign and the Status of the Rulers]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review]. 2014, no. 4(6), pp. 166–197. (In Russian)

15. Zhirmunskiy V.M. *Izbrannye trudy. Tyurkskiy geroicheskiy epos* [Selected Works. Turkic Heroic Epic]. Leningrad, 1974. 728 p. (In Russian)

16. *Idegey. Tatarskiy narodnyy epos* [Idegey. Tatar Folk Epic]. Kazan, 1990. 256 p. (In Russian)

17. Iz «Ta'rikh-i arba' ulus» Mirza Ulugbeka [From the “Ta'rikh-i arba 'ulus” by Mirza Ulugh Beg]. *Istoriya Kazakhstana v persidskikh istochnikakh. Izvlecheniya iz sochineniy XIII–XIX vv* [History of Kazakhstan in Persian Sources. Extracts from the Works of the 13th–19th centuries]. Vol. V. Almaty, 2007, pp. 88–112. (In Russian)

18. *Istoriya Kazakhstana v arabskikh istochnikakh. Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordyy. Izvlecheniya iz arabskikh sochineniy, sobrannyye V.G. Tizengauzenom*. [History of Kazakhstan in Arabic Sources. Collection of Materials Relating to the History of the Golden Horde. Extracts from Arabic works, compiled by V.G. Tizengauzen]. Vol. I. Almaty, 2005. 711 p. (In Russian)

19. *Istoriya Kazakhstana v persidskikh istochnikakh. Mu'izz al-ansab (Proslavlyayushchie genealogii)* [History of Kazakhstan in Persian Sources. Mu'izz al-Ansab (Glorifying Genealogies)]. Vol. III. Almaty, 2006. 672 p. (In Russian)

20. *Istoriya Kazakhstana v persidskikh istochnikakh. Vol. IV. Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordyy. Izvlecheniya iz persidskikh sochineniy, sobrannyye V.G. Tizengauzenom i obrabotannyye A.A. Romaskevichem i S.L. Volynym* [History of Kazakhstan in Persian Sources. Volume IV. Collection of Materials Relating to the History of the Golden Horde. Extracts from the Persian writings collected by V.G. Tiesenhauzen and processed by A.A. Romaskevich and S.L. Volyn]. Almaty, 2006. 620 p. (In Russian)

21. Klyashtornyy S.G., Sultanov T.I. *Kazakhstan. Letopis' trekh tysyacheletiy* [Kazakhstan. Annals of the Three Millenniums]. Alma-Ata, 1992. 378 p. (In Russian)

22. Lashkov F.F. Sbornik dokumentov po istorii krymsko-tatarskogo zemlevladieniya [Collection of documents on the history of the Crimean Tatar landownership]. *Izvestiya Tavricheskoy Uchenoy Arkhivnoy Komissii. №22 (god devyatyy)* [News of the Taurida Academic Archive Commission. №22 (ninth year)]. Simferopol, 1895, pp. 35–81. (In Russian)

23. Maslyuzhenko D.N. Khany Makhmud-Khodzha i Khadzhi-Mukhammed, ili «Ulus Shibana» v pervoy chetverti XV v. [Khans Mahmud-Khodja and Hadji-Muhammad, or the “Ulus of Shibana” in the first quarter of the 15th century]. *Voprosy istorii i arkhologii srednevekovykh kochevnikov i Zolotoy Ordyy: sbornik nauchnykh statey, posvyashchennykh pamyati V.P.Kostyukova*. [Questions of History and Archaeology of Medieval Nomads and the Golden Horde: Collection of research papers dedicated to the memory of V.P. Kostyukov]. Astrakhan, 2011, pp. 88–101. (In Russian)

24. *Materialy po istorii kazakhskikh khanstv XV–XVIII vekov (Izvlecheniya iz persidskikh i tyurkskikh sochineniy)* [Materials on the History of Kazakh Khanates of the 15th–18th centuries (extracts from Persian and Turkic writings)]. Alma-Ata, 1969. 655 p. (In Russian)

25. Mukhamadiev A.G. *Bulgaro-tatarskaya monetnaya sistema XII–XV vv.* [The Bulghar-Tatar Monetary System of the 12th–15th centuries]. Moscow, 1983. 159 p. (In Russian)

26. Negri A. Izvlecheniya iz odnoy turetskoy rukopisi obshchestva, sodержashchey istoriyu krymskikh khanov [Extracts from one Turkish manuscript of a Society containing the history of the Crimean khans]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities]. Vol. I. Odessa, 1844, pp. 379–392. (In Russian)

27. Parunin A.V. Politicheskaya biografiya Chekre – khana Zolotoy Ordyy nachala XV veka [Political biography of Chekre – the Khan of the Golden Horde of the early 15th century]. *Voennoe delo kochevnikov Kazakhstana i sopredel'nykh stran epokhi Srednevekov'ya i Novogo vremeni: sbornik nauchnykh statey* [Warfare of the Nomads of Kazakhstan and Neighboring Countries of the Middle Ages and New Times: Collection of research papers]. Astana, 2013, pp. 114–120. (In Russian)

28. Parunin A.V. K voprosu ob uchastii Shibandidov v zolotoordynskoy mezhdousobitse 1420-kh gg. [To the question of the Shibandid's participation in the Golden Horde's strife of the 1420s]. *Istoriya, ekonomika i kul'tura srednevekovykh tyurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoy Sibiri. Materialy II Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii g. Kurgan, 17–18 aprelya 2014 goda*. [History, Economics and Culture of Medieval Turkic-Tatar States of Western Siberia. Proceedings of the II All-Russian Research Conference, Kurgan, April 17–18, 2014]. Kurgan, 2014, pp. 40–45. (In Russian)

29. Parunin A.V. Politicheskaya biografiya Barak-khana [Political biography of Baraq Khan]. *Uly dalanyn tarikhy: turikter men mongoldar* [Uly dalanyn tarihi: turikter men mongoldar]. Astana, 2014, pp. 93–101. (In Russian)

30. Parunin A.V. "Puteshestvie" Ioganna Shiltbergera kak istochnik po istorii Zolotoy Ordyy pervoy chetverti XV veka [“Journey” by Johann Schiltberger as a source on the history of the Golden Horde of the first quarter of the 15th century]. *Sibirskiy sbornik: sbornik statey*. [Siberian Collection: Collection of articles]. Kurgan, 2015, Is. 3, pp. 88–95. (In Russian)

31. Parunin A.V. Imperator Solkatskiy Bek-Sufi [Bek-Sufi, the Emperor of Solhat]. *Istoricheskiy format* [Historical Format]. 2016, no. 4, pp. 159–168. (In Russian)

32. Parunin A.V. «Chingiz-name» kak istochnik po istorii Zolotoy Ordyy [“Chingiz-name” as a source on the history of the Golden Horde]. *Istoriya, ekonomika i kul'tura srednevekovykh tyurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoy Sibiri. Materialy III Vserossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoy konferentsii, g. Kurgan, 21–22 aprelya 2017 g* [History, Economics and Culture of Medieval Turkic-Tatar States of Western Siberia. Proceedings of the III All-Russian (with international participation) research conference, Kurgan, April 21–22, 2017]. Kurgan, 2017, pp. 3–9. (In Russian)

33. Pilipchuk Ya.V., Sabitov Zh.M. Bor'ba Toktamyshevichy za vlast' v 10–20-kh gg. XV v. [The struggle of the Toktamishevich for power in the 1410–20s]. *Iz istorii i kul'tury*

narodov Srednego Povolzh'ya [From the History and Culture of the Peoples of the Middle Volga region]. 2016, no. 6. pp. 110–125. (In Russian)

34. Ponomarev A.L. Pervye khany Kryma: khronologiya smuty 1420-kh godov v schetakh Genuezskogo kaznacheystva Kafy [The Early Khans of Crimea: the Chronology of the Turmoil in the Accounts of the Genoese Treasury of Caffa, 1420s]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review]. 2013, no. 2, pp. 158–190. (In Russian)

35. Pochekaev R.Ju. *Tsari Ordynskie. Biografii khanov i praviteley Zolotoy Ordyy* [The Tsars of the Horde. Biographies of the Khans and Rulers of the Golden Horde]. St. Petersburg, 2012. 464 p. (In Russian)

36. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian chronicles]. Vol. 11. *Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarshey ili Nikonovskoy letopis'yu* [Chronicle Collection, Called the Patriarchal or Nikon Chronicle]. St. Petersburg, 1897. 254 p. (In Russian)

37. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 12. *Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarshey ili Nikonovskoy letopis'yu* [Chronicle Collection, Called the Patriarchal or Nikon Chronicle]. St. Petersburg, 1901. 266 p. (In Russian)

38. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 17. *Zapadnorusskie letopisi* [West Russian Chronicles]. St. Petersburg, 1907. 650 p. (In Russian)

39. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 18. *Simeonovskaya letopis'* [The Simeon Chronicle]. St. Petersburg, 1913. 317 p. (In Russian)

40. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 25. *Moskovskiy letopisnyy svod kontsa XV veka* [Moscow Chronicle of the end of the 15th century]. Moscow, Leningrad, 1949. 464 p. (In Russian)

41. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 35. *Letopisi belorussko-litovskie* [Belarusian-Lithuanian Chronicles]. Moscow, 1980. 306 p. (In Russian)

42. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 40. *Gustynskaya letopis'* [Gustynskaya Chronicle]. St. Petersburg, 2003. 202 p. (In Russian)

43. Puteshestviya Gil'bera de Lannoa v vostochnye zemli Evropy v 1413–14 i 1421 godakh [Travels of Guilbert de Lannoy to the eastern lands of Europe in 1413–14 and 1421]. *Universitetskie izvestiya* [University News]. Kyiv, no. 8, 1873. pp. 1–46. (In Russian)

44. Reva R.Yu. Mukhammad-Barak i ego vremya. Obzor numizmaticheskikh i pis'mennykh istochnikov [Muhammad-Baraq and his time. Review of numismatic and written sources]. *Numizmatika Zolotoy Ordyy* [Numismatics of the Golden Horde]. 2015, no. 5, pp. 80–104. (In Russian)

45. Reva R.Yu. Bor'ba za vlast' v pervoy polovine XV v. [The struggle for power in the first half of the 15th century]. *Zolotaya Orda v mirovoy istorii* [The Golden Horde in World History]. Kazan, 2016, pp. 704–729. (In Russian)

46. Sabitov Zh.M. K voprosu o genealogii zolotoordynskogo khana Bek-Sufi [To the question of the genealogy of the Golden Horde khan Bek-Sufi]. *Krim vid antichnosti do s'ogodennyya: Istorichni studii. NAN Ukraïni. Institut istorii Ukraïni* [Crimea from Antiquity to the Present: Historical Studies. National Academy of Sciences of Ukraine. Institute of History of Ukraine]. Kyiv, 2014, pp. 63–74. (In Russian)

47. Safargaliev M.G. *Raspad Zolotoy Ordyy* [The Dissolution of the Golden Horde]. Saransk, 1960. 279 p. (In Russian)

48. Sultanov T.I. Pis'mo zolotoordynskogo khana Ulug-Mukhammada turetskomu sultanu Muradu II [Letter of the Golden Horde Khan Ulugh Muhammad to the Turkish

Sultan Murad II]. *Tyurkologicheskiy sbornik* [The Turkological Collection]. Moscow, 1975, pp. 53–62. (In Russian)

49. Uskenbaj K.Z. *Vostochnyy Desht-i Kypchak v XIII – nachale XV veka. Problemy etnopoliticheskoy istorii Ulusa Dzhuchi* [The Eastern Desht-i Kypchak in the 13th – early 15th century. Problems of the Ethnopolitical History of the Jochid Ulus]. Kazan, 2013. 288 p. (In Russian)

50. Usmanov M.A. *Tatarskie istoricheskie istochniki XVII–XVIII vv.* [Tatar Historical Sources of the 17th–18th centuries]. Kazan, 1972. 223 p. (In Russian)

51. Ötemish Haji. *Chingiz-name* [Chingiz-name]. Alma-Ata, 1992. 296 p. (In Russian)

52. Ötemish Haji. *Kara tavarikh* [Qara tavarikh]. Kazan, 2017. 312 p. (In Russian)

53. Fasikh Akhmad ibn Dzhahal ad-Din Mukhammad al-Khavafi. *Fasikhov svod* [Fasikh's Collection]. Tashkent, 1980. 346 p. (In Russian)

54. Khafiz-i Tanysh Bukhari. *Sharaf-name-yi shakhi (Kniga shakhskoy slavy) Ch. 1* [Sharaf-name-yi shahi (Book of Shah's Glory). Ch. 1]. Moscow, 1983. 534 p. (In Russian)

55. (Khondemir). *Istoriya Mongolov. Ot drevneyshikh vremen do Tamerlana* [History of the Mongols. From Ancient Times to Tamerlane]. St. Petersburg, 1834. 158+VIII p. (In Russian)

56. Khromov K.K. *Pravleniya khanov v Krymskom uluse Zolotoy Ordyy v 1419–1422 gg. po numizmaticheskim dannym* [The rule of the khans in the Crimean ulus of the Golden Horde in 1419–1422 according to numismatic data]. *Istoriko–geografichni doslidzhennya v Ukraini. Zb. nauk. prats'. Chislo 9* [Historical and Geographical Research in Ukraine. Collected papers. Number 9]. Kyiv, 2006, pp. 366–372. (In Russian)

57. Khromov K.K. *O khronologii pravleniya Davlat Berdi khana v Krymskom uluse po numizmaticheskim dannym (poslednie dzhuchidskie serebryanye monety Kryma)* [On the chronology of the rule of Davlat Berdi Khan in the Crimean ulus according to numismatic data (the last Jochid silver coins of the Crimea)]. *Ot Onona k Temze. Chingisidy i ikh zapadnye sosedi: K 70-letiyu Marka Grigor'evicha Kramarovskogo* [From the Onon to the Thames. The Chinggisids and Their Western Neighbors: To the 70th birthday of Mark G. Kramarovsky]. Moscow, 2013, pp. 378–416. (In Russian)

58. Shiltberger J. *Puteshestvie po Evrope, Azii i Afrike* [Journey through Europe, Asia and Africa]. Baku, 1984. 88 p. (In Russian)

59. *Jedige. Nogajskaja jepicheskaja pojema* [Edigu. The Nogai Epic Poem]. Moscow, 2016. 512 p. (In Russian)

60. *Codex epistolaris Vitoldi Magni Ducis Lithuaniae 1376–1430*. Cracoviae, 1882. 1113 p. + CXVI p. (In Polish, Latin)

61. Defremery M. *Fragments de géographes et d'historiens arabes et persans inédits. Journal Asiatique*. Février–Mars 1851. Paris, 1851, pp. 105–161. (In French)

62. *Jana Długosza kanonika krakowskiego dziejow Polskich*. Vol. IV. Kr. XI–XII. Kraków, 1869. 558 p. + XXIII p. (In Polish)

63. Langles L. *Notice chronologique des khans de Crimée*. Forster G. *Voyage du Bengalie a Petersbourg*. Vol. III. Paris, 1802. pp. 325–482. (In French)

64. Langmantel V. *Hans Schiltbergers Reisebuch*. Stuttgart, 1883. 200 p. (In German)

About the author: Aleksey V. Parunin – Research Associate, Cultural Heritage Assistance Foundation “Public Foundation “Southern Ural” (80, Kommuny Str., Chelyabinsk 454080, Russian Federation). E-mail: therion12399@gmail.com

Received July 3, 2019 Accepted for publication August 28, 2019
Published September 29, 2019

**О ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ТРАДИЦИЯХ
В ЮВЕЛИРНОМ ИСКУССТВЕ КАЗАНСКИХ ТАТАР:
НА ПРИМЕРЕ ФИЛИГРАННЫХ МИНДАЛЕВИДНЫХ СЕРЁГ**

Л.Н. Донина¹, С.В. Суслова²

^{1, 2} *Институт истории им. Ш.Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация*

¹ *lis.art@mail.ru*

² *sv_suslova@mail.ru*

Цель: выявление джучидских ювелирных традиций в искусстве казанско-татарской филигрании на примере этноспецифического элемента традиционной культуры волго-уральских татар – миндалевидных филигранных серег.

Материалы исследования: основными источниками являются массовые музейные и полевые этнографические и археологические материалы, собранные авторами в рамках масштабных академических проектов. Это «Историко-этнографический атлас татарского народа» (1971–1990 гг.) и «Ювелирные украшения тюркских народов Евразии: общее и особенное» (Российский фонд фундаментальных исследований №13-06-97056, 2013–2014 гг.).

Результаты и научная новизна: в статье впервые проведен ретроспективный историко-этнологический и технико-технологический анализ миндалевидных филигранных серёг, являющихся маркером татарской национальной культуры. Это впервые позволило атрибутировать некоторые известные археолого-этнографические артефакты. Истоки формирования серег в значительной степени связаны с золотоордынским периодом этнокультурной истории народа, прежде всего казанских татар. Технологические и орнаментальные традиции золотоордынской филигрании сохранились на всех этапах их формирования. Самые ранние образцы джучидской филигрании известны в миндалевидных серьгах XIV века из могильника в окрестностях г. Булгара. Современная макрофото съемка позволила определить технологию изготовления археологических артефактов – близких аналогов казанско-татарским серьгам, датированных нами XV–XVI вв. Это ажурная филигрань (канитель) без основы. Она отражает процесс интеграции золотоордынских элементов (завиток в один оборот) и технологических приёмов (ажурная филигрань без основы) в ювелирное искусство казанских татар через посредство традиций булгарской филигрании. Золотоордынские традиции доминируют и в массивных миндалевидных височно-нагрудных украшениях: они также изготовлены из вальцованной скани; завитки филигрании выполнены в один оборот; внешний каркас изделий изготовлен из трех вальцованных проволок. Подобные крупные формы украшений больше соответствуют не кочевническим традициям, а монументальным формам городского костюма средневековой знати XVI–XVIII вв. Традиции джучидской спиральной филигрании в татарских серьгах миндалевидного типа, как и в искусстве казанско-татарской филигрании в целом, сохранились вплоть до начала XX в.

Ключевые слова: Золотая Орда, Волжская Булгария, Казанское ханство, татары, технология филигрании, орнамент

Для цитирования: Дони́на Л.Н., Су́слова С.В. О золотоордынских традициях в ювелирном искусстве казанских татар: на примере филигранных миндалевидных серёг // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 3. С. 461–484. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-3.461-484

**THE GOLDEN HORDE TRADITIONS
IN THE KAZAN TATARS' JEWELRY ART:
ON THE EXAMPLE OF ALMOND-SHAPED FILIGREE EARRINGS**

L.N. Donina¹, S.V. Suslova²

^{1, 2} *Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

¹ *lis.art@mail.ru*

² *sv_suslova@mail.ru*

Abstract: *Research objectives:* Identification of the Jochid jewelry traditions in Kazan-Tatar filigree art based on the example of the ethnospecific element of the traditional Tatar culture – almond-shaped filigree earrings.

Research materials: The main sources are museum and field ethnographic and archaeological materials collected by the authors as part of largescale academic projects. These are the “Historical and Ethnographic Atlas of the Tatar People” (1971–1990) and “Jewelry of the Turkic Peoples of Eurasia: General and Specific” (Russian Foundation for Basic Research №13-06-97056, 2013–2014 yy.).

Results and novelty of the research: For the first time, this article carried out a retrospective historical-ethnological and technological analysis of almond-shaped filigree earrings, which are a characteristic marker of Tatar national culture. This made it possible to attribute the origins of some early medieval archaeological and ethnographic artifacts. The origins of the formation of earrings are largely associated with the Golden Horde period of the ethnocultural history of the region's people, especially the Kazan Tatars. The technological and ornamental traditions of the Golden Horde filigree are preserved at all stages of their formation. The earliest examples of Jochid filigree are found in the fourteenth-century almond-shaped earrings from the burial ground in the vicinity of Bulghar. Modern macrophotography allowed us to determine the manufacturing technology of medieval archaeological artifacts of the fifteenth and sixteenth centuries – the close analogues of Kazan-Tatar earrings. This was the filigree tracery (gimp) without base. It reflects the process of integrating the Golden Horde elements (curl in one turn) and technological methods (open-work filigree without base) into the jewelry art of the Kazan Tatars through the traditions of Volga Bulgarian filigree. The Golden Horde filigree traditions also prevail in the massive almond-shaped head ornaments from the 16th–18th centuries. Such large forms of jewelry correspond to the monumental forms of the urban costume of the medieval nobility rather than to nomadic traditions. The technological traditions of the Jochid spiral filigree in the Tatar almond-shaped earrings, as is the case with Kazan-Tatar filigree art in general, continued until the beginning of the twentieth century.

Keywords: Golden Horde, Volga Bulgaria, Kazan Khanate, Tatars, technology, filigree, ornament

For citation: Donina L.N., Suslova S.V. The Golden Horde Traditions in the Kazan Tatars' Jewelry Art: On the Example of Almond-shaped Filigree Earrings. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 3, pp. 461–484. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-3.461-484

Металлические ювелирные украшения как часть комплекса традиционного костюма представляют особую категорию этнических культур и рассматриваются в современной этнологии как важный исторический источник, позволяющий достаточно обоснованно иллюстрировать этапы культурогенеза и этнической истории народов. Особая важность этого источника обусловлена ёмкостью, заключающейся в нем научной информации (технично-технологические параметры, орнамент, конструкция и форма изделий). Содержащаяся в материалах традиционных татарских украшений XIX–XX вв. научная информация включает в себя и материал более ранних периодов этнической истории, что объясняется относительной устойчивостью и преемственностью типологических признаков народной культуры. В ювелирном искусстве казанских татар изготовление женских украшений занимает ключевое место. Женские украшения, как известно, составляют самый мощный пласт в тюркитике и большинства тюркских народов Евразии. В публикации предпринята попытка использовать информативные возможности миндалевидных филигранных серег, которые презентуются авторами в качестве этноспецифического элемента традиционной культуры волго-уральских татар. В XVIII – начале XX вв. они бытовали у социальной верхушки и в праздничной одежде практически всех групп волго-уральских татар, а также башкир, татар Сибири. В качестве декоративного элемента народного костюма их использовали, часто не по назначению, и другие тюркские народы (Рис. 24). Анализ предмета исследования проведен в двух аспектах: историко-этнологическом и технико-технологическом с использованием приемов исследования и методик смежных дисциплин – археологии, этноархеологии и искусствознания.

***Татарские миндалевидные серьги:
историко-этнологические аспекты анализа***

Вплоть до конца XX века в этнографической литературе бытовало устойчивое мнение, что у татар не было национального типа серег. Профессор Н.И. Воробьев – основоположник этнографии казанских татар, писал: «Несмотря на широкое распространение этого украшения, специфического, так сказать, национального типа серег, носимых татарками, не имелось» [4, с. 195]. Только в 1980 г. в научной литературе впервые высказывается точка зрения о том, что миндалевидные (грушевидные) серьги являются этноспецифическим элементом культуры казанских татар [19, с. 24].

Серьги состоят из двух вертикально соединенных филигранных блях – малой и крупной миндалевидной формы, обычно с филигранными же мелкими листовидными подвесками. По формально-морфологическим признакам серьги можно было бы разбить на огромное количество вариантов по форме малой бляхи (розетковидные, круглые, листовидные, треугольные и т.д.), по деталям формы основной бляхи (миндалевидные, миндалевидные с фестонами и т.д.),

по характеру подвесок (из филигранных бляшек, монет, камней, проволоочных фигурок и т.д.) и по особенностям соединения частей серьги между собой.

Миндалевидные серьги являлись широко распространенным декоративным элементом в народном костюме волго-уральских татар. Об этом говорят материалы хронологически разновременных карт Историко-этнографического атласа татарского народа [21, с. 300–302, кар. 25], позволяющие выявить ареалы их распространения и динамику количественной характеристики (преобладали, бытовали, единично встречались). Из них следует, что в середине XIX в. эти серьги широко бытовали как у казанских татар референтной и периферийных групп (особенно на востоке региона), так и у большинства групп кряшен, за исключением молькеевских, испытавших уже в то время сильное культурное воздействие сопредельных чувашей (Цивильский уезд бывшей Казанской губернии). На западе Волго-Уральского региона они бытовали в городском костюме касимовских татар, единично встречались у сергачских мишарей, тесно связанных с казанско-татарской культурой, что, вероятно, обусловлено значительной миграцией на территорию их компактного проживания казанских татар в XVI–XVII вв. В целом же для мишарей Окско-Сурского междуречья они не были характерны, что связано с присущим для их костюма тастарным (полотенцеобразным) комплексом головного убора, скрывающим голову, шею, уши женщины и исключающим возможность использования крупных элементов декора.

В конце XIX – начале XX вв. количественный показатель функционирования миндалевидных серег в костюме падает до единичной градации у большинства групп казанских татар, кроме периферийных (пермских, чепецких). В традиционных же комплексах одежды кряшен они продолжают активно использоваться. Это объясняется тем, что массивные миндалевидные серьги перестали соответствовать общей тенденции развития костюма казанских татар от монументальных архаичных форм в сторону более утонченных общеевропейских. У кряшен же традиционные комплексы одежды с характерной для них монументальностью сохранялись вплоть до середины XX в. Как известно, кряшены не приняли общенационального татарского костюма, но сохраняли в структуре костюма многие общие с казанскими татарами-мусульманами древние и средневековые элементы [20, с. 264].

Терминологическое обозначение серег – *алка, сырга*; у кряшен Казанской губ. встречалось наименование *кандала сырга* (серьга-клоп). Любопытно, что в отдаленных периферийных, часто этнически пестрых районах Приуралья и Западной Сибири, такие серьги называли *татар сыргасы*, подчеркивая именно татарское их происхождение (Рис. 1).

В середине XIX века у казанских татарок достаточно крупные миндалевидные серьги бытовали преимущественно в девичьих калфачных комплексах головных уборов, а также в аналогичных уборах молодых женщин – невесток *яш килен*, не использующих, как это характерно для мусульманок среднего и старшего возраста, больших головных покрывал, полностью скрывающих фигуру. Подобные серьги видим, например, в калфачном комплексе головного убора молодой горожанки на картине середины XIX в. известного латышского художника К.Ф. Гуна (Рис. 2). Крупные миндалевидные серьги были, вероятно, известны казанским татарам и в период Казанского ханства.

Во всяком случае, близкие им аналоги видим на некоторых вариантах «Семейного портрета царицы Сююмбике» – копиях неизвестных авторов XVIII века с утраченного оригинала XVII в.(?) Такие массивные серьги крепились к каркасному головному убору.

В фондах Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника в качестве старинных сибирско-татарских значится любопытная пара серёг, которая, по нашему мнению, может рассматриваться как ханский вариант татарских миндалевидных, хотя это и небесспорно. По форме основного щитка (миндалевидные), характеру подвесок (в виде мелких монет) эти серьги идентичны казанско-татарским, однако по рисунку филигрании (мотив многолепестковой розетки) и особенностям инкрустации самоцветами (отсутствие розетки из самоцвета, осыпанного мелкой бирюзой) они от них отличаются. Тобольские серьги крупные, их ушко дротовое. Это говорит о том, что они могли использоваться в качестве височных подвесок к каркасному головному убору. По сведениям профессора Томского государственного университета Л.А. Чиндиной подобный головной убор в 2002 г. был обнаружен в средневековом татарском женском погребении в районе г. Томска. В качестве подвесок преимущественно использованы турецкие монеты, а также русские – достоинством в пять копеек (1798) и серебряный алтын (1704). Серьги изготовлены из слегка вальцованной канители, что по технике исполнения позволяет поставить их в один ряд с казанско-татарскими (Рис. 3). Возможно это украшение было изготовлено в местных ювелирных мастерских Искерского городища по казанско-татарским образцам.

Миндалевидная бляха – основной элемент казанско-татарских филигранных серег – нередко служила центральным звеном и других женских украшений, выполняющих иную функцию, например, накосных *чулты* или височно-нагрудных *сырга*. Последнее – в виде блях-подвесок – крепилось к височной части женского головного убора, которые соединялись между собой ожерельем (цепочкой). Аналог *сырга* – серьги, соединенные между собой металлической цепочкой, в качестве казанско-татарских хранятся в коллекциях Российского этнографического музея, г. Санкт-Петербург (инв. №6800-13, инв. №25169-2). На период наших исследований (конец XX в.) наиболее четкие сведения и даже использование подобного украшения из миндалевидных блях-серег в быту наблюдалось у кряшен в комплексе головного убора *сурәкә*, свадебного наряда *түгәрәк яулык* невесты. Оно крепилось к матерчатым монетным височным украшениям *жилкәлек* и соединялось с ним водино. Вместо подбородочной цепочки кряшенками часто использовалась лента или тесьма *сырга бавы*, которая привязывалась за верхушки обеих сережек-подвесок и, перехваченная петлей под подбородком, а иногда зацепленная за центральную монету шейно-нагрудного украшения *тамакса*, свисала на грудь. Этот способ ношения мы рассматриваем как рудимент подбородочной цепочки с подвесками, характерной для височно-нагрудных украшений большинства тюрко-монгольских народов Евразии (Рис. 4, 5).

Достаточно убедительно можно говорить о бытовании у казанско-татарской знати украшения наподобие *сырга* в более раннее время, вероятно, и в период Казанского ханства. В собрании А.Ф. Лихачёва (Национальный музей Республики Татарстан, г. Казань, инв. №10202) хранится любопытное старинное массивное серебряное позолоченное украшение (Рис. 6). Оно состоит

из двух совершенно одинаковых подвесок, соединенных толстой цепью, украшенной пятью парами сканых с зернью шариков, висящих на отрезках цепи. Каждая подвеска состоит из сканой розетки с двумя прикрепленными листовидными подвесками и большой миндалевидной бляхи, по бокам которой прикреплены шесть листовидных подвесок, а к низу – подвеска в виде двух сканых с зернью шариков. К бляхе привешена на двух цепочках с четырьмя листовидными подвесками подобная же бляха, но меньших размеров. Совершенно очевидно, что по форме описанные элементы представляют собой не что иное, как миндалевидные серьги. Украшение крепилось к височной части каркасного головного убора вроде сахарной головки, при этом подбородочные цепочки украшали шею и грудь.

В тюрко-монгольском мире имеется большой круг аналогий этому украшению татарок: у башкир *һырга* [12, с. 247], у каракалпаков *халхап сырға* (Нукус, Каракалпакский Государственный музей искусств имени И.Савицкого, инв. №3850, №56, №30), у узбеков *халкаб сирға* (Ташкент, Музей искусств Узбекистана, инв. №7-203), у казахов *саукелини сырғасы* [7, с. 134.], *сойко желбуроч* у киргизов [8, с. 115]. Известно оно и тюрко-монгольским этносам Алтая и Сибири, особенно забайкальским бурятам [14, с. 82.] и монголам [25, f. 35–38]. При сохранении у всех перечисленных народов общих конструктивных признаков этого оригинального височно-нагрудного украшения именно бурят-монгольские вариации зачастую представляют собой настоящие шедевры ювелирного искусства (Рис. 7).

В качестве археологических прототипов можно указать серьги из Новохарьковского могильника эпохи Золотой Орды, описанные Р.Р. Каримовой. К серьгам также были прикреплены серебряные цепочки, при помощи которых они соединялись на груди под подбородком [9, с. 31]. Интересной в этой связи представляется и выполненная Е.А. Халиковой реконструкция женского костюма по материалам Больше-Тиганского древнемадьярского могильника конца VIII – первой половины IX в. [22, с. 168]. Истоки культуры этого могильника автор связывает с памятниками Западной Сибири, Средней Азии и Казахстана [23, с. 52]. Крупные височные подвески в женских погребениях также были соединены цепочками. Трудно сказать что-либо определенное о взаимосвязи всех этих височно-нагрудных украшений. Некоторые исследователи отмечают, и, вероятно, не без основания, что подобные украшения имелись у тех народов, отдельные племена которых по происхождению были близки народам Алтая и Южной Сибири [24, с. 294].

Миндалевидные татарские серьги формировались, очевидно, на основе местных ювелирных традиций. Известно, что техникой филигрانی прекрасно владели булгарские ювелиры и ювелиры Золотой Орды. Серьги миндалевидной формы, изготовленные в технике филигрانی с подвесками, были обнаружены при археологических работах на Бабьем бугре в г. Булгаре в 1947 г. [1, с. 152]. Заметим, что сходство этих булгарских сережек с татарскими идет гораздо дальше общей формы (Рис. 8, 9). А.П. Смирнов усматривал их прообраз в серьгах с подвесками из сарматских памятников [17, с. 20, рис. 8.].

Серьга со щитком миндалевидной формы, изготовленным в технике ажурной филигрانی (?) и литыми подвесками, была случайно найдена в конце XIX века в Глазовском уезде Вятской губернии. Фото серьги опубли-

ковано в статье Н.Г. Первухина [15, табл. X], тесно сотрудничавшего с Обществом археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете и оставившего заметный след в археологии и этнографии края (Рис. 10). Попытка датировки и определения техники изготовления, вероятно, этой серьги впервые была предпринята значительно позже известным искусствоведом Ф.Х. Валеевым. «Выкопировки» (рисунки с фото оригинала) «*вятской*» серьги представлены в двух главах его монографии [2, рис. 29-8, 81-5], а также в альбоме «Древнее искусство Татарстана» [3, рис. 46-4].

Другая серьга с миндалевидным щитком была обнаружена во время экспедиции 1998 года в Самарскую область С.В. Сусловой (Рис. 11). Серьга находилась в школьном музее с. Алькино Похвистневского района и условно атрибутирована исследователем как болгарская [20, с. 175].

В экспозиции музея Лаишевского края им. Державина (г. Лаишево, Татарстан) в 2018 году Л.Н. Дониной обнаружен подобный миндалевидный щиток (Рис. 12). В 1996 году серьга была найдена на правом берегу р. Чакма в Лаишевском селище и условно датирована периодом Казанского ханства директором музея Ф.Г. Муртазиной. Предмет был отреставрирован О. Гасимовым в 2002 г.

В настоящее время на сайтах кладоискателей в сети интернет появляются фото аналогичных миндалевидных серег, но без научных аннотаций.

Истоки татарских миндалевидных серег: технико-технологический анализ

Наиболее ранними в ряду представленных выше археологических материалов являются миндалевидные щитки серег из известного погребения № 40 на Бабьем бугре, которое содержало комплекс вещей, позволивший изначально определить его как кочевническое и отнести к домонгольскому времени [1, с. 152.]. Попытка дать сравнительно-исторический и технологический анализ этих серег впервые была предпринята А.М. Ефимовой [6, с. 191; 5, с. 28]. Исследователь обращает внимание, что форма, мотивы и технические приёмы их отделки получили отражение в позднейшем ювелирном искусстве казанских татар [6, с. 184, рис. 2, 1-2; 3; с. 191, рис. 3-3]. Опубликованное А.М. Ефимовой фото серьги с сердоликовой вставкой из богатого захоронения даёт чёткое представление о том, что в качестве элементов орнамента бордюра служат короткие *завитки в один оборот* (Рис. 9). Именно эта деталь позволила Г.Ф. Поляковой в 2010 г. уточнить датировку и отнести серьгу к золотоордынскому периоду истории Волжской Болгарии: «Серьги имеют пластинчатую основу, на которой укреплено гнездо со вставкой, окруженное пояском из коротких завитков воздушной скани... прием более всего характерен для ювелирного искусства Золотой Орды» [16, с. 234]. В качестве аналогии исследователь приводит золотую серьгу, найденную к юго-западу от реки Янцзы в провинции Хунань [13]. На китайские истоки золотоордынской филигрانی спирального типа первым обратил внимание М.Г. Крамаровский [18, с. 199, 114, 115]. Идею генетической преемственности казанской филигрانی как одной из ветвей джучидской художественной школы XIII–XV веков исследователь считает очевидной [10, с. 278]. Серьга с Бабьего бугра, исходя из последних аналитических материалов, является самым ранним образцом спиральной филигрانی болгарского ювелирного ис-

кусства золотоордынского периода. Её филигрань ещё не оторвана от основы, как и на золотоордынском пластинчатом браслете [18, с. 279, кат. 252] (Рис. 13). Подобный композиционный принцип организации пространства видим и на бляшке-пронизке из Симферопольского клада, но изготовленной в технике ажурной филигрании без основы [18, с. 313, кат. 473] (Рис. 14).

В отличие от этой болгарской серьги с Бабьего бугра, *«вятская»*, *«самарская»* и *«лаишевская»* серьги являются прямыми аналогами казанско-татарских миндалевидных, и датируются нами XV–XVI вв. Заметим, что все эти артефакты в качестве подъемного материала были обнаружены в территориальных пределах Волжской Булгарии и Казанского ханства. Принципиальное их отличие от болгарских серег, выполненных в технике накладной филигрании, заключается в иной технологии изготовления – ажурной филигрании без основы. В татарских миндалевидных серьгах с системой многочисленных шумящих подвесок, вероятно, услышим и отзвук древних финских подвесок, широко распространенных у народов края в прошлом [11].

«Вятскую» серьгу Ф.Х. Валеев относит к группе домонгольских «литых украшений, имитирующих сканные серьги, в основе которых лежат мотивы спиралей», которые в неизменном виде продолжали бытовать и во второй половине XIII – первой половине XV вв. [2, с. 164]. Исследователь утверждает, что одновременно «у болгар бытовали сканные, более дорогие серьги со сложным рисунком заполнения» [2, с. 77]. Однако по фотографии точно определить, как изготовлено изделие, практически невозможно.

В отличие от плёночных фотоаппаратов, современная техника позволяет оцифровать и рассмотреть изделие в разных ракурсах с максимальным увеличением. Таким способом нам удалось определить, что *«лаишевская»* серьга выполнена в технологии ажурной филигрании – аналогичной казанско-татарской. Несмотря на газовые раковины, более свойственные для литья, и коррозию металла, можно увидеть, что каркас серьги был изготовлен из гладкой проволоки, а миниатюрная орнаментация – из проволоки канительной навивки. *«Вятская»* и *«самарская»* серьги для аналогичного анализа не доступны по причине отсутствия оригиналов. Не исключено, например, что *«вятская»* серьга не литая. Скорее всего, её щиток также изготовлен в технике ажурной филигрании, а литыми являются лишь подвески (Рис. 10). То же касается и *«самарской»* серьги. Заметим, что изготовление реплики литьём с ажурной филигрании считается весьма трудоемким и сложным процессом, который под силу лишь литейщикам высочайшего уровня. Гораздо проще изготовить филигранную вещь.

В контексте технологии ажурной филигрании щитки *«вятской»*, *«самарской»* и *«лаишевской»* серёг представляют собой прочную конструкцию, состоящую из внешнего и внутреннего каркасов. Внешний каркас, определяющий силуэт бляхи, – незамкнутой миндалевидной формы. Мотив известен в научной терминологии как *«двусторонний сердцевидный завиток, образованный из двух спиралей»*. Он изготавливается следующим образом: гладкая проволока сгибается посередине, а расходящиеся концы преобразовываются в крупные валутообразные спиральные завитки. В качестве внутреннего каркаса служит центральная ось с петлеобразным завершением для подвески. К ней с двух сторон припаиваются спирали внешнего каркаса, усиливая прочность, а также элементы внутренней орнаментации.

Рис. 1. Татарские миндалевидные филигранные серьги XVIII–XIX вв. РЭМ, НМ РТ

Pic. 1. Tatar almond-shaped filigree earrings of the eighteenth and nineteenth century (Russian Ethnographic Museum, St. Petersburg; National Museum of the Republic of Tatarstan, Kazan)

Рис. 2. Портрет городской татарки середины XIX в. Худ. К.Ф. Гун.

В ушах филигранные
миндалевидные серьги

Pic. 2. Portrait of a mid-nineteenth-century urban Tatar woman with filigree almond-shaped earrings in her ears.
Painter Karl Jacob Wilhelm Huhn

Рис. 3. Миндалевидные серьги сибирских татар. Филигрань (канитель).
Сибирское ханство (?), ТИАМЗ. Фото З.А. Тычинских

Pic. 3. Almond-shaped earrings of the Siberian Tatars. Filigree (gimp). Siberian Khanate (?).
Tobolsk Historical and Architectural Museum-Reserve. Photo by Z.A. Tychinskikh

Рис. 4. Миндалевидные филигранные серьги,
соединенные атласной лентой *сырга бавы*.
Д. Альведино Пестречинского р-на,
Татарстан. Кряшены. Экспедиция 1972 г.
Фото С.В. Сусловой. АОЭ

Pic. 4. Almond-shaped filigree earrings connected by satin ribbon *syrga bavy*. Village Alvedino, Pestrechinsky area, Tatarstan. The Kryasheny. Expedition of 1972. Photo by S.V. Suslova. Archive of the Ethnology Department of the Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences

Рис. 5. Серьги с подбородочной лентой
сырга бавы в комплексе девичьего
головного убора *ак калфак*. Кряшены.
Экспедиция 1968 г. Фото
Ю.Г. Мухаметшина. АОЭ

Pic. 5. Earrings with a chin ribbon *syrga bavy* in girlish headdress *ak kalfak*. The Kryasheny. Expedition of 1968. Photo by Yu.G. Mukhametshin. Archive of the Ethnology Department of the Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences

Рис. 6. Височно-нагрудное украшение *сырга* знатной казанской татарки. Казанское ханство. XVI–XVIII вв. Серебро, позолота, ажурная филигрань (скань), самоцветы. НМ РТ, инв. № 10202

Pic. 6. Temporal-breast adornment *syrga* of the noble Kazan Tatar woman. The Kazan Khanate. 16th–18th century. Silver, gilding, openwork filigree, gems. National Museum of the Republic of Tatarstan, Kazan

Рис. 7. Средневековое височно-нагрудное украшение монголки. Источник: [25]
Pic. 7. Mongolian medieval temporal-breast adornment [25]

Рис. 8. Подвеска серьги. Серебро, янтарь, накладная филигрань (Болгары, Могильник на Бабьем бугре, погребение №40. 1947 г.)
Источник: [6, с. 184, рис. 2-1; 1, с. 152]

Pic. 8. Pendant of an earring. Silver, amber, filigree (Bolghars, Burial ground on the Babij hillock, burial no. 40. 1947) [6, p. 184, pic. 2-1; 1, p. 152]

Рис. 9. Подвеска серьги. Серебро, сердолик, накладная филигрань. Бабий бугор, погребение № 40. Первая половина XIV в.
Источник: [6, с. 185, рис. 3-3]

Pic. 9. Pendant of an earring. Silver, carnelian, filigree. Babij hillock, burial no. 40. The first half of the fourteenth century [6, p. 185, pic. 3-3]

Рис. 10. Миндалевидная серьга. Прикамье.
Находка Н.Г. Первухина. XIX в. Серебро, ажурная
филигрань (?), литье. Источник: [15, табл. X]
Pic. 10. Almond-shaped earring. The Cis-Kama region.
Find by N.G. Pervukhin. 19th century. Silver, openwork
filigree (?), casting [15, tab. X]

Рис. 11. Миндалевидный щиток серьги.
XIV–XVI вв. Ажурная филигрань.
Школьный музей с. Алькино
Похвистневского района Самарской
обл. Экспедиция 1996 г.
Фото С.В. Суловой

Pic. 11. Almond-shaped flap of earring.
14th–16th century. Openwork filigree.
School museum in the village of Alkino in
the Pohvistnevsky district of the Samara
region. Expedition of 1996.
Photo by S.V. Suslova

Рис. 12. Миндалевидный щиток серьги. XIV–XVI вв. Ажурная филигрань (канитель).
Находка Ф.Г. Муртазиной. Музей Лайшевского края им. Г.Р. Державина.
Экспедиция 2018 г. Фото Л.Н. Дониной

Pic. 12. Almond-shaped flap of earring. 14th–16th century. Openwork filigree (gimp).
Find by F.G. Murtazina. G.R. Derzhavin Museum of Laishevsky Krai.
Expedition of 2018. Photo by L.N. Donina

Рис. 13. Фрагмент браслета. Золотая Орда, Крым. XIV в. Золото, накладная филигрань (скань). Государственный Эрмитаж, экспозиция

Pic. 13. Fragment of a bracelet. The Golden Horde, Crimea. The fourteenth century. Gold, filigree. State Hermitage Museum, exposition

Рис. 14. Бляха-пронизка фигурная. Золотая Орда. XIV в. Золото, ажурная филигрань (скань). ГИМ. Источник: [18, кат. 473. с. 313]

Pic. 14. Figured plaque. The Golden Horde. The fourteenth century. Gold, openwork filigree. State Historical Museum, Moscow [18, p. 313]

Рис. 15. Миндалевидный щиток шейно-височного украшения *сырга*. XVI–XVIII вв. Серебро, позолота, самоцветы, бирюза, ажурная филигрань (скань). НМ РТ, инв. №10202

Pic. 15. Almond-shaped flap of the cervico-temporal decoration *syrga*. 16th–18th century. Silver, gilding, gems, turquoise, openwork filigree. National Museum of the Republic of Tatarstan, Kazan

Рис. 16. Фрагмент накосника *чулпы*. XVI–XVIII вв. Серебро, самоцветы, бирюза, филигрань (скань). НМ РТ, инв. № 10262-1a

Pic. 16. Fragment of *chulpa*. 16th–18th century. Silver, gems, turquoise, openwork filigree. National Museum of the Republic of Tatarstan, Kazan

Рис. 17. Серьга. XVIII–XIX вв. Серебро, позолота, зернь, бирюза, ажурная филигрань (канитель). НМ РТ, инв. №18537-1

Pic. 17. An earring. 18th–19th century. Silver, gilding, turquoise, openwork filigree (gimp). National Museum of the Republic of Tatarstan, Kazan

Рис. 18. Серьга. XVIII–XIX вв. Серебро, позолота, стекло, ажурная филигрань (канитель). АОЭ. Источник: <http://mdrussia.ru/topic/62196-starinnye-sergi-5-shtuk-do-171117g-v-2200-msk/> (обращение 01.02.2019)

Pic. 18. An earring. 18th–19th century. Silver, gilding, glass, openwork filigree (gimp). Archive of the Ethnology Department of the Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences. Available at: <http://mdrussia.ru/topic/62196-starinnye-sergi-5-shtuk-do-171117g-v-2200-msk/> (last accessed 01.02.2019)

Рис. 19. Серьги. XVIII–XIX вв. Серебро, позолота, стекло, бирюза, ажурная филигрань (канитель). НМ РТ, инв. №10201-6

Pic. 19. Earrings. 18th–19th century. Silver, gilding, glass, turquoise, openwork filigree (gimp). National Museum of the Republic of Tatarstan, Kazan

Рис. 20. Серьги. XVIII–XIX вв. Серебро, позолота, коралл, бирюза, филигрань (канитель). НМ РТ, инв. №10201-5

Pic. 20. Earrings. 18th–19th century. Silver, gilding, coral, turquoise, openwork filigree (gimp). National Museum of the Republic of Tatarstan, Kazan

Рис. 21. Серьга. XVIII–XIX вв. Серебро, позолота, бирюза, ажурная филигрань (канитель). НМ РТ, инв. №18537-1

Pic. 21. An earring. 18th–19th century. Silver, gilding, turquoise, openwork filigree (gimp). National Museum of the Republic of Tatarstan, Kazan

Рис. 22. Серьги.
XVIII–XIX вв. Серебро,
позолота, бирюза,
ажурная филигрань
(канитель).

НМ РТ, инв. №14-36

Pic. 22. Earrings.
18th–19th century. Silver,
gilding, turquoise,
openwork filigree (gimp).
National Museum of
the Republic of Tatarstan,
Kazan

Рис. 23. Серьги.
XVIII–XIX вв. Серебро,
позолота, бирюза, стекло,
ажурная филигрань
(канитель). НМ РТ,
инв. №14-8

Pic. 23. Earrings.
18th–19th century. Silver,
gilding, turquoise, glass,
openwork filigree (gimp).
National Museum of
the Republic of Tatarstan,
Kazan

Рис. 24. Татарские миндале-
видные серьги в декоре жен-
ского нагрудного украшения
пого. Хакасы. Конец XIX в.

Минусинский
краеведческий музей
им. Н.М. Мартянова
(г. Минусинск)

Pic. 24. Tatar almond-shaped
earrings in the decor of the fe-
male breast jewelry *pogo*.
The Khakassians. The end of
the nineteenth century.
N.M. Martyanov Minusinsk
Museum of Local Lore
(Minusinsk)

Все три артефакта отличаются друг от друга характером миниатюрной орнаментации. Так, в «вятской» серьге основными её элементами являются «кольцо» и «спиральный завиток», в «самарской» и «лаишевской» серьгах – «завиток в один оборот», характерный для золотоордынской филигрании. «Вятская» и «самарская» серьги имеют конструкцию, рассчитанную на тяжеловесные подвески. Для этой цели служит внутренний каркас – стержень с петлеобразным завершением, выходящий за пределы внешнего каркаса (Рис. 10). В «лаишевской» же серьге петлями для подвесок служили «валютообразные завитки», украшающие внешний каркас снаружи. Все перечисленные конструктивные особенности ажурной филигрании нашли преломление в ювелирной традиции изготовления серёг и в Казанском ханстве, и у мастеров XVIII–XIX вв.

Хронологически более поздними являются крупные миндалевидные филигранные украшения, которые также представлены единичными артефактами. Один из них – рассмотренное выше массивное (436 гр.) позолоченное височно-нагрудное украшение из коллекции А.Ф. Лихачёва (Рис. 15). Другое украшение, очевидно, представляет собой створку поясной застежки (Российский этнографический музей, г. Санкт-Петербург). Интересен третий образец вторичного более позднего использования аналогичной бляхи в качестве элемента женского накосника *чулпы*. Изделие, происходит из коллекции, приобретённой от гр. Ананьевой и переданной Центральному музею Музеем Народов Востока в 1920 году (Рис. 16). Техничко-технологический анализ изделий позволяет с большой долей уверенности связать их изготовление с периодом расцвета ювелирного дела в Казанском ханстве и определить время их бытования в костюме казанско-татарской знати XVI–XVIII вв. Это подтверждают и массивные формы этих украшений, больше соответствующие не кочевническим традициям, а монументальным формам средневекового городского костюма. Эти украшения из музейных собраний заметно отличаются от археологических прототипов высочайшим уровнем ювелирного мастерства, эстетическим совершенством пропорций, продуманностью каждого элемента конструкции. Внутренний каркас их миндалевидных блях имеет подтреугольную незамкнутую форму. Он изготовлен из двух проволочных фрагментов и центрального стержня с петлевидным завершением для подвески, выходящим за пределы внешнего каркаса, как в вятской, самарской серьгах. Сложный каркас служит для предотвращения деформации конструкции, а также разбивает внутреннее пространство на зоны для миниатюрной орнаментации, в качестве элементов которой служат *завитки в один оборот* из вальцованной скани. Внешний каркас состоит из трёх вальцованных проволок – гладкой между двух витых. Подобный приём встречается в ряде золотоордынских сканых украшений [18, с. 313, кат. 473, с. 121, кат. 482]. Однако в целом эстетика этой «ханской» филигрании несколько иная, нежели золотоордынская. Она приобрела характерный чёткий ритм рисунка орнаментации и особый характер инкрустации: на центральную ось каркаса с обеих сторон напаивались одинаковые по форме высокие касты с самоцветами. По внешней стороне каркас орнаментировался валютообразными завитками из проволоки в два сложения – гладкой и витой, что позволяло использовать их в ка-

честве петель для подвесок. Некоторые технологические особенности этих «монументальных» украшений не получили дальнейшего развития в более поздней татарской традиции. Так, изменились тип и высота кастов, абсолютно исчезла двухсторонняя инкрустация. Кроме того, скань практически перестала использоваться в казанско-татарской ювелирной традиции. На замену ей пришла канитель.

***Татарские миндалевидные серьги:
ретроспективный анализ технологии и орнамента***

Татарские миндалевидные серьги выполнены в технике ажурной филигрании без основы. Каркас изготовлен из гладкой проволоки прямоугольного сечения, миниатюрная орнаментация – *завитки в один оборот* изготовлены из вальцованной канители. Спиральная навивка позволяет сильно вальцевать проволоку особых пропорций, что и обуславливает специфику казанско-татарской филигрании. У всех у них наружный край бляхи преимущественно украшается валютообразными завитками из вальцованной глади и канители, которые используются в качестве петель для листовидных подвесок.

Ретроспективный анализ осуществлен в сравнении с проведенным выше технологическим анализом артефактов. Ему способствовала систематизация огромного фактического материала, включающего филигранные миндалевидные серьги этнографического периода (XVIII – начало XX вв.). В основу систематизации положены конструктивные особенности основного элемента серьги – филигранной миндалевидной бляхи. По конструкции внешнего каркаса бляхи все серьги делятся на два варианта: В1 – *замкнутой* формы, и В2 – *незамкнутой*.

Серьги В1 с внешним каркасом *замкнутой* формы и внутренним каркасом, состоящим из вписанных друг в друга элементов круглых или миндалевидных очертаний. По особенностям организации декора внутреннего каркаса они делятся на несколько подвариантов:

– с инкрустацией, встроенной в систему каркаса. Декоративный бордюр из гнёзд с бирюзой или самоцветами великолепно решает художественные и технологические задачи. Подобная «обрамляющая» композиция, основанная на сочетании самостоятельных по смыслу элементов, характерна и для других видов татарского декоративно-прикладного искусства. Среди этого материала выделяются серьги из экспозиции Национального музея Республики Татарстан, г. Казань, художественно-технологические характеристики которых позволяют отнести их к середине XVIII в. – периоду наивысшего расцвета ювелирного искусства казанских татар (Рис. 17). Параметры филигрании, система крепежа малой и большой бляхи, технология изготовления подвесок несколько отличает их от других серёг этого подварианта. В центре серьги над вихревой розеткой, выстроенной из коротких завитков филигрании, возвышается розетка из крупной зерни, напаянная на металлическую пластинку. Мотив из зерни, как возможное наследие золотоордынских традиций, впоследствии исчезает из декора татарских серёг;

– с инкрустацией, возвышающейся над каркасом, служащим основанием для напаивания каста. Упрощенные приемы изготовления филигрانی дают основание полагать, что такие серьги изготавливались деревенскими мастерами (Рис. 18);

– с инкрустацией, встроенной в каркас, который представляет собой подвижный элемент конструкции. Миниатюрные и более художественные интерпретации этих серег позволили использовать их в общеевропейских (общенациональных) вариациях городского костюма конца XIX – начала XX вв.

В целом, по силуэту и принципам композиции серьги В1 наиболее близки болгарским серьгам золотоордынского времени с Бабьего бугра.

Серьги В2 с внешним каркасом незамкнутой формы. В этом варианте именно внутренний каркас является силовым элементом и его конструктив напрямую зависит от функционального назначения. На визуальном уровне это проявляется как художественно-образное решение. Выделяются следующие их подварианты:

– с внутренним каркасом подтреугольной незамкнутой формы, аналогичным массивным «ханским» украшениям XVI–XVIII вв. Однако центральная ось каркаса с петлевидным завершением у татарских серег укорачивается; к нему припаиваются спирали внешнего каркаса, а образовавшийся технологический узел служит основанием для припаивания центральной розетки в виде гранёного самоцвета или бирюзы, осыпанных мелкой бирюзой. Гнёзда с бирюзой, украшенные у основания жгутом из скани или канители, напаиваются теперь на внешний каркас по закону центрально-радиальной симметрии. Функцию петель для подвесок теперь выполняют валютообразные завитки, украшающие внешний каркас. Таким образом, незначительное изменение конструктивного узла предопределило новое художественно-образное решение. Со временем эта эстетика прочно утверждается и становится традиционной (Рис. 19). Встречается принцип инкрустации, также характерный для ханских украшений, только вместо крупных самоцветов на лицевую сторону серег чаще напаиваются плоские металлические пластинки с имитацией скани (Рис. 20). По сути серьги этого подварианта аналогичны «ханским» височно-шейным украшениям, только они уменьшились в размерах и выполняли иную функцию. Бытовали и небольшие по размеру серьги с каркасом, аналогичным «лаишевской» серьге (Рис. 21);

– с внутренним каркасом каплевидной формы (Рис. 22). Центральная ось как конструктивный элемент практически исчезает. Трансформация каркаса, вероятно, связана и с унификацией процесса изготовления украшений. Чёткая симметрия форм даёт основание предполагать, что ювелиры начали использовать специальные приспособления (ленивцы). Для инкрустации преимущественно используется бирюза, в том числе и искусственная;

– с внутренним каркасом подобным «вятской» серьге – в форме двух симметричных валютообразных завитков и центрального стержня (Рис. 23). Художественно-образное решение в целом аналогично серьгам варианта В2.

Серьги В2 по технико-технологическим особенностям изготовления ажурной филигрانی подобны археологическим артефактам – «вятской»,

«самарской», «лаишевской» серьгам, а также миндалевидным «ханским» украшениям.

Как видим, традиции джучидской спиральной филигрании в той или иной степени сохранялись на всех этапах формирования этих этноспецифических женских украшений. Самые ранние их прототипы известны в золотоордынских материалах болгарских земель Золотой Орды XIV века, которые по мнению современных исследователей являются самым ранним образцом накладной спиральной филигрании.

Современная макрофотосъемка позволила определить технологию изготовления т.н. «лаишевской» серьги и визуально подобных ей серег – «вятской» и «самарской». Это ажурная филигрань без основы, получившая развитие под влиянием золотоордынских традиций. Принципиальное отличие их от болгарских серег, выполненных в технике накладной филигрании, заключается в иной технологии изготовления. Эти миндалевидные серьги являются наиболее близкими аналогами казанско-татарских. Их можно атрибутировать как позднезолотоордынские и периода Казанского ханства (XV–XVI вв.). Не случайно география находок обозначена пределами территориального и этнического ядра Казанского ханства и казанских татар. Технология изготовления этих серег отражает уникальный процесс интеграции золотоордынских элементов (*завиток в один оборот*) и технологических приёмов (ажурная филигрань без основы) в болгарские ювелирные традиции филигрании. Этот процесс интеграции послужил основой для зарождения и формирования «казанско-татарской» ювелирной школы.

В ханский период и, вероятно, позже бытовали аналогичные миндалевидные филигранные украшения-бляхи, которые являлись частью массивных украшений, сопровождающих костюм средневековой знати. Технотехнологический анализ этих предметов позволил связать их изготовление с периодом расцвета ювелирного дела в Казанском ханстве и определить время их бытования XVI–XVIII вв. Крупные формы украшений больше соответствуют не кочевническим традициям, а монументальным формам городского костюма средневековой элиты. Технологические традиции ювелирного искусства Золотой Орды доминируют и в этих изделиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акчурина З.А., Ефимова А.М., Смирнов А.П., Хованская О.С. Исследование города Болгара // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры. XXVII. М.-Л.: Издательство Академии наук, 1949. С. 149–157.
2. Валеев Ф.Х. Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1975. 215 с.
3. Валеев Ф.Х., Валеева-Сулейманова Г.Ф. Древнее искусство Татарстана. Казань: Татарское книжное издательство, 2002. 103 с.
4. Воробьев Н.И. Казанские татары. Казань: ТАТГОСИЗДАТ, 1953. 383 с.

5. *Ефимова А.М.* Кладбище на окраине посада города Болгара // Города Поволжья в Средние века. М.: Издательство «Наука», 1974. С. 24–28.
6. *Ефимова А.М.* Могильник на Бабьем бугре городища Болгары // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Том. III. Материалы и исследования по археологии СССР. №80. М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. С. 169–193.
7. *Захарова И.В., Ходжаева Р.Д.* Казахская национальная одежда. Алма-Ата: Наука, 1964. 178 с.
8. *Иванов С.В., Махова Е.И.* Художественная обработка металла // Народное декоративно-прикладное искусство киргизов. М.: Наука, 1968. С. 96–122.
9. *Каримова Р.Р.* Элементы убранства и аксессуары костюма кочевников Золотой Орды (типология и социокультурная интерпретация). Казань: Институт истории АН РТ, 2013. 212 с.
10. *Крамаровский М. Г.* К истокам казанской скани // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Международной научной конференции. Казань, 1–3 июля 1999 г. / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер-Лайн, 2000. С. 272–278.
11. *Крыласова Н.Б.* История Прикамского костюма: костюм средневекового населения Пермского Предуралья. Пермь: ПГПУ, 2001. 257 с.
12. *Кузеев Р.Г., Бикбулатов Н.В., Шитова С.Н.* Зауральские башкиры // Археология и этнография Башкирии. Т.1. Уфа: БФАН СССР, 1962. С. 171–268.
13. *Маришак Б.И.* Скани XIII века на Ближнем Востоке // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. XLVII. Л., 1982. С. 63–66.
14. *Михайлова Е.А.* Съёмные украшения народов Сибири // Украшения народов Сибири. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 12–120.
15. *Первухин Н.Г.* Опыт археологического исследования Глазовского уезда Вятской губернии // Материалы по археологии восточных губерний России. Выпуск II. / Под ред. Гр. Уваровой. М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1896. С. 13–121.
16. *Полякова Г.Ф.* О датировке некоторых типов ювелирных изделий из Волжской Болгарии // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Материалы научной конференции. Труды Государственного исторического музея. Вып. №122. М., 2000. С. 232–237.
17. *Смирнов А.П.* Волжские булгары. М.: Издание Государственного исторического музея, 1951. 275 с.
18. Сокровища Золотой Орды. Каталог выставки. СПб.: Славия, 2000. 345 с.
19. *Суслова С.В.* Женские украшения казанских татар середины XIX – начала XX в. Историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 1980. 120 с.
20. *Суслова С.В.* История костюма тюркских народов (этнографическое исследование татарской народной одежды). Астана: Сарыарка, 2011. 286 с.
21. *Суслова С.В., Мухамедова Р.Г.* Народный костюм татар Поволжья и Урала (середина XIX – начало XX вв.). Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань: ФЭН, 2000. 312 с.
22. *Халикова Е.А.* Больше-Тиганский могильник // Советская археология. 1976. №2. С. 158–178.
23. *Халикова Е.А.* Зауральские истоки культуры протогенов // Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху железа. Уфа, 1976. С. 52–53.
24. *Шитова С.Н.* Женская одежда северных башкир // Археология и этнография Башкирии. Т. 1. Уфа: БФАН СССР, 1962. С. 283–302.
25. *Boyer M.* Mongol Jewellery. Nationalmuseets skrifter, Etnografisk Række, V. København, 1952. 223 p.

Сведения об авторах: Лариса Николаевна Дони́на – кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник отдела этнологических исследований Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация). E-mail: lis.art@mail.ru

Светлана Владимировна Су́лова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнологических исследований Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация). E-mail: sv_suslova@mail.ru

Поступила 22.05.2019 Принята к публикации 20.08.2019

Опубликована 29.09.2019

REFERENCES

1. Akchurina Z.A., Efimova A.M., Smirnov A.P., Khovanskaya O.S. Issledovaniye goroda Bolgara [Exploration of the city of Bolghar]. *Kratkiye soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh instituta istorii materialnoy kultury* [Brief Notes on the Reports and Field Studies of the Institute for the History of Material Culture]. XXVII. Moscow–Leningrad: Akademiya nauk Publ, 1949, pp. 149–157. (In Russian)
2. Valeyev F.Kh. *Drevneye i srednevekovoye iskusstvo Srednego Povolzhia* [Ancient and Medieval Art of the Middle Volga Region]. Yoshkar-Ola: Mariyskoye knizhnoye Publ., 1975. 215 p. (In Russian)
3. Valeyev F.Kh. Valeyeva-Suleymanova G.F. *Drevneye iskusstvo Tatarstana* [Ancient Art of Tatarstan]. Kazan: Tatarskoye knizhnoye Publ, 2002. 103 p. (In Russian)
4. Vorobyev N.I. *Kazanskiye tatory* [Kazan Tatars]. Kazan: Tatknigoizdat Publ., 1953. 383 p. (In Russian)
5. Efimova A.M. Kladbishche na okraine posada goroda Bolgara [Cemetery on the outskirts of the city of Bolghar]. *Goroda Povolzhia v Sredniye veka* [Cities of the Volga Region in the Middle Ages]. Moscow: Nauka Publ., 1974, pp. 24–28. (In Russian)
6. Efimova A.M. Mogilnik na Babyem bugre gorodishcha Bulgary [Burial ground on the Babi hillock of the Bulgar settlement]. *Trudy Kuybyshevskoy arkheologicheskoy ekspeditsii* [Works of the Kuibyshev Archaeological Expedition]. Vol. III. Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR. No. 80. Moscow: Akademiya nauk SSSR Publ, 1960, pp. 169–193. (In Russian)
7. Zakharova I.V., Khodzhayeva R.D. *Kazakhskaya natsionalnaya odezhda* [Kazakh National Clothes]. Alma-Ata: Nauka Publ., 1964. 178 p. (In Russian)
8. Ivanov S.V. Makhova E.I. Khudozhestvennaya obrabotka metalla [Artistic metal processing]. *Narodnoye dekorativno-prikladnoye iskusstvo kirgizov* [Folk Arts and Crafts of the Kirghiz]. Moscow: Nauka Publ., 1968, pp. 96–122. (In Russian)
9. Karimova R.R. *Elementy ubranstva i aksessuary kostyuma kochevnikov Zolotoy Ordy* (tipologiya i sotsiokulturnaya interpretatsiya) [Elements of Decoration and Costume Accessories of the Golden Horde Nomads (typology and sociocultural interpretation)]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2013. 212 p. (In Russian)
10. Kramarovskiy M.G. K istokam kazanskoy skani [To the origins of Kazan filigree]. *Srednevekovaya Kazan: vzniknoveniye i razvitiye*. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Medieval Kazan: The Emergence and Development. Proceedings of the Inter-

national Research Conference]. Kazan. 1–3 iyulya 1999 g. Kazan: Master-Layn Publ., 2000, pp. 272–278. (In Russian)

11. Krylasova N.B. *Istoriya Prikamskogo kostyuma: kostyum srednevekovogo naseleniya Permskogo Preduralia* [History of the Cis-Kama Costume: Costume of the Medieval Population of the Perm Cis-Urals]. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University Publ., 2001. 257 p. (In Russian)

12. Kuzeyev R.G., Bikbulatov N.V., Shitova S.N. Zauralskiye bashkiry [The Trans-Ural Bashkirs]. *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii* [Archaeology and Ethnography of Bashkiria]. Vol. 1. Ufa: BFAN SSSR Publ, 1962, pp. 171–268. (In Russian)

13. Marshak B.I. Skan XIII veka na Blizhnem Vostoke [The 13th century cloth in the Middle East]. *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha* [Reports of the State Hermitage]. Vol. XLVII. Leningrad, 1982, pp. 63–66. (In Russian)

14. Mikhaylova E.A. Syemnyye ukrasheniya narodov Sibiri [Removable Jewelry of the Peoples of Siberia]. *Ukrasheniya narodov Sibiri* [Decorations of the Peoples of Siberia]. St. Petersburg: MAE RAN Publ, 2005, pp. 12–120. (In Russian)

15. Pervukhin N.G. Opyt arkheologicheskogo issledovaniya Glazovskogo uyezda Vyatskoy gubernii [The experience of the archaeological research of the Glazov district of the Vyatka province]. *Materialy po arkheologii vostochnykh guberniy Rossii* [Materials on the Archaeology of the Eastern Provinces of Russia]. Vypusk II. Pod red. Gr. Uvarovoy. Moscow: Tipografiya M.G. Volchaninova Publ., 1896, pp. 13–121. (In Russian)

16. Polyakova G.F. O datirovke nekotorykh tipov yuvelirnykh izdeliy iz Volzhskoy Bolgarii [On the dating of some types of jewelry from Volga Bulgaria]. *Nauchnoye nasledie A.P. Smirnova i sovremennyye problemy arkheologii Volgo-Kamii*. Materialy nauchnoy konferentsii. [Scientific Heritage of A.P. Smirnov and Modern Issues of the Volga-Kama Archaeology. Proceedings of the Research Conference]. Trudy gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya. Vol. 122. Moscow, 2000, pp. 232–237. (In Russian)

17. Smirnov A.P. *Volzhskiy bulgary* [The Volga Bulgars]. Moscow: Izdaniye Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya Publ, 1951. 275 p. (In Russian)

18. *Sokrovishcha Zolotoy Ordyy* [Treasures of the Golden Horde]. Katalog vystavki. St.Petersburg: Slaviya Publ., 2000. 345 p. (In Russian)

19. Suslova S.V. *Zhenskiye ukrasheniya kazanskikh tatar serediny XIX – nachala XX v.* Istoriko-etnograficheskoye issledovaniye [Women's Jewelry of the Kazan Tatars of the middle of the 19th – early 20th centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1980. 120 p. (In Russian)

20. Suslova S.V. *Istoriya kostyuma tyurkskikh narodov* (etnograficheskoye issledovaniye tatarskoy narodnoy odezhdy) [The History of the Costume of the Turkic Peoples (ethnographic study of the Tatar folk clothing)]. Astana: Saryarka Publ, 2011. 286 p. (In Russian)

21. Suslova S.V., Mukhamedova R.G. *Narodnyy kostyum tatar Povolzhia i Urala (seredina XIX – nachalo XX vv.)*. Istoriko-etnograficheskiy atlas tatarskogo naroda [Folk Costume of the Tatars of the Volga Region and the Urals (mid 19th – early 20th centuries). Historical and ethnographic atlas of the Tatar people]. Kazan: FEN Publ., 2000. 312 p. (In Russian)

22. Khalikova E.A. Bolshe-Tiganskiy mogilnik. [Bolshe-Tigansky burial ground]. *Sovetskaya arxeologiya* [Soviet Archaeology]. 1976, no. 2, pp. 158–178. (In Russian)

23. Khalikova E.A. Zauralskiye istoki kultury protovengrov [Trans-Ural origins of the Proto-Hungarian culture]. *Etnokulturnyye svyazi naseleniya Urala i Povolzhia s Sibiryu, Sredney Aziyey i Kazakhstanom v epokhu zheleza* [Ethnocultural Relations of the Population of the Urals and the Volga Region with Siberia, Central Asia and Kazakhstan in the Iron Age]. Ufa, 1976, pp. 52–53. (In Russian)

24. Shitova S.N. Zhenskaya odezhda severnykh Bashkir [Women's clothes of the northern Bashkirs]. *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii* [Archaeology and Ethnography of Bashkiria]. Vol. 1. Ufa: BFAN SSSR Publ, 1962, pp. 283–302. (In Russian)

25. Boyer M. *Mongol Jewellery. Nationalmuseets skrifter*. Etnografisk Række. V. København. 1952. 223 p.

About the authors: Larisa N. Donina – Cand. Sci. (Art History), Senior Research Fellow, Department of Ethnological Research, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation). E-mail: lis.art@mail.ru

Svetlana V. Suslova – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Department of Ethnological Research, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation). E-mail: sv_suslova@mail.ru

*Received May 22, 2019 Accepted for publication August 20, 2019
Published September 29, 2019*

УДК 94(57)+94(574)"15/16"

DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-3.485-496

СИБИРСКАЯ ВЕТВЬ ДИНАСТИИ ШИБАНИДОВ В ИССЛЕДОВАНИИ Ш. МАРДЖАНИ

Д.Н. Маслюженко

*Курганский государственный университет
Курган, Российская Федерация
denmas13@yandex.ru*

Цель и материалы исследования: в 1885 году Шихабуддин Марджани написал работу «Мустафад аль-ахбар фи ахваль Казан ва Булгар» («Кладезь сведений о делах Казани и Булгара»). Автор данной статьи, анализируя сюжеты об истории сибирской ветви династии Шибанидов, ставит перед собой задачу выявить основные источники предложенных Ш. Марджани гипотез. В опубликованной на русском языке части работы есть несколько сюжетов, посвященных представителям той ветви династии Шибанидов, которые занимали престол в Тюмени и Сибири. Рассказы о них разбросаны по различным разделам: «Раздел о Тохтамышидах», «Раздел о новом государстве со столицей в Казани», «Раздел о Касимовском ханстве в землях Кирмана», «Раздел о сибирских ханах». Кроме того, некоторая информация имеется в «Разделе о шайбанидских ханах» и «Разделе о Шайбанидах, правивших в Мавераннахре».

Результаты и научная новизна: Сравнение авторских версий с опубликованными в то время в России источниками позволяет говорить о том, что Ш. Марджани мог использовать сочинение Абу-л-Гази «Родословное древо тюрков», «Шейбаниаду» неизвестного автора, изданную в Казани в 1849 г. И. Березиным, «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды В.Тизенгаузена. Том I. Извлечения из сочинений арабских», «Исследования о касимовских царях и царевичах» В.В. Вельяминова-Зернова. С определенной долей вероятности он также мог одним из первых в российской исторической науке использовать сочинение Мухаммада Юсуфа Мунши «Муким-ханская история». В таком случае Ш. Марджани, по всей видимости, был первым российским историком, как использовавшим текст Мунши, так и кратко рассмотревшим историю становления и распада Узбекского ханства Абу-л-Хайра. Для конца XIX века в труде Ш. Марджани, не лишенном определенных фактологических недочетов, была собрана значительная информация по истории Шибанидов, причем в отдельных случаях авторские предположения, например, относительно ханских титулов Али и Ишима, опережали историческую науку своего времени, что ставит вопрос о необходимости дальнейшего поиска источников, использованных этим автором.

Ключевые слова: Сибирское ханство, Шибаниды, Ш. Марджани, Шейбаниада, Абу-л-Гази, Абу-л-Хайр

Для цитирования: Маслюженко Д.Н. Сибирская ветвь династии Шибанидов в исследовании Ш. Марджани // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 3. С. 485–496. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-3.485-496

THE SIBERIAN BRANCH OF THE SHIBANID DYNASTY IN SH. MARJANI'S STUDIES

D.N. Maslyuzhenko

*Kurgan State University
Kurgan, Russian Federation
denmas13@yandex*

Abstract: *Objectives and research materials:* In 1885, Shihabuddin Marjani wrote the work "Mustafa al-Akhbar fi ahwal Kazan va Bulgar" ("The Mine of Information about Events in Kazan and Bulghar"). By analyzing chapters of the history on the Siberian branch of the Shibaniid dynasty, the author of the present article aims to identify the main sources for the hypotheses proposed by S. Marjani. In the part of the work published in Russian, there are several stories related to representatives of the branch of the Shibaniid dynasty who were enthroned in Tyumen and Siberia. Stories about them are scattered in various sections: "Section about the Toqtamishids", "Section about the New State with the Capital in Kazan", "Section about the Kasimov Khanate in the Lands of Kirman", "Section about the Siberian Khans". In addition, some information is available in the "Section about the Sheibaniid Khans" and "Section about the Sheibaniids Who Ruled in Mawarannahr".

Results and novelty of the research: A comparison of Marjani's accounts with the sources published in Russian at that time allows us to suggest that Marjani could have made use of "The Genealogical Tree of the Turks" by Abu-l-Ghazi, the "Sheibaniade" by an unknown author and published in Kazan in 1849 by I. Berezin, the "Collection of Materials Relating to the History of the Golden Horde" by V. Tizengauzen (Volume I. Extracts from Arabic sources), and "Studies of the Kasimov Tsars and Princes" by V.V. Velyaminov-Zernov. With a certain degree of probability, he also could have used the work, "Mukim-Khan's history" by Muhammad Yusuf Munshi. In such a case, Marjani was apparently the first historian in the Russian milieu who used Munshi's text and briefly reviewed the history of the formation and collapse of the Uzbek khanate of Abu al-Khair. Although suffering from certain factual flaws, the work of Marjani contained important information on the history of the Shibaniids. Moreover, in some cases, the author's assumptions were ahead of the historical scholarship of his time; for example, regarding the khan's titles of Ali and Ishim. This observation indicates the need for further research into the sources used by this author.

Keywords: Siberian khanate, Shibaniids, Sh. Marjani, Sheibaniade, Abu-l-Ghazi, Abu al-Khair

For citation: Maslyuzhenko D.N. The Siberian Branch of the Shibaniid Dynasty in Sh. Marjani's Studies. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 3, pp. 485–496. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-3.485-496

В 1885 году Шихабуддин Марджани написал работу «Мустафад аль-ахбар фи ахваль Казан ва Булгар» («Кладезь сведений о делах Казани и Булгара»). В 2005 году этот труд под названием «Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара» был опубликован в издательстве «Иман» в Казани. В 2009 году И.М. Миргалеев подверг этот перевод основательной и вполне обоснованной критике, однако отметил: «...здесь речь идет о труде основоположника татарской национальной истории. И его работа будет цитироваться именно (что мы сегодня и наблюдаем) как первый фундаментальный труд по татарской истории и именно по этому изданию, так как она издана на русском языке» [11, с. 241].

В опубликованной части работы есть несколько сюжетов, посвященных представителям той ветви династии Шибанидов, которые занимали престол в Тюмени и Сибири. Рассказы о них разбросаны по различным разделам: «Раздел о Тохтамышидах», «Раздел о новом государстве со столицей в Казани», «Раздел о Касимовском ханстве в землях Кирмана», «Раздел о сибирских ханах». Кроме того, некоторая информация имеется в «Разделе о шайбанидских ханах» и «Разделе о Шайбанидах, правивших в Мавераннахре».

Несмотря на работу именно с русским переводом текста Ш. Марджани и с учетом высказанной выше критики, нам представляется возможным выявить источники информации этого историка по интересующей нас династии. В отдельных случаях мы также постараемся определить ее достоверность с позиций современной исторической науки. Отчасти подобная работа уже была проведена З.А. Тычинских [18, с. 153–159]. Для удобства работы мы вынуждены будем разбить имеющуюся в тексте Ш. Марджани информацию на несколько смысловых фрагментов, которые не всегда совпадают с авторскими разделами.

1. Информация о происхождении Шибанидов автором была взята из сочинения хивинского хана Абу-л-Гази «Родословное древо тюрков», скорее всего, по переводу Г.С. Саблукова, изданному в рамках III тома «Библиотеки восточных историков» И.Н. Березина (Казань, 1854 г.). Предпочтение именно этому переводу могло быть отдано по причине того, что в 1867 г. Оренбургское МДС назначило Ш. Марджани на должность ахуна и мухтасиба Казани, с этим городом он будет связан до конца жизни. Ко времени написания книги он был знаком с учёными-востоковедами Казанского университета, в частности профессором И.Ф. Готвальдом и академиком В.В. Радловым. Кроме того, с помощью своего ученика Х. Фаизханова, который переедет из Казани в Петербург, будет установлено сотрудничество с петербургскими востоковедами, в том числе В.В. Вельяминовым-Зерновым [21]. По всей видимости, эти исследователи, как и, возможно, некоторые другие историки и востоковеды, оказывали содействие Ш. Марджани в написании его труда и подборе некоторых источников.

К сожалению, в силу отсутствия у автора данной статьи именно издания 1854 г., мы вынуждены проставлять ссылки по переизданию 1996 года. В интерпретации Ш. Марджани в «Разделе о Шайбанидских ханах» идет речь о назначении Батыем (Бату) Шайбана (Шибана) наместником над некоторыми племенами¹. При этом «летом он должен был жить в районе Уральских гор, а зимой откочевывать к Амударье в Каракумы» [7, с. 130]. Интересно, что, когда Шибаниды пришли к власти в бывших владениях Тимуридов, то «эти ханы обычно лето проводили на севере, а зиму в Мавераннахре» [7, с. 132], хотя, к сожалению, не ясно, что в данном случае имеется в виду под севером. Лишь в разделе о сибирских ханах автор уточняет, что Шибан был пятым сыном Джучи, «он управлял Сибирью, его ставка называлась Сибирь, другое название этого города было Искер» [7, с. 130]. Кстати, обратим внимание на то, что этот же момент из книги Ш. Марджани у Х. Атласи переведен совсем по-другому: «Пятый сын Джучи хана Шайбан хан жил в двенадцати километрах от Тобола, в стольном городе детей своих – Сибири, последним названием которого был

¹ Здесь и далее при первом упоминании имени или в цитате мы будем придерживаться написания по переводу труда Ш. Марджани, а в скобках указывать принятое в современной исторической науке написание, которое будем применять и в дальнейшем.

Искер» [3, с. 44]. Эти различия еще раз ставят вопрос об адекватности публикации 2005 года, а также о возможном авторстве некоторых ошибок не столько самого Ш. Марджани, сколько именно переводчика.

Как известно, наиболее полное описание владений Шибана было сделано еще в середине XVII века его далеким потомком ханом Абу-л-Гази [1, с. 104]. Именно пересказ этого фрагмента лег в основу соответствующей части текста Ш. Марджани. При этом имеется несколько довольно существенных различий. Прежде всего, в источнике говорится не об Амударье, а о Сырдарье. В анализируемом тексте явно смещены границы владений Шибана далеко к югу. Кстати, ни в этом источнике, ни в других известных нам не указывается на то, что Шибан правил Сибирью, или о расположении именно его ставки в Сибири (Искере). В данном случае автор явно прибегает к ретроспективному подходу, говоря о длительности пребывания потомков Шибана на сибирском престоле. При этом следует учитывать, что в письменных источниках не всегда можно отличить Сибирь как наименование города или местности [подробнее см.: 17, с. 156]. Данные археологии, например, находки зеркал золотоордынского времени, свидетельствуют как о существовании крепости на месте Искера с XIV века, так и о ее связи с Золотой Ордой [2, с. 54–56, рис. 26–4]. Однако на данный момент ни в одном источнике не говорится о правлении именно Шибана и его потомков в самом Искере, по крайней мере, до начала XVI века, когда титул «сибирского царя» фиксируется у сына Ибрахима Кутлука, или даже до прихода к власти в Искере сыновей его брата Муртазы Ахмад-Гирея и Кучума [9, с. 457–468].

Таким образом, в работе Ш. Марджани оказались значительно расширены как южные, так и северные границы владений Шибана и его потомков, что не находит подтверждения в источниках. Кроме того, в использованном им тексте Абу-л-Гази не говорится и о том, что Шибан был именно наместником: это, скорее всего, авторская интерпретация, вполне допустимая в условиях довольно ограниченных знаний в 1880-е гг. о структуре управления Улуса Джучи и весьма интересно сочетающаяся с современными представлениями о административной структуре Монгольской империи и Улуса Джучи.

2. По мнению Ш. Марджани, пост наместника передавался среди потомков Шибана из поколения в поколение, пока во главе «государства» не оказались сыновья Фулада (Пулада) ханы Гараб (Араб) и Ибрахим. Они поделили наследство пополам, в результате потомки Араба стали править в Хорезме, а Ибрахима – Мавераннахром. При этом в дальнейшем они стали враждовать. В целом автор придерживается и перечисления основных наследников Шибана: Бахадир (пропущенный по неизвестной причине в одной из двух генеалогий [7, с. 130]), «Джучибука, Бадакул, Менгитимур, Фулад, Гараб, Хаджи Тули, Тимур шейх, Ядкар, Амнак, Абуляк, Илбарс ибн Берке ибн Ядкар». В результате указанной выше вражды Ибрахиму наследовал Давлат шейх, а затем Абулхайр [7, с. 130–131]. По сути, рассказ о Шибанидах периода Улуса Джучи ограничивается этой информацией, если не считать отдельных упоминаний об их деятельности в период Замятни [7, с. 96], анализ которых не входит в задачу нашей статьи. Интересно то, что для Ш. Марджани большинство Шибанидов до Хаджи-Мухаммада б. Али б. Бекконди были «ханами Булгара и Золотой Орды» [7,

с. 125], что не подтверждается какими-либо указаниями на их реальное правление там, не считая уже указанного периода Замятни.

Как и в предшествующем случае, перечисление потомков Шибана находит прямые аналогии именно в сочинении Абу-л-Гази [1, с. 106–118]. Именно у этого автора говорится о разделении владений Шибанидов на две части при потомках Пулада. Однако у Абу-л-Гази имена этих двух сыновей – Араб-шах и Даулат-Шейх-оглан [1, с. 105]. Ш. Марджани на основании т.н. «Шейбаниады» неизвестного автора, изданной в Казани в 1849 г. И. Березиным, абсолютно верно понял, что старшим из братьев был Ибрахим, чьим сыном был Даулат-Шейх [20, с. XLIX]. В целом, предлагаемая генеалогия династии хорошо согласуется с иными источниками по этому вопросу [8, с. 42–53]. Авторское замечание о Шибанидах как ханах Булгара и Золотой Орды хорошо вписывается в дальнейшие исследования историков как по периоду Великой Замятни, так и особенно по претензиям этих династов на казанский (булгарский) престол [например: 6, с. 128–145].

3. В 854 (1450 г.) Абу-л-Хайр убил «Махмуд ходжу ибн Каган бека ибн Албака ибн Менгутимура», после чего стал единовластным правителем Дешт-и Кипчака, а «границы его владений доходили до Булгарии». В своей характеристике этого хана Ш. Марджани не только указывает на его отвагу, но и на то, что «он уничтожил многих Джучитских царевичей, многие боялись этого правителя». Отдельно он остановился на том, что еще в 20 лет он захватил Хорезм и изгнал его правителя, а в 1454 г. убил правителя Самарканда Улугбека, его брата Абдуллу б. Ибрахима и женился на его жене. Наместником этого хана в Самарканде стал Султан Абу Саид. В 1469 г. (873) в возрасте 70 лет хан скончался, а престол занял его сын Хайдар [7, с. 131].

Обратим внимание на интересное расхождение в тексте Ш. Марджани, которое в равной степени имеется как в издании 2005 года [7, с. 97], так и в новом переводе, подготовленном И.М. Миргалеевым и Р.Р. Абызовой. В «Разделе о правителях Джучиева улуса из числа Шейбанидов и других» указывается, что «Каганбек хан, его сын Махмут Ходжа хан, а также Абу-л-Хайр хан являются ханами Дешт-и Кыпчака... Каганбек хан и его сын Абу-л-Хайр хан были правителями Белой Орды» [13, с. 192]. При этом абсолютно не ясно, в связи с чем возникла путаница и ошибка в генеалогии, ведь в иных фрагментах Каганбеку и Абу-л-Хайру не приписывалось столь близкое родство, тем более делающее двух противников узбекских ханов Махмуд-Ходжу и Абу-л-Хайра родными братьями.

В целом в реконструкции событий правления Абу-л-Хайра Ш. Марджани мог опираться лишь на текст той же «Шейбаниады» и на вышедший в 1884 г. «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Том I. Извлечения из сочинений арабских» В.Г. Тизенгаузена. Именно в последнем в извлечениях из сочинения ал-Дженнаби имеется рассказ об убийстве Абу-л-Хайром Махмуд-Ходжа-хана, а также дальнейших походах на Самарканд и договоре с Абу-Саидом [16, с. 537–538]. Из-за неверной интерпретации этого текста, восприняв последовательность рассказа именно с хронологической позиции, автор датировал убийство Махмуд-Ходжи 1450 годом. Кроме того, не совсем верно было понято родство Тимуридов, ведь у ал-Дженнаби речь идет о том, что был убит правитель Самарканда мирза Абдаллах (кстати, его отец не указан), чьей женой была дочь мирзы Улугбека. К сожалению, в данном случае следует при-

знать, что нам не ясно то, было ли это ошибкой именно Ш. Марджани или же переводчика, готовившего текст к изданию в 2005 году.

Однако некоторые моменты в истории Абу-л-Хайра (например, указание на захват Хорезма в 20 лет, указание на границы владений до Булгара и смерть в 70 лет) не встречаются в уже выявленных нами источниках, использованных при работе Ш. Марджани. Если указание на смерть в 70 лет является явной ошибкой автора (Абу-л-Хайр жил между 1413–1469 гг.), то остальные сообщения имеются только в сочинении Мухаммада Юсуфа Мунши «Муким-ханская история». Как известно, его получил в подарок от самого эмира Бухары Хайдара (1800–1826 гг.) русский посол А.Ф. Негри в 1820–1821 гг., после чего привез рукопись в Петербург. В 1824 г. по инициативе известного востоковеда профессора Петербургского университета О.И. Сенковского часть материалов «Та'рихи Муким-хани» в объеме 24 стр. с подробным комментарием (132 стр.) на французском языке была опубликована как учебное пособие для студентов [14, с. 6, 48]. В исторической литературе информация этого источника относительно Абу-л-Хайра впервые была использована в опубликованном в Лондоне в 1880 году исследовании Генри Ховор-та [22, р. 686–690].

Далее автор указывает, что Хайдар «правил не долго», поскольку «потомки Бурак хана ибн Куюрчика при поддержке Абьяк хана, Ахмад хана и Султана ибн Ядкара уничтожили государство, построенное Абулхайром» [7, с. 131]. Кроме того, описывается ситуация после разгрома Хайдара, в ходе которой «узбекские эмиры Карачин», Шайбани и Махмудсултан были вынуждены искать защиты у Касим хана в Астрахани, которая была осаждена «огромным войском» Ахмада и Айбака [7, с. 133]. Наиболее очевидным источником этой информации, несмотря на некоторые генеалогические расхождения, была та же Шейбаниада [20, с. XV–XVI]. История борьбы против потомков Абу-л-Хайра, в которой приняли участие представители иных линий Шибанидов, хан Большой Орды Ахмад и представители Ногайской Орды, хорошо изучена в современной исторической науке.

В целом стоит отметить, что Ш. Марджани, по всей видимости, был первым российским историком, как использовавшим текст Мунши, так и кратко рассмотревшим историю становления и распада Узбекского ханства Абу-л-Хайра, а также борьбу других династий против его потомков.

4. Ш. Марджани рассматривал власть сибирских ханов, как передающуюся по наследству по одной линии Шибанидов: «начиная от Хаджимухаммада до Кучума, все были сибирскими ханами» [7, с. 125]. По его мнению, первым сибирским ханом был «Хаджимухаммад ибн Гали ибн Биккунди углан ибн Менгитимур ибн Бадакул ибн Джучибука бин Шайбан». После него сибирскими ханами были «его сын Махмутек. Далее Ибрахим (известный как Абак), Тулык ходжа, Шамай, Узар, Бахадир, Муртаза ибн Ибрахим, а последним был Кучум» [7, с. 130].

В целом, генеалогия этой части династии Шибанидов, как и указание на занятие ими сибирского престола, явно повторяет соответствующую часть сочинения Абу-л-Гази [1, с. 102]. Происхождение первого сибирского хана описывается у Ш. Марджани еще в одном месте, где в качестве его предка указывается Куюрджин ибн Рус [7, с. 125]. Выше на этой же странице Ку-

юрджик является предком Барака. Абсолютно не ясно, с чем была связана эта очевидная путаница в генеалогии.

Хаджи-Мухаммад, Махмудек, Ибрахим (Ибак) в кратком описании Ш. Марджани вполне узнаваемы как представители той ветви Шибанидов, которая произошла от Бекконди-оглана б. Минг-Тимура. Именно они будут занимать тюменский, а позднее и сибирский престол [8, с. 48–50]. Тулык-ходжа у Абу-л-Гази и Ш. Марджани, скорее всего, является сыном Ибрахима Кутлуком, который первым из Шибанидов занял сибирский престол и при котором представители династии покинули свои северные владения, уйдя к Ногаям или в Бухару.

Проблема заключается в том, что трех Шибанидов (Шамай, Узар и Бахадир) из этой генеалогии невозможно идентифицировать, эти имена указаны только у Абу-л-Гази, откуда перешли в труд Ш. Марджани и отчасти Х. Атласи. При этом еще последний из указанных историков поднимал вопрос о том, чьим сыном был Муртаза, отец Кучума [разбор этого сюжета также сделан: 18, с. 156–157]. Абу-л-Гази считал, что он был сыном Махмудек-хана [1, с. 102], то есть братом Ибрахима. Этой же версии придерживался и Х. Атласи. Однако, во-первых, это неправдоподобно с исторической точки зрения, поскольку уже к 1469 г. Махмудек был мертв [10, с. 57, 99], а деятельность Муртазы приходится на 1540–1560-е годы. Во-вторых, на данный момент, помимо известной грамоты Федора Ивановича Кучуму, в которой указывается, что Ибрахим был дедом сибирского хана [5, с. 11–13], аналогичная информация имеется и в сообщении Продолжателя Утемиша-Хаджи [12, с. 65]. Таким образом, Ш. Марджани был прав относительно родства Муртазы и Ибрахима, хотя и остается не ясным источник этого предположения.

5. Наиболее часто в сочинении Ш. Марджани упоминается Абьяк (тюменский хан Ибак, Ибрахим), что вполне справедливо с учетом роли этого хана в событиях последней четверти XV века. Помимо истории с наследниками Абу-л-Хайра, он также встречается в разделе о Тохтамышиде. В рассказе об Саид Ахмаде б. Ахмаде указывается на недолгое правление последнего, поскольку «из-за семейных распрей по поводу престола он не смог долго оставаться на этом посту и предположительно был убит во время нападения сибирского хана Апакхана ибн Махмудхана в 889 (1484 г.)» [7, с. 100]. По всей видимости, эта фраза основывалась на известном нападении тюменского хана Ибрахима и его ногайских союзников на ставку хана Большой Орды Ахмада в январе 1481 года, которое было хорошо известно русским историкам, например Н.М. Карамзину. Однако в издании 2005 года указана иная дата этого события, Ахмад был заменен сыном, остается не ясным источник информации о семейных распрях. Здесь вновь надо обратить внимание на то, как этот фрагмент был переведен в 2018 году: «Правление Саэт Ахмата, который пришел к власти после отца Ахмата, было тревожным из-за распрей между его братьями. Ахмат хан был убит сибирским ханом Ибаком бин Махмудханом в 889 году» [13, с. 195]. Как мы видим, в данном переводе большинства ошибок не обнаруживается, кроме года убийства Ахмада. Это еще раз ставит вопрос о необходимости крайне осторожного обращения русскоязычных историков с текстом Ш. Марджани по изданию 2005 года.

Однажды в анализируемой работе упоминается «Мамык хан» (Мамук), который сел на казанский престол и «был ставленником Ногайской Орды» [7,

с. 111]. Справедливости ради отметим, что Ш. Марджани, видимо, или не знал о родстве Ибрахима и Мамука, или, по крайней мере, не упоминал об этом. При этом еще профессор Казанского университета К.С. Фукс в своей работе «Краткая история города Казани» в 1822 г. писал о Мамуке как хане сибирском и его связях с казанцами [19]. Стоит отметить, что в отдельных документах действительно прослеживается связь Мамука с ногаями [15, с. 106–107].

6. Историю падения Сибирского ханства в изложении Ш. Марджани необходимо анализировать буквально по предложениям. «В 1595 г. (1003) на Сибирское ханство напал Ермак Тимофеевич, которому удалось захватить его. Хан Кучум был вынужден бежать к башкирам, где и умер» [7, с. 130]. Большая часть информации повторяет сведения Абу-л-Гази, который, однако, пишет о бегстве Кучума к мангытам [1, с. 102]. Именно последняя версия поддерживается в современной историографии [17, с. 65–66], а предположение Ш. Марджани о бегстве к башкирам практически не находит подтверждения.

«В 1009 (1602 г.) сибирские татары подняли восстание и поставили ханом Угу, после него на престол возшел Гали хан, однако ему не удалось завладеть столицей государства, после него ханом стал его брат Ишим хан, он был последним сибирским ханом, известно, что в 1017 г. (1608 г.) он был еще жив» [7, с. 130].

Хан по имени Уг неизвестен в источниках или иных исследованиях по истории Сибирского ханства. В отличие от него, Гали и Ишим – это сыновья хана Кучума, которые действительно были сибирскими ханами. Первый – примерно между 1600–1608 гг., то есть смертью Кучума и попаданием в русский плен, при этом в русских летописях указывается и на занятие им Искера, пусть и на небольшой период времени. Второй мог стать сибирским ханом после пленения брата [17, с. 73–78, 89]. Обратим внимание, что на момент написания анализируемой работы Ш. Марджани был единственным российским историком, который признавал ханские титулы за двумя сыновьями Кучума, что ставит вопрос об источнике этой информации. Возникает резонный вопрос: могла ли она быть связана с пребыванием автора в Бухаре?

6. С позиций генеалогии история Сибирского ханства частично смыкается с историей Касимовского ханства, где двенадцатым ханом был «Арсланали ибн Гали ибн Кучум ибн Муртазаали ибн Абак», который занял престол в 1614 (1023) г. и умер в 1626 (1036) г. После него правил «Саидбурхан ибн Арсланали» (с 1619 по 1678 гг.), а последним правителем Касимовского ханства «из числа татар и мусульман» была «жена Арсланали и мать Саидбурхана» «Фатымасултан, дочь Акмухаммад саида ибн Буляксаида Шахкола» [7, с. 125]. Здесь основные идеи автора явно пересекаются с изданной в 1866 году третьей частью «Исследования о касимовских царях и царевичах» В.В. Вельяминова-Зернова, хотя между ними имеются некоторые расхождения в нумерации ханов (например, в работе этого историка Арслан был тринадцатым ханом [4, с. 1]), датах начала и конца правления. Однако это требует и более углубленного анализа литературы по истории Касимовского ханства, и работы именно с оригиналом книги Ш. Марджани, что выходит за пределы компетенции автора данной статьи.

Таким образом, сведения Ш. Марджани о сибирских ханах из династии Шибанидов позволяют воссоздать те источники, которые он использовал при

работе над своей книгой «Мустафад аль-ахбар фи ахваль Казан ва Булгар» («Кладезь сведений о делах Казани и Булгара»). Среди них на первом месте однозначно были сочинение Абу-л-Гази «Родословное древо тюрков», «Шейбаниада», изданная в Казани в 1849 г. И. Березиным, «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Том I. Извлечения из сочинений арабских» В.Г. Тизенгаузена. Скорее всего, автор был хорошо знаком с «Исследованием о касимовских царях и царевичах» В.В. Вельяминова-Зернова. Ш. Марджани был одним из первых российских востоковедов, использовавших сочинение Мухаммада Юсуфа Мунши «Муким-ханская история». Для конца XIX века в труде Ш. Марджани, при некоторых фактологических недостатках, была собрана значительная информация по истории Шибанидов, в частности Ш. Марджани был одним из первых исследователей биографии узбекского хана Абу-л-Хайра. В отдельных случаях авторские предположения, например, относительно ханских титулов у сыновей сибирского хана Кучума Али и Ишима, явно опережали историческую науку своего времени. В тоже время выявленные ошибки и противоречия в различных переводах заставляют с большой долей осторожности использовать русскоязычное издание 2005 года этого сочинения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абуль-Гази-Бахадур-хан*. Родословное древо тюрков / Пер. и предисл. Г.С. Саблукова // *Абуль-Гази-Бахадур-хан*. Родословное древо тюрков. Иоакимф. История первых четырех ханов дома Чингисова. Лэн-Пуль Стэнли. Мусульманские династии. М.; Ташкент; Баку, 1996. С. 3–186.
2. *Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г.* Город Тобольск. Археологический очерк. Тобольск, 2008. 114 с.
3. *Атласи Х.М.* История Сибири. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. 96 с.
4. *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1866. Ч. 3. 502 с.
5. Грамота царя Федора Иоанновича к сибирскому царю Кучуму о прекращении его преследования и о позволении ему приехать в Россию для получения замены за потерянное Сибирское царство (1597 г. мая 20) // *Тобольский хронограф*. Вып. 2. Екатеринбург: Элтра, Культура, 1998. С. 11–13.
6. *Исхаков Д.М., Тычинских З.А.* О шибанидском «следе» в Булгарском вилайете Улуса Джучи // *Золотоордынское обозрение*. 2013. № 2. С. 128–145.
7. *Марджани Ш.* Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара. Ч. 1. Казань: Иман, 2005. 199 с.
8. *Маслюженко Д.Н.* О механизмах и принципах наследования ханской власти среди Шибанидов // *Вопросы истории и археологии Западного Казахстана*. 2011. № 1. С. 43–52.
9. *Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А.* Шибаниды и Тайбугиды в 1563 года: значение в истории и историографии Сибирского ханства // XIII Фаизхановские чтения. Наследие Золотой Орды в государственности и культурных традициях народов Евразии: материалы международной научно-практической конференции. М.: ООО «Издательский дом «Медина», 2017. С. 457–468.
10. Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Сост. С.К. Ибрагимов и др. Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1969. 652 с.

11. *Миргалеев И.М.* К вопросу о достоверности перевода на русский язык книги Ш.Марджани «Мустафад ал-ахбар» (Марджани Шихабутдин. Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара (Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар). Часть I. Казань: ФЭН, 2005. 255 с. Со старотатарского языка перевел Р.К. Адыгамов, редактор издания – Валиула Хазрат Ягъкуб) // Золотоордынская цивилизация. Вып. 2. Казань, 2009. С. 239–241.
12. *Миргалеев И.М.* Сообщение Продолжателя «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи о поздних Шибанидах // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы II Всероссийской научной конференции. Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2014. С. 64–66.
13. *Миргалеев И.М., Абызова Р.Р.* Шихабетдин Марджани о Золотой Орде // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 1. С. 181–198. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.181-198
14. Мунши Мухаммед Юсуф Муким-ханская история / перевод и прим. А.А.Семенова. Ташкент: Изд-во АН УзССР «Фан», 1956. 303 с.
15. *Парунин А.В.* Походы Сибирских Шибанидов на Казань в конце XV в. // Вопросы истории и археологии средневековых кочевников и Золотой Орды: сборник научных статей, посвященных памяти В.П.Костюкова / Д.В. Марыксин, Д.В. Васильев [отв. ред. и сост.]. Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2011. С.102–109.
16. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, В.Г. Тизенгаузена. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. 555 с.
17. *Трепавлов В.В., Беляков А.В.* Сибирские царевицы в истории России. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2018. 496 с.
18. *Тычинских З.А.* Некоторые страницы ранней истории сибирских татар в трудах татарских историков Ш.Марджани и Х.Атласи // Шигабутдин Марджани: Наследие и современность. Сборник статей. Казань: Алма-Лит, 2008. С. 153–159.
19. *Фукс К.Ф.* Краткая история города Казани. Электронный ресурс. Адрес доступа: <http://сувары.рф/ru/content/kratkaya-istoriya-goroda-kazani> (дата обращения 18.07.2018).
20. Шейбаниада. История монголо-тюрков, изданная И.Березиным. Казань: Университетская типография, 1849. 342 с.
21. Шихабутдин Марджани (1818–1889) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.islamrf.org/marjani> (дата обращения: 18.07.2018).
22. *Howorth H.H.* History of the Mongols from the 9th to the 19th Century. Part II: The So-Called Tartars of Russia and Central Asia, Division II. London: Longmans, Green, and Co., 1880. 478 p.

Сведения об авторе: Денис Николаевич Маслюженко – кандидат исторических наук, доцент, директор гуманитарного института, Курганский государственный университет (640020, ул. Советская, 63, корп. 4, Курган, Российская Федерация); ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8302-1277>, ResearcherID: J-9551-2017. E-mail: denmas13@yandex.ru

*Поступила 07.07.2019 Принята к публикации 29.08.2019
Опубликована 29.09.2019*

REFERENCES

1. Abul'-Gazi-Bakhadur-khan. Rodoslovnnoe drevo tyurkov [The genealogical tree of the Turks]. In *Abul'-Gazi-Bakhadur-khan. Rodoslovnnoe drevo tyurkov. Ioakinf. Istoriya pervykh chetyrekh khanov doma Chingisova. Len-Pul' Stenli. Musul'manskie dinastii* [The Genealogical Tree of the Turks. Father Ioakinf. The History of the First Four Khans of the Chinggis' House. Lane-Poole, Stanley. The Mohammadan Dynasties]. Moscow: Tashkent, Baku, 1996, pp. 3–186. (In Russian).
2. Adamov A.A., Balyunov I.V., Danilov P.G. *Gorod Tobol'sk. Arkheologicheskiy ocherk* [The City of Tobolsk. Archaeological sketch]. Tobolsk, 2008. 114 p. (In Russian).
3. Atlasi H. *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Kazan: Tatar book Publ., 2005. 96 p. (In Russian).
4. Vel'yaminov-Zernov V.V. *Issledovanie o kasimovski tsaryakh i tsarevichakh* [Study of the Kasimov Tsars and Princes]. St. Petersburg: Typography of Imperial Academy of Sciences, 1866. 502 p. (In Russian).
5. Gramota tsarya Fedora Ioannovicha k sibirskomu tsaryu Kuchumu o prekrashchenii ego presledovaniya i o pozvolenii emu priyekhat' v Rossiyu dlya polucheniya zameny za poteryannoye Sibirskoye tsarstvo (1597 g. maya 20) [The letter of Tsar Fyodor Ivanovich to the Siberian Tsar Kuchum about the termination of his prosecution and about permission to arrive to Russia for receiving replacement for the lost Siberian Tsardom (May 20, 1597)]. *Tobol'skiy khronograf* [The Tobolsk Chronograph]. Ekaterinburg: Altra, Culture, 1998, is. 2. pp. 11–13. (In Russian).
6. Iskhakov D.M., Tychinskikh Z.A. O shibanidskom «slede» v Bulgarskom vilayyate Ulusa Dzhuchi [On the Shibanid “trace” in the Bulgar vilayet of the ulus of Jochi]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2013, no. 2, pp. 128–145. (In Russian)
7. Marjani Sh. *Iz vlechenie vestey o sostoyanii Kazani i Bulgara Mustafad al-akhbar fi akhvali Kazan va Bulgar* [Fetching News about the Status of Kazan and Bulgar]. Kazan, Iman, 2005, part 1. 255 p. (In Russian)
8. Maslyuzhenko D.N. O mekhanizmax i printsipakh nasledovaniya khanskoy vlasti sredi Shibanidov [About mechanisms and principles of inheritance of the Khan's power among the Shibanids]. *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana* [Question of History and Archaeology of Western Kazakhstan]. 2011, no. 1, pp 43–52. (In Russian)
9. Maslyuzhenko D.N., Ryabinina E.A. Shibanidy i Taybugidy v 1563 goda: znachenie v istorii i istoriografii Sibirskogo khanstva [The Shibanids and Taybugids in 1563: the value in the history and historiography of the Siberian khanate]. *XIII Faizkhanovskiye chteniya. Naslediye Zolotoy Ordyy v gosudarstvennosti i kul'turnykh traditsiyakh narodov Evrazii: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [The XIII Faizkhanov Readings. The Heritage of the Golden Horde in the Statehood and Cultural Traditions of the Peoples of Eurasia: Proceedings of the International Research Conference.]. Moscow: Medina, 2017, pp. 457–468. (In Russian).
10. *Materialy po istorii kazakhskikh khanstv XV–XVIII vekov (iz vlecheniya iz persidskikh i tyurkskikh sochineniy)* [Materials on the History of the Kazakh Khanates in the 15th–18th centuries (extracts from the Persian and Turkic writings)]. Suleymenov B. [otv. red.]. Alma-Ata: Nauka Publ., 1969. 655 p. (In Russian).
11. Mirgaleyev I.M. K voprosu o dostovernosti perevoda na russkiy yazyk knigi SH.Mardzhani «Mustafad al-akhbar» (Mardzhani Shikhabutdin. Iz vlecheniye vestey o sostoyanii Kazani i Bulgara (Mustafad al-akhbar fi akhvali Kazan va Bulgar). Chast' I. – Kazan: FEN, 2005. 255 s. So starotatarskogo yazyka perevel R.K. Adygamov, redaktor izdaniya – Valiula Khazrat Yagkub) [On the issue of correctness of the translation of Sh.Marjani's book “Mustefadul-ahbar”]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya =Golden Horde civilization*. Kazan, 2009, Is. 2, pp. 239–241. (In Russian).
12. Mirgaleev I.M. Soobshchenie Prodolzhatel'ya «Chingiz-name» Utemisha-khadzhi o pozdnikh Shibanidah [Information of the Continuator of the “Chingiz-nama” of Ötemish

Haji on the later Shibanids]. *Istoriya, ekonomika i kul'tura srednevekovykh tyurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoy Sibiri. Materialy II Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* [History, Economics and Culture of Medieval Turko-Tatar States in Western Siberia. Proceedings of the II Russian Research Conference]. Kurgan: Kurgan State University Publ., 2014, pp. 64–66 (In Russian).

13. Mirgaleev I.M., Abyzova R.R. Shikhabetdin Mardzhani o Zolotoy Orde [Shigabutdin Marjani on the Golden Horde]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 1, pp. 181–198. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.181-198. (In Russian).

14. Munshi Mukhammed Yusuf. *Mukim-khanskaya istoriya* [Mukim-Khan's Story]. Tashkent, 1956. 300 p. (In Russian).

15. Parunin A.V. Pokhody Sibirskikh Shibanidov na Kazan' v kontse XV v. [Campaigns of the Siberian Shibanids against Kazan in the end of the fifteenth century]. *Voprosy istorii i arkhologii srednevekovykh kochevnikov i Zolotoy Ordyy: sbornik nauchnykh statey, posvyashchennykh pamyati V.P.Kostyukova* [Questions of History and Archaeology of the Medieval Nomads and the Golden Horde. Collected papers in memory of V.P. Kostyukov]. Astrakhan: Astrakhan University, 2011, pp. 102–109. (In Russian)

16. *Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordyy. Tom. I. Izvlecheniya iz sochineniy arabskikh* [Collection of Materials Relating to the History of the Golden Horde. Vol. 1. Extracts from the Arabic Writings]. V. Tizengauzen (ed.). St. Petersburg: 1884. 555 p. (In Russian).

17. Trepavlov V.V., Belyakov A.V. *Sibirskie tsarevichi v istorii Rossii* [The Siberian Tsareviches in the History of Russia]. St. Petersburg: Publishing House of Oleg Abyshko, 2018. 496 p. (In Russian).

18. Tychinskikh Z.A. Nekotoryye stranitsy ranney istorii sibirskikh tatar v trudakh tatarskikh istorikov Sh.Mardzhani i Kh.Atlasi [Some pages of the early history of the Siberian Tatars in the works of Tatar historians Sh. Marjani and H. Atlasi]. *Shigabutdin Mardzhani: Naslediye i sovremennost'*. *Sbornik statey* [Shigabutdin Marjani: Heritage and Modernity. Collected papers]. Kazan: Alma-Lit, 2008, pp. 153–159. (In Russian).

19. Fuks K.F. *Kratkaya istoriya goroda Kazani* [A Brief history of the City of Kazan]. Available at: <http://сувары.рф/ru/content/kratkaya-istoriya-goroda-kazani> (last accessed 18.07.2018). (In Russian).

20. *Sheybaniada. Istoriya mongolo-tyurkov, izdannaya I. Bereziny* [The Sheibaniade. History of the Mongol-Turks, Published by I. Berezin]. Kazan: Kazan State University Publ., 1849. 342 p. (In Russian).

21. *Shikhabuddin Mardzhani (1818–1889)* [Shigabutdin Marjani (1818–1889)]. Available at: <https://www.islamrf.org/marjani> (last accessed 18.07.2018). (In Russian).

22. Howorth H.H. *History of the Mongols from the 9th to the 19th Century. Part II: The So-Called Tartars of Russia and Central Asia*, Division II. London: Longmans, Green, and Co., 1880. 478 p.

About the author: Denis N. Maslyuzhenko – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Director of the Humanities Institute, Kurgan State University (63, building 4, Sovetskaya Str., Kurgan 640020, Russian Federation); ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8302-1277>, ResearcherID: J-9551-2017. E-mail: denmas13@yandex.ru

*Received July 7, 2019 Accepted for publication August 29, 2019
Published September 29, 2019*

ТОЯНОВ ГОРОДОК НА ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТЕ СИБИРСКОГО ХАНСТВА

С.Ф. Татауров^{1, 2}

¹ Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения
Института археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Омск, Российская Федерация

² Лаборатория археологических и этнографических исследований
Западной Сибири Томского государственного университета
Томск, Российская Федерация
TatSF2008@rambler.ru

Цель: статья посвящена проблеме поиска и изучения одного из интереснейших исторических комплексов позднего средневековья в Томском Приобье – Тоянову Городку. В XVI–XVII веках Тоянов Городок играл роль этнического и политического центра для проживавшего в данном районе тюркоязычного населения.

Материалы и исследования: археологические поиски памятника начались во второй половине XIX века и продолжают по настоящее время. За это время в локализованном районе левого коренного берега Томи открыто и исследовано несколько памятников позднего средневековья. Материалы, полученные в ходе раскопок, позволяют связать историю Томского Приобья этого времени с событиями, происходившими во всей лесостепной зоне Западной Сибири и тюрко-татарскими государственными образованиями, в частности, с Сибирским ханством. К сожалению, материалы раскопок разрозненны и до настоящего времени не опубликованы.

Результаты и новизна: в данной работе анализируются вышедшие в последние годы статьи, посвященные Тоянову Городку, и приводятся материалы из архива М.П. Грязнова по раскопкам в 1924 году могильника «Тоянов Городок», хранящиеся в Музее археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, показывающие его определенную близость с другими комплексами Сибирского ханства.

Ключевые слова: Сибирь, Томское Приобье, средневековье, Сибирское ханство, князь Тоян, Россия, государство

Для цитирования: Татауров С.Ф. Тоянов Городок на этнополитической карте Сибирского ханства // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 3. С. 497–508. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-3.497-508

Благодарности: Работа выполнена при финансовой поддержке Программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.

THE TOYANOV TOWN ON THE ETHNOPOLITICAL MAP OF THE SIBERIAN KHANATE

S.F. Tataurov^{1, 2}

¹ *Omsk Laboratory of Archaeology, Ethnography and Museum Studies of
the Institute of Archaeology and Ethnography of
the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Omsk, Russian Federation*

² *Laboratory of Archaeological and Ethnographic Studies
of Western Siberia, Tomsk State University
Tomsk, Russian Federation
TatSF2008@rambler.ru*

Abstract: *Research objectives:* The article discusses the problem of searching and studying one of the most interesting historical complexes of the late Middle Ages in the Tomsk Cis-Ob region – the Toyanov town. In the sixteenth and seventeenth centuries, Toyanov town was the ethnic and political center of the Turkic-speaking population living in the area.

Research materials: Archaeological search of the monument began in the second half of the nineteenth century and continues to the present. Several monuments of the late Middle Ages in the left bank of the Tom River were discovered and explored within this period. The materials found during excavations allow us to connect the history of the Tomsk Cis-Ob region of this time with the events in the entire forest-steppe zone of Western Siberia and the Turkic-Tatar state formations – in particular with the Siberian Khanate. Unfortunately, materials from the excavations are scattered and have not been published to date.

Results and novelty of the research: This article analyzes recent articles on the Toyanov town and presents materials from the M.P. Gryaznov's archive containing the results of the 1924 excavations of the burial ground "Toyanov town" stored in the F.M. Dostoevsky Museum of Archaeology and Ethnography of Omsk State University. These materials indicate a certain proximity between the Toyanov town and other complexes of the Siberian Khanate.

Keywords: Siberia, Tomsk Cis-Ob region, Middle Ages, Siberian Khanate, Prince Toyan, Russia, state

For citation: Tataurov S.F. The Toyanov Town on the Ethnopolitical Map of the Siberian Khanate. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 3, pp. 497–508. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-3.497-508

Acknowledgements: This work was financially supported by the Competitiveness Improvement Program of the Tomsk State University.

Введение

Тоянов Городок, располагавшийся, судя по историческим данным, в Томском Приобье фактически напротив города Томска, по своей этнической и политической значимости в определенных масштабах можно приравнять к столице Сибирского ханства – Искеру, стоявшему на Иртыше. Пожалуй, только более выгодное геополитическое положение иртышской столицы по отношению к путям сообщения Западной Сибири и к проживавшему в ее лесостепной зоне тюркоязычному населению определило ее первенство. Особенно возросла роль Тоянова Городка в последний период существования

Сибирского ханства, когда хан Кучум все больше и больше стал опираться на восточные провинции своего государства. В последнее десятилетие XVI века и в начале XVII века сибирские татары с низовьев Иртыша, не принявшие новую власть, переселились в Томское Приобье или, используя эту территорию в качестве транзитного пункта, ушли дальше на юго-восток.

Как написал в своем предисловии к монографии, посвященной Тоянову Городку, Я.А. Яковлев: «могильник Тоянов Городок оставлен зуштинцами – стержнем в процессе складывания этногруппы томских татар. Он возник в конце XVI–XVII веков – на переломном для Западной Сибири отрезке истории, когда в ходе ее включения в состав России получили толчок глобальные изменения всех социально-экономических и этнокультурных процессов в регионе» [23, с. 2].

Тоянов Городок почти полностью повторил судьбу других тюрко-татарских городов Сибирского ханства, исчезнув после основания рядом русского города. Например, рядом со столицей ханства был поставлен Тобольск, и через несколько лет от Искера остались только легенды и место, где он когда-то располагался. В непосредственной близости от Тоянова Городка был основан Томск, и спустя непродолжительное время Городок прекратил свое существование. Вообще это была определенная схема в основании русских городов в Западной Сибири. Подобную ситуацию основания русских городов рядом с татарским или другим аборигенным населением мы видим и при основании Тюмени, Тары и других городов. Судьба Тоянова Городка в этом отношении несколько сложнее. Если татарские города и городки в том или ином виде сохранились (хотя бы в исторической памяти проживавшего в данном месте населения, как тот же Искер), то Тоянов Городок бесследно исчез, как, например, в случае с городком аялыных татар близ Тары.

Удивительно схожа и история археологических исследований Тоянова Городка и Искера – сложно даже перечислить количество ученых и экспедиций, работавших на этих комплексах, и так же не просто определить все музеи Евразии, где хранятся собранные ими коллекции. Материалы разрозненны, и необходимы поистине титанические усилия, что бы их собрать и вернуть в научный оборот. Тоянову Городку повезло меньше в том плане, что точное его местоположение неизвестно, и под этим названием понимаются разные памятники – как городище, так и могильник.

Под Тояновым Городком в научной литературе в основном принимается курганный могильник XVI–XVIII вв., который и исследовали многочисленные экспедиции. Именно материалы курганного могильника сделали археологический памятник Тоянов Городок наиболее известным из всех позднесредневековых комплексов Томского Приобья. Как писал С.М. Чугунов – «Тояновым городком называется местность на левом берегу р. Томи, возвышающаяся над заливной долиной Томи... представляет собой поверхность, изрытую ямами, ограниченными на юго-западной стороне валом и рвом» [3, с. 15–34].

В последнее время томскими учеными опубликован ряд материалов по Тоянову Городку, в частности Я.А. Яковлев в 2009 году издал каталог коллекции Ф.Р. Мартина 1891 г. из фондов Государственного исторического музея (г. Стокгольм) [23]. Е.В. Водясовым и О.В. Зайцевой проведены полевые и исторические исследования по поиску данного комплекса и опубликована серия статей по его расположению и датировке [6; 7; 11]. Коллективом

авторов опубликован сборник статей, посвященных истории исследований, музеефикации и дальнейшему использованию Тимирязевского археологического комплекса, в который, по мнению авторов, входит Тоянов Городок [8]. Е.В. Барсуковым и А.И. Бобровой опубликована работа по истории изучения Тоянова Городка [4]. Интерес к Тоянову Городку в последние годы вызывает надежду на то, что будет осуществлена ревизия всех имеющихся материалов и проведены плановые масштабные исследования по поиску и изучению данного исторического комплекса.

Вместе с тем, необходимо заметить, что в данных работах закладывается определенный авторский принцип работы с материалами, который может серьезно исказить научное понимание памятника – Тоянов Городок.

Тоянов Городок. Ставка

В свое время вышло две работы, посвященные восточным границам Сибирского ханства, в которых были рассмотрены несколько исторических свідетельств и археологических материалов с позднесредневековых памятников Томского Приобья, которые позволяют рассматривать данный район как часть этого тюрко-татарского государственного образования [12; 13]. На настоящий момент серьезных целенаправленных работ по поиску и изучению исторических комплексов, связанных с историей Сибирского ханства, в Томском Приобье не проводилось, и по этой причине многие положения пока выглядят гипотетично. В связи с этим и границы ханства в этом районе были определены весьма условно. С этим связано и то, что местоположение Тоянова Городка до сих пор точно установить не удалось: «Однако, как это ни странно, вопрос о точном местонахождении укрепленной ставки эуштинского князя до сих пор остается открытым» [11, с. 94].

На данный момент можно констатировать то, что нахождение Тоянова Городка как поселения, городища или ставки князя Тояна как археологического комплекса неизвестно. Есть несколько предположений и не более того. Как отмечает Е.В. Барсуков, в Тимирязевском археологическом комплексе памятников (микрорайоне – *С.Т.*) есть несколько средневековых комплексов – поселений и городищ, которые могут иметь отношение к князю Тояну. Могильник достаточно много исследовали, но серьезных площадей на поселенческих комплексах вскрыто не было [3, с. 15–34]. Даже при археологическом изучении данного района и всех средневековых памятников вопрос о том, был ли тот или иной объект искомым Тояновым Городком, останется не решенным. Практически все известные памятники многослойны, и под позднесредневековым культурным слоем, который, кстати, ни на одном памятнике стратиграфически не выделен, залегают слои развитого средневековья, раннего железного века и т.д.

Основная проблема заключается в том, что на картах С.У. Ремезова данный Городок отсутствует, указаны только юрты эуштинцев – причем уже чересполосно с русскими деревнями и в нескольких местах. Это достаточно удивительно, так как подобные значимые населенные пункты указаны и прописаны известным сибирским картографом достаточно подробно [22, л. 26]. В связи с этим не менее любопытное отношение к Тоянову Городку и у Г.Ф. Миллера – он располагает его не напротив города Томска, а на одном из островов на р. Томи [15, с. 106]. Почему такое отношение к столь значимому

объекту? Например, в отношении города татар на Иртыше – Кызыл-Туры, которая на момент похода Ермака уже давно лежала в руинах, был соблюден определенный пиитет – указано ее местоположение, собраны сведения по ее планиграфии, истории основания и существования.

На мой взгляд, ответ кроется в том, что, возможно, Тоянов Городок существовал очень непродолжительное время – с момента вхождения эуштинцев в состав Сибирского ханства, когда Тоян стал князем, и ему по статусу стал полагаться городок, как его основная ставка. Основание Томска в 1604 году автоматически прекращало существование Городка как укрепленного пункта – в лучшем случае он превращался в обычное поселение эуштинских татар. Но, вероятнее всего, татары переехали в Томск, где на его юго-западной границе в начале XVII века сформировалась татарская слобода – «Заисточье». Такую же ситуацию мы наблюдаем с появлением в это же время Бухарской и Татарской слобод в городах Таре и Тобольске. Тем самым мы можем говорить о том, что Тоянов Городок существовал небольшой период времени, а может быть, значился вообще номинально как место, где Тоян останавливался периодически на какое-то время. Под термином «Городок» мог быть пункт для сбора дани, разрешения местных конфликтов, впоследствии место для ведения переговоров с русской администрацией. С приходом русских городок мог превратиться в обычное поселение. В 1646 году среди мест проживания эуштинских татар данный городок не значится [9, с. 95]. А вот в документах 1704 года он вновь фигурирует, причем как самое многочисленное поселение эуштинцев [21, с. 200], но никакого отношения к Тоянову Городку оно не имело.

Допуская наличие постоянной ставки, остается открытым вопрос – в каком виде она существовала, учитывая сравнительно небольшие людские и экономические ресурсы князя Тояна. Напомним, что он был не единственным, а одним из нескольких предводителей эуштинских татар. Система хозяйствования эуштинцев примерно схожа с другими группами сибирских татар, в том числе и прииртышских, и делится на летний и зимний циклы, в соответствии с которыми у них есть летние и зимние стоянки или поселения. В одних случаях зимние поселения оказываются на летний период брошенными, в других в них может оставаться какая-то часть населения, как правило, нетрудоспособная – старики, дети и т.д. Следует указать и тот момент, что если зимние поселения еще более постоянны, то летники могли периодически меняться – в первую очередь из-за гигиенических проблем.

Исследованный нами Тунуский городок мурзы Чангулы, правителя одного из прииртышских улусов Сибирского ханства, представлял собой хорошо укрепленный пункт с четырьмя жилищами. В момент взятия русскими городка на нем укрылось 40 татар. В итоге в 1595 году городок был взят и полностью разрушен. В ходе исследований была получена коллекция керамики, оружия, прежде всего наконечников стрел и сравнительно немного бытовых предметов, украшений и хозяйственного инвентаря. По итогам раскопок стало очевидным, что городок был сезонный, и никакой хозяйственной деятельности на нем не велось. В доказательство того, что изученный нами комплекс и есть Тунуский городок, служит указанное С.У. Ремезовым его местоположение [22, л. 96а], приведенные Г.Ф. Миллером документы о его положении и взятии отрядом тарского воеводы Доможирова [14, с. 362], наконец, раскопанный нами могильник Надеждинка IV, где оказались захоро-

ненными защитники городка. Без всего этого комплекса данных говорить, что этот памятник был Тунуским городком, весьма проблематично.

Никаких материалов, как для описанного выше Тунуского городка – ни исторических, ни археологических, позволяющих утверждать, что городище на мысовой части у туберкулезного диспансера и есть Тоянов Городок, – на настоящий момент нет. Более того, есть несколько моментов, которые противоречат данной гипотезе. В статье Е.В. Барсукова и А.И. Бобровой приводится план местности, составленный М.П. Грязновым в 1924 году, и керамика, собранная А.П. Дульзоном в районе «Тоянова Городка». План могильника и городища показывает их очень близкое расположение, что совершенно не характерно для тюркоязычного населения Западной Сибири, когда между жилыми и погребальными комплексами должно быть определенное расстояние и какая-либо естественная преграда – лог, овраг, лес и т.д. В данном случае курганы располагались в пределах прямой видимости с места проживания [4, с. 90].

Вторым моментом, который вызывает большой вопрос в датировке данного памятника, является керамика, представленная в вышеупомянутой статье. Очевидно, что данные фрагменты относятся к раннему железному веку и развитому средневековью и не имеют никакого отношения к XVI–XVII вв. [4, с. 90–91]. В архиве М.П. Грязнова¹, который хранится в Музее археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, в папке «Тояновская культура» есть рисунки керамики, собранной А.В. Адриановым в 1887 и 1889 годах, которая очень близка посуде, которую я соотношу с тюркоязычным населением Сибирского ханства. Учитывая, что карта-схема памятников в окрестностях Томска А.В. Адрианова датируется также 1887 годом, очевидно, что эта керамика с одного из указанных городищ, но необязательно с выделенного авторами памятника.

Проведенные томскими исследователями в 2015 году археологические изыскания дали весьма интересные материалы и, возможно, позволят доказать настоящее местонахождение Тоянова Городка. Наибольший интерес представляет керамика [7, с. 458], некоторые фрагменты которой близки сборам А.В. Адрианова, но пока это основано «исключительно на визуальном сходстве керамики с разных памятников без какого-либо серьезного анализа», так как авторы не привели никаких статистических или иных материалов исследований. К тому же большая часть фрагментов «визуально» относится к более раннему времени.

Еще один любопытный момент заключается в том, что керамика из коллекции Ф.Р. Мартина [23, с. 217–220, 223, 274–276 и др.] существенно отличается как от сборов А.П. Дульзона, так и от коллекции Е.В. Водясова и О.В. Зайцевой, и она наиболее близка к описываемой нами татарской керамике. В Томском Приобье подобная посуда известна из раскопок басандайского комплекса археологических памятников, проведенных А.П. Дульзоном [5, Табл. 14–6; 21–1, 2].

Пока непонятно, как находку серебряной монеты Михаила Федоровича 1631–1639 гг. и железное пушечное ядро конца XVI–начала XVII вв. можно использовать в качестве доказательства «подтверждения версии о нахождении

¹ Архив МАЭ ОмГУ им. Ф.М. Достоевского. Фонд III. Архив М.П. Грязнова. Папка «Тояновская культура».

ставки князя Тояна именно на этом мысу» [11, с. 98]. В другой своей статье авторы пишут о том, что «... Н.А. Чернышев также упоминал, что еще до постройки Томского острога существовало русское укрепленное поселение на левом берегу Томи рядом с городищем князя Тояна» [6, с. 94]. Вероятнее всего, этот материал был связан с русским укреплением. К сожалению, из «сотен найденных разнообразных находок», которые могли бы более полно охарактеризовать памятник и связать его с князем Тояном, пока не найдено ничего.

В данном археологическом микрорайоне есть еще несколько памятников, на которых есть позднесредневековые материалы, что позволяет им претендовать на право называться «Тояновым Городком» [3]. Приведенного доказательства – «Более того, никакого другого столь удобного для основания городка мыса на левом берегу напротив Томска просто не существует», – на мой взгляд, недостаточно [11, с. 96]. Подводя итог, можно констатировать, что данная проблема – определение местоположения Тоянова Городка – еще далека от решения.

Тоянов Городок. Могильник

Решение вопроса о соотношении определенного археологического памятника с историческим «Тояновым городком» видится мне в более глубоком изучении материалов могильника «Тоянов Городок» и поиска идентичных поселенческих материалов. Тем более, что могильник, безусловно, принадлежит и изучаемому нами периоду времени, и на какой-то период был синхронен Тоянову Городку. При минимальном количестве маркеров государственности в археологических коллекциях памятников Сибирского ханства их очень сложно обнаружить при раскопках поселенческих комплексов. Иная ситуация с погребальными памятниками. Бытовавшие в то время у тюркоязычного населения Западной Сибири обряды предусматривали сопровождение умерших инвентарем, который показывал его социальный статус [19]. Погребения данного могильника указывают значительную социальную дифференциацию населения и содержат предметы, позволяющие говорить об определенных связях с элитой других локальных групп тюркоязычного населения и Сибирского ханства.

В своих работах Е.В. Водясов и О.В. Зайцева двояко подходят к интерпретации этого памятника. Первоначально данный могильник приводился ими как свидетельство проникновения в это время ислама в среду татар-эуштинцев. «Группы погребений с признаками исламской погребальной обрядности удалось выделить в двух некрополях. Первый – Астраханцевский курганный могильник – расположен на Оби и датируется развитым Средневековьем. Второй – могильник Тоянов Городок – располагается на Томи и датируется поздним Средневековьем. Основным доводом в пользу отнесения части захоронений к мусульманским были безинвентарность захоронений (10 курганов) и ориентация умерших головой на юго-восток» [10, с. 134, 136]. Из последующих публикаций видно, что могильник выпадает из их схем, и проникновение ислама в среду эуштинцев переносится на более позднее время. «Известно, что в 1646 г. эуштинцы приносили присягу царю Алексею Михайловичу еще по «языческому» обряду» и «Учитывая это, а также то, что на территорию Тоянова городка частично заходили курганы XVII в, мы склонны предположить, что к середине XVII столетия татары в большинстве своем ушли из Тоянова городка, устроив на нем родовое кладбище» [6, с. 96]. Мы

уже высказывали свое мнение о том, что данный могильник не содержит мусульманских захоронений, и эуштинцы восприняли ислам значительно позднее, под влиянием переселившихся в Сибирь казанских татар [20].

Анализируя собранные М.П. Грязновым материалы по могильникам позднего средневековья Томского Приобья – Томскому, «Тоянову Городку», у д. Чернильщикова, у Тохтамышевых юрт и других, – становится очевидным, что всех их связывает определенная «триада» в погребальном обряде: надмогильные или внутримогильные деревянные сооружения в виде четырехугольных рам с перекрытиями и без, наличием огня в погребениях и конской упряжи – уздечек, стремян и удил. Практически идентичная ситуация с этими признаками зафиксирована на погребальных памятниках Барабы и Прииртышья, что позволяет утверждать, что эти элементы обряда могут быть показательны в плане определения уровня консолидации тюркоязычного населения Западной Сибири на момент присоединения региона к русскому государству [18]. Идентичен для тюркоязычного населения Западной Сибири и набор предметов, которые подчеркивают высокое социальное положение умерших – доспехи и оружие, котлы, украшения [16, с. 232–239]. Все это указывает на то, что данный погребальный обряд, который включает в себя определенный набор социально-показательных предметов, сформировался ранее в тюркском мире и просуществовал до позднего средневековья. Достаточно много захоронений на позднесредневековых могильниках тюркоязычного населения Притомья содержат предметы среднеазиатского происхождения, что указывает на наличие устойчивых торговых отношений с сопредельными территориями.

Среди курганов могильника, раскопанных М.П. Грязновым в 1924 году, по своему инвентарю выделим №40. Это погребение женщины 20–25 лет, у которой помимо обычных украшений, заколок и сережек, было 10 перстней – четыре на левой и шесть на правой руке. Как пишет Михаил Петрович Грязнов, среди обычных небольших медных украшений выделяются 4 перстня, как своими размерами – они массивнее, так и оформлением щитков – во вписанном в круг квадрате помещено изображение всадника на коне. Подобные перстни являлись символами власти и могли использоваться как печати. Несколько таких перстней из прииртышских могильников XVII–XVIII вв. опубликовал К.Н. Тихомиров [2, с. 139]. Следует отметить, что один из таких перстней был подарен Константину Николаевичу местными татарами, которые утверждают, что еще сравнительно недавно этот перстень использовали как печать на расписках. Можно сделать предположение о том, что эта женщина занимала достаточно высокое место в своем обществе. Два подобных перстня есть также в захоронении кургана №1, а в кургане №27 у умершего был перстень с камнем, аналоги которому есть в коллекциях Искера [1, рис. 26, 28].

Выводы

Городище или ставка князя Тояна «Тоянов Городок» еще ждет серьезных археологических исследований. Томскими учеными в настоящее время делаются серьезные шаги в этом направлении, и, надеюсь, в скором времени мы получим серьезные доказательства его точного местоположения и датировки. Пока говорить о том, что городище на мысу у диспансера и есть искомый комплекс, преждевременно.

Могильник Тоянов Городок оставлен группой тюркоязычного населения и существовал довольно продолжительное время – в XVI–XVII вв. По погребениям и находящемуся в них инвентарю он близок к могильникам этого времени Прииртышья и Барабы и не выделяется из этого ряда. Наличие среднеазиатского импорта показывает наличие торговых отношений с сопредельными территориями Сибири и Средней Азии. Все это указывает на то, что население, оставившее данный могильник, входило в состав тюрко-татарского мира и имело устойчивые социально-экономические отношения с другими группами тюркоязычного населения Западной Сибири.

В то же время наличие перстней с изображением всадников на щитках в богатых захоронениях могильника показывает на связь местной знати с элитой других групп сибирских татар и, возможно, с правителями Сибирского ханства.

В настоящий момент нет абсолютных доказательств того, что Томское Приобье входило в состав Сибирского ханства, как и для любых других районов лесостепной зоны Западной Сибири, но то, что тюркоязычное население этого района было включено и жило по традициям и законам тюрко-татарского мира, видится однозначным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г. Город Тобольск. Археологический очерк. Тобольск: типография ООО «Западно-Сибирская консалдинговая компания», 2008. 114 с.
2. Адаптация русских в Западной Сибири в конце XIX–XVIII вв. (по материалам археологических исследований). Омск: Издатель-Полиграфист, 2014. 374 с.
3. Барсуков Е.В. История исследования Тимирязевского археологического комплекса // Достопримечательное место «Тимирязевский археологический комплекс»: итоги изучения и перспективы использования»: сборник ОГАУК «Центр по охране памятников». Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 15–34.
4. Барсуков Е. В., Боброва А.И. Городище «Тоянов Городок»: страницы истории // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2016. 3 (13). С. 85–93.
5. Басандайка. Сборник материалов и исследований по археологии Томской области. Томск: Типография №1 Полиграфиздата, 1947. 312 с.
6. Водясов Е.В., Зайцева О.В. Хронограф «Тоянова городка»: к истории эуштинских татар в XVII–XVIII вв. // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 2 (40). С. 93–100.
7. Водясов Е.В., Зайцева О.В. Итоги комплексного исследования городища «Тоянов городок» // Былые годы. 2018. №2(48) С. 456–464. DOI:10.13187/bg.2018.2.456
8. Достопримечательное место «Тимирязевский археологический комплекс»: итоги изучения и перспективы использования»: сборник ОГАУК «Центр по охране памятников». Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. 100 с.
9. Емельянов Н.Ф. Этнический и численный состав коренного населения Томского края в XVII – первой половине XIX вв. // Из истории Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1976. Вып. 19. С. 90–108.
10. Зайцева О.В., Водясов Е.В. Признаки мусульманской погребальной обрядности в Обь-Томском междуречье // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. №3 (23). С. 134–137.
11. Зайцева О.В., Водясов Е.В. Локализация зимней ставки князя Тояна // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 3 (41). С. 94–99.

12. Матвеев А.В., Татауров С.Ф. К вопросу о восточных границах Сибирского ханства // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Вып. 4. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. С. 89–94.
13. Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Восточные границы сибирского ханства // Культуры и народы Северной и Центральной Азии в контексте междисциплинарного изучения: сборник Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского. Томск: ТГУ, 2013. Вып. 3. С. 467–473.
14. Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. 2-е, дополненное. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. Т. 1. 630 с.
15. Миллер Г.Ф. История Сибири. Том 2. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 796 с.
16. Серегин Н.Н., Тишин В.В. Социальная история тюрков центральной Азии (вторая половина I тыс. н.э.). Часть 16 Очерки социальной структуры (по письменным и археологическим источникам). Барнаул: Изд-во Алтайского Университетата, 2017. 344 с.
17. Татауров С.Ф. Последняя крепость хана Кучума на Иртыше // Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. №8. С. 23–31.
18. Татауров С.Ф. Процессы консолидации сибирских татар до и после присоединения Сибири к России // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. №5(43). С. 40–43. DOI: 10.17223/19988613/43/8
19. Татауров С.Ф. Археологические памятники сибирских ханств – поиск маркеров государственности // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, №2. С. 352–362. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.352-362
20. Татауров С.Ф., Корусенко М.А. История ислама в Западной Сибири: междисциплинарный подход к хронологии и периодизации // Былые годы. 2015. № 38. С. 798–807.
21. Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. Томск: Изд-во ТГУ, 1981. 276 с.
22. Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. Т. 1. Факсимильное изд. М.: [б.и.], 2003. 201 с.
23. Яковлев Я.А. Могильник Тоянов Городок: каталог коллекции Ф.Р. Мартина 1891 г. из фондов Государственного исторического музея (г. Стокгольм). Томск-Сургут: Изд-во Том. ун-та, 2009. 348 с.

Сведения об авторе: Сергей Филиппович Татауров – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (644024, пр. К. Маркса, 15, корп. 1, Омск, Российская Федерация); старший научный сотрудник лаборатории археологических и этнографических исследований Западной Сибири Томского государственного университета (634050, ул. Ленина, 36, Томск, Российская Федерация). E-mail: TatSF2008@rambler.ru

Поступила 10.05.2019 Принята к публикации 25.07.2019

Опубликована 29.09.2019

REFERENCES

1. Adamov A.A., Baliunov I.V., Danilov P.G. Gorod Tobol'sk [The Town of Tobolsk]. *Arkheologicheskii ocherk* [An Archaeological Sketch] Tobolsk: Tipografiia OOO "Zapadno-Sibirskaiia konsalidingovaia kompaniia", 2008. 114 p. (In Russian)

2. *Adaptatsiia russkikh v Zapadnoi Sibiri v kontse XVI–XVIII veke (po materialam arkheologicheskikh issledovaniy)* [Adaptation of Russians in Western Siberia at the end of the 16th–18th centuries (on materials of archaeological researches)]. Omsk: Izdatel'-Poligrafist, 2014. 374 p. (In Russian)

3. Barsukov E.V. Istoriia issledovaniia Timiriazevskogo arkheologicheskogo kompleksa [History of the research of the Timiryazevsky archaeological complex]. *Dostoprimechatel'noe mesto "Timiriazevskii arkheologicheskii kompleks": itogi izucheniia i perspektivy ispol'zovaniia: sbornik OGAUK "Tsentr po okhrane pamiatnikov"* [The Noteworthy Site "Timiryazevsky Archaeological Complex": Results of Studying and Prospect of the Use]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2014, pp. 15–34. (In Russian)

4. Barsukov E.V., Bobrova A.I. Gorodishche "Toianov Gorodok": stranitsy istorii [The settlement "Toyanov Gorodok": pages of history]. *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy* [The Tomsk Journal of the Linguistic and Anthropological Research], 2016, 3 (13), pp. 85–93. (In Russian)

5. *Basandaika. Sbornik materialov i issledovaniy po arkheologii Tomskoi oblasti* [Basandayka. Collection of Materials and Researches on the Archaeology of the Tomsk Region]. Tomsk: Tipografiia №1 Poligrafizdata, 1947. 312 p. (In Russian)

6. Vodiasov E.V., Zaitseva O.V. Khronograf "Toianova gorodka": k istorii eushtinskikh tatar v XVII–XVIII vv. [Chronograph of the "Toyanov Town": To the History of the Eushtinsky Tatars in the 17th–18th centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorii* [Tomsk State University Journal. History]. 2016, no. 2 (40), pp. 93–100. (In Russian)

7. Vodiasov E.V., Zaitseva O.V. Itogi kompleksnogo issledovaniia gorodishcha "Toianov gorodok" [Results of a complex research of the ancient settlement "Toyanov town"]. *Bylye gody* [Foretime]. 2018. No. 2(48), pp. 456–464. DOI: 10.13187/bg.2018.2.456 (In Russian)

8. *Dostoprimechatel'noe mesto "Timiriazevskii arkheologicheskii kompleks": itogi izucheniia i perspektivy ispol'zovaniia: sbornik OGAUK "Tsentr po okhrane pamiatnikov"* [The Noteworthy Site "Timiryazevsky Archaeological Complex": Results of Studying and Prospect of the Use]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2014. 100 p. (In Russian)

9. Emel'ianov N.F. Etnicheskii i chislennyi sostav korennoy naseleniia Tomskogo kraia v XVII – pervoi polovine XIX vv [The ethnic and numerical structure of the indigenous people of the Tomsk region in the 17th – the first half of the 19th centuries]. *Iz istorii Sibiri* [From the History of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1976, no. 19, pp. 90–108. (In Russian)

10. Zaitseva O.V., Vodiasov E.V. Priznaki musul'manskoi pogrebal'noi obriadnosti v Ob'-Tomskom mezhdurech'e [Signs of Muslim funeral ceremonialism in the Ob-Tomsk interfluvium]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorii* [Tomsk State University Journal. History]. 2013, no. 3 (23), pp. 134–137. (In Russian)

11. Zaitseva O.V., Vodiasov E.V. Lokalizatsiia zimnei stavki kniazia Toiana [The Localization of a winter camp of Toyan Prince]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorii* [Tomsk State University Journal. History]. 2016, no. 3 (41), pp. 94–99. (In Russian)

12. Matveev A.V., Tataurov S.F. K voprosu o vostochnykh granitsakh Sibirskogo khanstva [To the question of eastern frontiers of the Siberian khanate]. *Srednevekovye tiurko-tatarskie gosudarstva. Sbornik statei* [Medieval Turko-Tatar States. Collection of articles]. No. 4. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2012, pp. 89–94. (In Russian)

13. Matveev A.V., Tataurov S.F. Vostochnye granitsy sibirskogo khanstva [Eastern frontiers of the Siberian khanate]. *Kul'tury i narody Severnoi i Tsentral'noi Azii v kontekste mezhdistsiplinarnogo izucheniia: sbornik Muzeia arkheologii i etnografii Sibiri im. V.M. Florinskogo* [Cultures and People of Northern and Central Asia in the Context of Cross-disciplinary Studying: Collected Papers of the V.M. Florinsky Museum of Archaeology and

Ethnography of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2013, no. 3, pp. 467–473. (In Russian)

14. Miller G.F. *Istoriia Sibiri* [The History of Siberia]. Izd. 2-e, dopolnennoe. Moscow: Vostochnaya literaturaPubl., 1999. Vol. 1. 630 p. (In Russian)

15. Miller G.F. *Istoriia Sibiri* [The History of Siberia]. Vol. 2. Moscow: Vostochnaya literaturaPubl., 2000. 796 p. (In Russian)

16. Seregin N.N., Tishin V.V. *Sotsial'naiia istoriia tiurkov tsentral'noi Azii (vtoraia polovina I tys. n.e.). Chast' 1. Ocherki sotsial'noi struktury (po pis'mennym i arkheologicheskim istochnikam)* [Social History of the Türks of Central Asia (second half of the 1st millennium AD). Part 1. Essays on the Social Structure (according to written and archaeological sources)]. Barnaul: Altay State University Publ., 2017. 344 p. (In Russian)

17. Tataurov S.F. Posledniaia krepost' khana Kuchuma na Irtyshe [The last fortress of Kuchum Khan on the Irtysh]. *Srednevekovye tiurko-tatarskie gosudarstva* [The Medieval Turko-Tatar States]. 2016, no. 8, pp. 23–31. (In Russian)

18. Tataurov S.F. Protsessy konsolidatsii sibirskikh tatar do i posle prisoedineniia Sibiri k Rossii [Processes of consolidation of the Siberian Tatars before and after the accession of Siberia to Russia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia* [Tomsk State University Journal. History]. 2016, no. 5(43), pp. 40–43. (In Russian)

19. Tataurov S.F. Archaeological Monuments of the Siberian Khanates: Search of the Markers of the Statehood. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017, vol. 5, no. 2, pp. 352–362. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.352-362 (In Russian)

20. Tataurov S.F., Korusenko M.A. Istoriia islama v Zapadnoi Sibiri: mezhdistsiplinarnyi podkhod k khronologii i periodizatsii [History of Islam in Western Siberia: an interdisciplinary approach to chronology and periodization]. *Bylye gody* [Foretime]. 2015, no. 38, pp. 798–807. (In Russian)

21. Tomilov N.A. *Tiurkoiazychnoe naselenie Zapadno-Sibirskoi ravniny v kontse XVI – pervoi chetverti XIX vv* [The Turkic-speaking Population of the West Siberian Plain at the end of the 16th – the first quarter of the 19th centuries]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1981. 276 p. (In Russian)

22. *Chertezhnaia kniga Sibiri, sostavlenaia tobol'skim synom boiarskim Semenom Remezovym v 1701 godu* [The Drawing Book of Siberia Made by the Tobolsk Boyar's Son, Semyon Remezov, in 1701]. Vol. 1. Faksimil'noe izd. Moscow: [b.i.], 2003. 201 p. (In Russian)

23. Yakovlev Ya.A. *Mogil'nik Toianov Gorodok: katalog kollektsii F.R. Martina 1891 g. iz fondov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (g. Stokgol'm)* [The Burial Ground Toyanov Gorodok: Catalog of the F.R. Martin's Collection of 1891 from the Funds of the State Historical Museum (Stockholm)]. Tomsk-Surgut: Tomsk State University Publ., 2009. 348 p. (In Russian)

About the author: Sergey F. Tataurov – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Omsk Laboratory of Archaeology, Ethnography and Museum Studies of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (15, 1 building, K. Marx Ave., Omsk 644024, Russian Federation); Senior Research Fellow, Laboratory of Archaeological and Ethnographic Studies of Western Siberia, Tomsk State University (36, Lenin Str., Tomsk 634050, Russian Federation). E-mail: TatSF2008@rambler.ru

*Received May 10, 2019 Accepted for publication July 25, 2019
Published September 29, 2019*

ШЕДЖЕРЕ ПРЕДКОВ КРЫМСКИХ ХАНОВ: ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Р.Р. Абдужемилев^{1, 2}

¹ Крымский инженерно-педагогический университет
Симферополь, Российская Федерация

² Крымский научный центр
Института истории им. Ш. Марджани АН РТ
Бахчисарай, Российская Федерация
refatimus@gmail.com

Цель статьи: определить генеалогическую линию правящей династии Крымского ханства – Гиреев, родословное древо от Чингизхана до Хаджи Гирея. Предки Гиреев являлись ханами Золотой Орды. Первый крымский хан, Хаджи Гирей считается прямым потомком сына Джучи – Тукай-Тимура. Главный метод исследования – сравнительный анализ.

Материалы исследования: в поле зрения общего сравнения – следующие источники: «Джами ат-таварих» («Сборник летописей») Рашид ад-Дина, «Му'изз аль-ансаб» («Книга, прославляющая генеалогии»), «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» («Избранные летописи из книги побед»), «Кара таварих» Утемиш-хаджи, «Шеджере-и тюрок» («Родословная тюрок») Абуль-Гази Бахадур, «Тарих-и Ислам Гирей хан» («История хана Ислам Гирея») Мехмеда Сенаи, «Джами ад-дувал» («Собрание династий»), «Эс-себу'с-сейяр» («Семь планет») Сейид Мухаммеда Ризы, «Умдет ал-ахбар» («Опора известий») Абдулгаффара Кырыми, «Гульбюн-и ханан» («Розовый куст ханов») Халима Гирей-султана. Важный источник для изучения генеалогии – хроники Крымского ханства, которые называются «тарих» или «таварих». В них представлены сведения для установления звеньев генеалогической цепи.

Результаты и научная новизна: на основе комплексного сравнительного анализа установлена близкая к достоверности генеалогическая линия предшественников Гиреев. Другой значимый аспект рассмотренных генеалогий – орфография ханских имен. Разные варианты создают трудности в выявлении звеньев. Подводя итоги, автор статьи приходит к заключению о том, что в процессе составления генеалогической линии крымских ханов часто возникала путаница.

Ключевые слова: генеалогическая линия, Гирей, ханы, шеджере, Золотая Орда, Крымское ханство, орфография

Для цитирования: Абдужемилев Р.Р. Шеджере предков крымских ханов: проблема интерпретации // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 3. С. 509–523. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-3.509-523

SHEJERE OF THE ANCESTORS OF THE CRIMEAN KHANS: THE PROBLEM OF INTERPRETATION

R.R. Abduzhemilev^{1, 2}

¹ *Crimean Engineering and Pedagogical University
Simferopol, Russian Federation*

² *Crimean Research Center, Sh. Marjani Institute of History
of Tatarstan Academy of Sciences
Bakhchisaray, Russian Federation
refatimus@gmail.com*

Abstract: *Research objectives:* To identify the genealogical line of the ruling dynasty of the Crimean Khanate – the Girays – tracing the family tree from Chinggis Khan to Haji Giray. The ancestors of Girays were the khans of the Golden Horde. The first Crimean khan, Haji Giray, is considered to be the direct descendant of Jochi's son – Töqa-Temur. The main method for research is comparative analysis.

Research materials: The author analyzes the following sources: "Jami al-Tavarikh" ("Compendium of Chronicles") by Rashid al-Din, "Mu'izz al-ansab" ("The Book in Praise of Genealogies"), "Tavarikh-i guzida-yi nusrat-name" ("Selected Stories from the Book of victories"), "Qara tavarikh" by Ötemish Haji, "Shajare-i Türk" ("The Genealogy of the Turks") by Abu'l-Ghazi Bahadur, "Tarikh-i İslam Giray Khan" ("History of Islam Giray Khan") by Mehmed Senai, "Jami ad-Duval" ("The Collection of the Dynasties"), "Es-sebu's-seyyar" ("Seven Planets") by Seyid Muhammed Riza, "Umdet al-akhbar" ("The Basis of News") by Abdulgaffar Kyrymi, and the "Gulbün-i Khanan" ("Rose Bush of the Khans") by Halim Giray Sultan. Important sources for genealogical studies are the chronicles of the Crimean Khanate called tarikhs or tavarikhs. They provide information for identifying important links in the genealogical chain.

Results and novelty of the research: Based on a comprehensive comparative analysis, the author established a relatively reliable genealogical line of the predecessors of Girays. Another significant aspect of the examined genealogies is the spelling of the khans' names. Different variations create difficulties in identifying genealogical links. In summary, the author of the article concludes that there was often demonstrable confusion in the process of compiling the genealogical line of the Crimean khans.

Keywords: genealogies, Girays, khans, shejere, Golden Horde, Crimen Khanate, spelling

For citation: Abduzhemilev R.R. Shejere of the Ancestors of the Crimean Khans: The Problem of Interpretation. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 3, pp. 509–523. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-3.509-523

Выявление генеалогической линии рода Гиреев – вопрос неоднозначный, который требует детального анализа. Опираясь на исторические источники разных периодов, необходимо выявить звенья родословной. Проблемным моментом является орфография имен предков крымских ханов.

Хроники являются первоисточниками, на основе которых можно судить о родословной Гиреев. Сведения, данные в произведении, имеют более прочную опору, чем в поздних источниках. Поскольку произведения написаны в период ханства, можно говорить об определенном уровне достоверности.

У тюрко-мусульманских народов родословная называется словом «шеджере». Термин «шеджере» имеет арабское происхождение и переводится как «дерево». Исходя из этого смысла, появилось значение «родословная, генеалогия». Шеджере представляет собой письменно фиксированное историко-генеалогическое сочинение, где в виде последовательной схемы показывается происхождение рода, племени, фамилии, народа [13, с. 170].

Проблеме генеалогии крымских ханов посвящено исследование И. Абдуллаева «Предки Гераев: исторические версии и факты» [18]. Эта работа заслуживает особого внимания, поскольку в ней анализируются основные варианты шеджере крымских ханов. Автор констатирует тот факт, что генеалогическая история предков Гиреев сложна и запутана как в средневековых письменных источниках, так и в последующих, более поздних исследованиях историков [18]. И. Абдуллаев ссылается на пять важнейших первоисточников по родословной крымских ханов: «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина (1247–1318); «Му'изз аль-ансаб фи шаджарат салатин могул» неизвестного автора; «Шеджере-и тюрк» Абуль Гази Бахадур-хана; «Эс-себ'ус-сейяр фи ахбари мулюки татар» Сейид Мухаммеда Ризы; и «Гульбюн-и ханан» Халима Гирея. Вместе с тем приведены версии генеалогий исследователей Х. Ортекина, Н. Агата, М. Урекли, Й. Озтуна, Н. Катанова. Абдуллаев подчеркивает, что, несмотря на некоторые взаимные противоречия, эти генеалогии объединены единой версией, согласно которой крымская династия Гиреев – это потомки по прямой линии Тука-Тимура, тринадцатого сына Джучи, старшего сына Чингисхана [18].

Обращается к генеалогии Гиреев и В. Смирнов в своей работе «Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века» [10]. Здесь Хаджи Гирей представлен как сын Мухаммед-султана. Версия родословной выглядит следующим образом: Хаджи Гирей бин Мухаммед султан бин Тимур Султан бин Тимур Кутлук бин Тимур Мелек бин Урус хан бин Чимтай ибн Эберзен бин Сасы Бука бин Тули бин Орде бин Джучи бин Чингиз [10, с. 211].

Согласно множеству исторических источников, правящая династия Крыма имела чингизидское происхождение. Это – неоспоримый факт родословной крымских ханов. В документах ханской канцелярии, написанных от имени членов правящего рода, проходит самоопределение «*Ali Cengiz padişahları*» («правители высокого Чингизового рода») [5, с. 629]. Автор сочинения «Тарих-и Ислам Гирей хан» Мехмед Сенаи в предисловии к своему труду писал, что имя хана Ислама Гирея следует вписать в «Шахнаме рода Чингизова» («*şehname-i Çingiziyan*») [12, с. 172]. Мюверрих (историк), написавший сочинение «Тарих-и Мехмед Гирей», представлял себя как Дервиш Мехмед бин Мубарек Гирей-и Чингизи [16, с. 59]. Гирей часто ссылались на своих предков и их поступки посредством эпитета «*ecdad-ı a'zamımız*» («наши великие предки») [5, с. 114], «*baba ve dedelerimizden berü eski adet*» («старинный обычай со времен наших отцов и прадедов») [5, с. 751]. А столица Крымского ханства, город Бахчисарай, называлась «*tahtgâh-ı havaqin-i Al-i Çengiziyan*» («престол правителей, ханов из рода Чингизового») [16, с. 106].

Династия Гиреев правила в Крыму в течение трех веков. Первый крымский хан из рода Гиреев, правитель Крымского ханства Хаджи Гирей являлся сыном Гияс-эд-дина бин Таш-Тимура [2, с. 522].

Хаджи Гирей – прямой потомок сына Джучи, Тукай-Тимура. Согласно «Истории Абулфейз-хана» Абдуррахмана-и Тали', сыном Джучи-хана был Тукай Тимур-хан, а его сыном Оз-Тимур хан [20]. Таким образом, первый Гирей принадлежал к генеалогической линии Тукаидов (Тукайтимуридов) [25]: Чингизхан > Джучи > Тукай-Тимур (Тука-Тимур) >... > Хаджи Гирей.

Дедом Хаджи Гирея был Таш-Тимур, от которого сохранились монеты, чеканенные в городе Крым. По В.Г. Тизенгаузену, тамга с изображением трехзубца являлась символом, который связывал Хаджи Гирея с его золотоордынскими предками, ханами. Общим предком Хаджи Гирея, Девлет-Берди и Улуг-Мухаммада, имевших родовую тамгу, был отец Таш-Тимура – Джанса [22].

Общепринятым сегодня является утверждение, что Хаджи Гирей был сыном Гиясэддина. Востоковеды XIX в. не давали четкого ответа на этот вопрос. В. Вельяминов-Зернов писал о том, что «достоверно неизвестно», кто был отцом Хаджи Гирея [4, с. 95]. В. Смирнов в части звена Гиясэддин между Хаджи Гиреем и Таш-Тимуром выражал сомнения: «указания на него, как на отца Хаджи Гирея мы находим в таких памятниках, которые, по всей видимости, основываются на авторитете Абуль-Гази...» [10, с. 219].

В записях летописей крымских ханов родословная Хаджи Гирея: халифат хана Хаджи-Гирей сына султана Гийас ад-Дина сына хана Таш-Тимура, 855 г. х. [03.02.1451 – 22. 01.1452], правил 16 лет [21].

В хронологическом порядке приведем генеалогические линии из наиболее известных исторических трудов:

1. Генеалогия по «**Джами ат-таварих**» («Сборник летописей», 1310/1311) [27] Рашид ад-Дина¹ (в части «Памятка о сыновьях Джучи-хана и его внуках, имеющих отрасли до сего времени»): Чингисхан > Джучи > Тука-Тимур (тринадцатый сын Джучи) > Урун (Оренг-Тимур) > Сарича > Кунчек.
2. Генеалогия по «**Му'изз ал-ансаб фи шаджарат салатин могул**»² («Книга, прославляющая генеалогии в родословном древе монгольских султанов», 1426/1427 г.) [18] неизвестного автора: Чингисхан > Джучи > Тука-Тимур > Уран-Тимур (Оренг-Тимур) > Сарыча > Куйунчак > Тулек-Тимур > Джанса > Баш-Тимур > Гиясэддин > Хаджи Гирей.
3. Генеалогия по «**Таварих-и гузида-йи нусрат-наме**»³ («Избранные истории из книги побед», 1505 г.) [23] анонимного автора, в части «Генеалогия Джучидов: Отдел Тука-Тимура, сына Йоджи-хана; отдел Тулек-Тимура»: Джучи > Тука-Тимур > *Уз-Тимур* (от его брата Урунг-Тимура потомства не осталось [23]) > Сарыджа > Кончак > Тулек-Тимур > Джине > Баш-Тимур > Гиясэддин > Хаджи Гирей.

¹ Рашид ад-Дин Фазлуллах ибн Абу-ль-Хайр Али Хамадани (ок. 1247–1318) – персидский государственный деятель, врач и ученый-энциклопедист, министр государства Хулагуидов (1298–1317).

² Сочинение Муизз ал-ансаб составлено в 1427 году по приказу Тимурида Шахруха и дополнено при его преемниках, является одним из важнейших источников по генеалогии Джучидов 13–15 веков.

³ Анонимный труд, написанный на тюрки и посвященный истории Шейбани-хана (1451–1510), основателя государства в Мавераннахре.

4. Генеалогия по «**Кара таварих**» (сер. XVI в.) [14] Утемиш-хаджи⁴: ... Чага > Баш Тимур > Девлетберди > Хаджи Гирей.
5. Генеалогия по «**Шеджере-и тюрок**» («Родословная тюрок», XVII в.) [19] Абуль-Гази Бахадур-хана⁵ (в части «Род Тукай-Тимура, царствовавший в Крыму»): Чингисхан > Джучи-хан > Тукай-Тимур > *Уз-Тимур* (Уран-Тимур) > Сарича > Кюнджек-углан > *Тук-кул Ходжа-углан* > Тулюк-Тимур > Хине > *Хасан-углан (Ичкилий Хасан)* > *Мухаммед-хан* > Таш-Тимур > Гыясэддин > Хаджи Гирей.
6. Генеалогия по «**Тарих-и Ислам Гирей хан**» («История хана Ислама Гирея», 1651 г.) [12, с. 215–215] Мехмеда Сенаи⁶: Чингисхан > *Сайын* > *Огедей* > *Толуй* > Джучи > *Чагатай* > *Токта* > *Тограул* > *Озьбек* > *Джанибек* > *Тохтамыш* > *Девлет-Берди* > Таш-Темур > Гыясэддин > Хаджи Гирей
7. Генеалогия по «**Джами ад-дувал**» («Собрание династий», XVII в.)⁷ [18] Мюнаджджим-баши⁸: Чингисхан > Джучи > *Орда* > *Тули* > *Сасык-Буга* > *Эберзен* > *Чимтай* > *Урус-хан* > Тимур-Мелик > *Тимур-Кутлуг* > Тимур-Султан > *Мухаммед-Султан* > Хаджи Гирей-хан.
8. Генеалогия по «**Эс-себ'ус-сейяр фи ахбари мулюк-и татар**» («Семь планет в известиях о царях татарских», 1737 г.) [9] Сейид Мухаммеда Ризы⁹: Ченгиз > Джучи > Ток-Тимур > Рук-Тимур > Кончек > Тула-Тимур > Джатай > Таш-Тимур > Гыясэддин > Хаджи Гирей.
9. Генеалогия по «**Умдет ал-ахбар**» («Опора известий», 1748 г.) [8] Абдулгаффар Кырыми¹⁰ в части потомков Чагая: Чагай > *Ичкили Хасан* > сыновья Баш-Тимур и Улуг Мухаммед; Баш Тимур > сыновья Гыясэддин (по А. Кырыми, у него не было потомков) и Девлет-Берди; Девлет-Берди > сыновья Хаджи Гирей и Джихан Гирей.

⁴ Утемиш-хаджи бин Маулана Муххамед Дости (XVI век) – происходил из влиятельной семьи, придворный шейбанидский историк, автор трактата «Кара таварих», написанного по указанию Иш-султана.

⁵ Абульгази (Абульгази Багадур-хан) (1603–1664) – хивинский хан шейбанид. Родился в Ургенче, сын Араб Мухаммад-хана.

⁶ Эль-Хадж Мехмед Сенаи (Бахчасарай, XVII в.) – крымскотатарский летописец, поэт, занимал должность «мюнши-и диван-и хакани» (секретарь ханского дивана), в память о героических событиях ханства Ислам III Гирея сочинил хвалебное произведение «Тарих-и Ислам Гирей хан» (1651) по заказу визиря Сефергази-ага.

⁷ Джами ад-дувал – всеобщая история, написанная, в основном, в стиле средневековых арабских историографов с преимущественным вниманием к истории государей, правителей и других людей из правящих кругов.

⁸ Мюнеджимбаши (Ахмед ибн Лютфуллах / Ахмед Деде) – османский астроном, астролог и историк от XVII в.

⁹ Сейид Мухаммед Риза (эль-Кырыми, Ризаи, Афифи) (XVIII в.) – крымскотатарский историк-летописец, уроженец Кефе, получил османское образование, принадлежал к религиозной среде, автор «Семи планет» – исторического сочинения с временным охватом от Менгли I Гирея до Менгли II Гирея.

¹⁰ Абдулгаффар Кырыми (XVIII в.) – крымскотатарский историк-летописец, представитель улема (ученых), кадий, диван-кятиби (секретарь дивана), автор всемирной истории, хроники «Умдет ал-ахбар» («Опора известий»).

10. Генеалогия по «Гульбюн-и ханан» («Розовый куст ханов», 1811) [7] Халима Гирея¹¹: Темучин (Чингисхан) > Джучи > Тока-Темур > Рук-Темур > Кунджек > Тула-Темур > Джанай > Таш-Темур > Гыясэддин > Хаджи Гирей [7, с. 16].

По самому раннему источнику «Джами ат-таварих» (1310/1311 гг.) вырисовывается родословная с шестью звеньями (до шестого колена) от Чингизхана до Кунчека. Автор указал имена всех ханов этой линии вплоть до своего времени.

В «Му'изз ал-ансаб» представлены все одиннадцать звеньев цепи. В «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» после Тукай-Тимура вместо Уренг-Тимура следует звено Уз-Тимур, брат Уренг-Тимура.

Сведения о том, что Хаджи Гирей не являлся сыном Гыясэددина находим в «Кара таварих». Цитата из текста: «У Баш Тимура было два сына. Одного звали Девлеттберди, другого Тюрк Кыясетдин. Род Кыясетдина не продолжился. У Девлетберди было два сына – Хаджи Кирей и Джан Кирей...» [14, с. 81].

Все одиннадцать главных элементов линии имеются в «Шеджере-и тюрк». Уз-Тимур приравнивается к Уран-Тимуру, между Кюньджек-угланом и Тулюк-Тимуром появляется звено Тук-кул Ходжа-углан. А между Хине (Джанса) и Таш-Тимуром имеют место два звенья Хасан углан (Ичкили Хасан) > Мухаммед-хан.

Родословной крымских ханов специально посвящен один из разделов хроники Мехмеда Сенаи «Тарих-и Ислам Гирей хан», который дополняет сюжет [1, с. 146–150]. Писатель указал на то, что предком хана Ислама Гирея был Чингисхан: «*'an cedd-i sülâle-i Çengiz Handan han bin han u sultan bin sultan olub*» («от отца к дедам является потомком Чингисхана, и будучи ханом, сыном хана и султаном – сыном султана») [1, с. 147]. Однако он сделал предположение, что Чингизхан был предком Ислама Гирея в восемнадцатом колене: «*on sekiz atada cedd-i 'ali-nijadları Çengiz Han'a olsa gerekdir*» («наверное, в восемнадцатом колене его высокородным предком был Чингисхан») [1, с. 147]. И самый главный акцент Сенаи поставил на том, что хан Ислам Гирей на фоне всех его великих предков особо выделился своим правлением. По сути, глава о родословной хана, будучи важной составляющей хроники, сжато формирует в себе основную идею произведения. Множество ханов предшествовали правлению Ислама Гирея. Каждый из них запомнился в истории определенными действиями. Однако, по словам М. Сенаи, Ислам Гирей – самая яркая фигура в длинной цепи падишахов, запомнившаяся в истории успехами во внутренних и внешних делах государства.

Как справедливо отмечал польский востоковед З. Абрахамович, в генеалогической схеме автора хроники об Исламе Гирее проявляется «неосведомленность Сенаи, даже в отношении последнего времени», а приведенная генеалогия «представляет мало пользы в попытке определения ранних ступеней малоизвестной родословной крымских ханов» [17, с. 19]. Сенаи упустил Мубарека

¹¹ Халим Гирей-султан (1772–1823) – крымский принц, историк, поэт, автор дивана (собрания поэзии) и сочинения по истории Крымского ханства, «Гульбюн-и ханан» («Розовый куст ханов»).

Гирея (сына Менгли Гирея и отца Девлета Гирея), а Девлета Гирея указал как брата Сахиба Гирея в цепочке крымских ханов «Ислам Гирей – Хаджи Гирей» [1, с. 148]. В части предков Гиреев и потомков Чингизхана разместил в генеалогии имена сыновей Чингизхана – Джучи, Чагатай, Огедей, Толуй [1, с. 148]. Внук Чингизхана и сын Джучи – Бату по прозвищу Саин-хан указан прежде Джучи. Токта-хан (Туктай-хан) и Тогрул (Тогруджай, Тогрулча) были сыновьями Менгу-Тимура бин Тукана (по генеалогии Сенаи Менгу-Тимур отсутствует в цепочке). Часть «Sultanü’ş-şehir-be Canibeg Han ibnü’s-Sultan Özbek Han ibnü’s-Sultan Toğrul Han» у Сенаи правильная: Джанибек был третьим сыном Узбек-хана, Узбек был сыном Тогрула. Токтамыш-хан был сыном Туй-Ходжи оглана, правителя Мангышлака (в родословной «тариха» Туй-Ходжа оглан не указан). В хронике Таш-Тимур указан как сын Девлет Берди-хана, однако в действительности – наоборот (Девлет-Берди – сын Таш-Тимура). Таш-Тимур был сыном Джанса (Джине) ибн Тулек Тимур ибн Кунчек ибн Сарыча ибн Урунк ибн Тукай-Тимур ибн Джучи (фактическая линия предков крымских ханов). Последние звенья у Сенаи до Хаджи Гирея в ряду «Sultan Hacı Geraı ibnü’s-Sultan Gıyaseddin ibnü’s-Sultan Taştemur Han» правильны. Следовательно, для версии генеалогии Сенаи характерна хаотичность, сам же автор не ставил целью точно и последовательно передать всю линию предков Ислама Гирея. Однако, как видно из генеалогии, автор «Тарих-и Ислам Гирей хан» старался внести в шеджере имена видных золотоордынских ханов, с которыми связана славная история Крыма и Золотой Орды.

Родословная из «Джами ад-дувал» имеет лишние звенья: шесть звеньев от Джучи до Тимур-Мелика (вероятно, Тулек-Тимура), имя Тимур-Кутлуг между Тимур-Меликом и Тимур-Султаном, и Мухаммед Султан между Тимур-Султаном и Хаджи Гиреем [18].

Генеалогия, приведенная Сейид Мухаммедом Ризой, не имеет звена Сарыча (между Рук-Тимуром и Кунчеком). Имя сына Тула-Тимура приведено в форме Джатай.

В «Умдет ал-ахбар» Абдулгаффар Кырыми привел сведения о потомках Чагая (Джаная): сыном Чагая и отцом Баш-Тимура и Улуг Мухаммеда был Ичкили Хасан. Однако Ичкили Хасан был братом Таш-Тимура. Другое несовпадение у Кырыми с предшествующими генеалогиями: Хаджи Гирей показан сыном Девлет-Берди, сына Баш-Тимура. А другой сын Баш-Тимура, Гыясэддин, не имел детей: «Gıyaseddin’den nesli yoqdur» [8, с. 112].

Другим сыном Баш-Тимура был Девлет-Берди, у которого сыновьями были Хаджи Гирей и Джихан Гирей. Согласно автору, Девлет-Берди умер в Крыму и похоронен в приходе Салачик [8, с. 112]. Известно, что Девлет-Берди чеканил в Крыму свою монету с выбитой тамгой в виде трезубца. В «Му’изз ал-ансаб» сведения отличаются: у Баш-Тимура было 4 сыновей – Гыясэддин, Джемаль-ад-дин, Али-бек и Девлет-берди; у Гыясэددина было 4 сына – Шахнесеб, Султаннесеб, Джан-Гирей и Хаджи-Гирей [24].

Генеалогическая цепочка из «Гульбюн-и ханан» дублирует родословную Гиреев из «Эс-себу-с-сейяра». И это вполне объяснимо, поскольку Халим Гирей-султан в написании своего труда в качестве одного из главных источников опирался на сочинение Мухаммеда Ризы. По мнению О. Гайворонского, родословная, приведенная историком XIX в. Халимом Гиреем, считается наиболее достоверной [6, с. 10].

Примечательно, что в генеалогиях из «Шедере-и тюрк» и «Умдет ал-ахбар» имеет место звено Ичкили Хасан между Джанаем (Чигаем) и Таш-Тимуром. Ичкили Хасан принадлежал к крымской ветви потомков Тука-Тимура, его предки утвердились в Крыму еще в 1260-е гг., а его братья Али и Таш-Тимур были правителями Крымского улуса. Однако по «Умдет ал-ахбар», Таш-Тимур (указан как «Баш-Тимур») являлся сыном Ичкили Хасана.

Обратимся теперь к вопросу орфографической и этимологической репрезентации звеньев генеалогии предков крымских ханов. Это существенная сторона рассмотренных генеалогий, определение звеньев родословной связано с интерпретацией вариантов имен.

Имя Чингиз (Дженгиз) не имеет однозначного толкования. Судя по всему, оно монгольского происхождения, наиболее трактуется как «сильный, крепкий, великий, могущественный» [26]. Следовательно, Чингизхан означает «Великий хан», в монгольском предании сообщается о получении имени от шамана [2, с. 262]. Имеется ряд версий о происхождении имени: от тюркского слова «тенгис» – море, Чингизхан в таком случае значит морской хан, хан мира (земель), омываемых морем [15, с. 37]; как форма множественного числа от прилагательного чинк «сильный» [2, с. 619]; как транскрипция от китайского тянь цзы («сын неба», «дарованный небом»), китайская этимология цзин сы «совершенный воин» [2, с. 619]. Объединив множество улусов под своей властью, Темучин получил к титулу «хан» приставку-эпитет «чингиз». Группа аристократии нарекла Темучина Чингизханом и провозгласила каганом. Существовал обычай давать другое имя ханам, правители не назывались в народе собственным именем из почитания к ним [15, с. 37].

Происхождения имени Чингиз касается и Мухаммед Риза в своей хронике «Семь планет» в части «Zikr-i mülaqqab şiden Temucin bilaqab-i Cengiz» («Заметка об именовании Темучина Чингизом»). Цитата из текста: «...*mîn ba'd laqab-ı Temucin Şahan ma'nasına Cengiz olmaq emir-i vacibü'l-ita' olub, tebliği baña ihale olmuştur...*» / «...вслед за тем имя Темучин сочли необходимым заменить на Чингиз в значении шаха (правителя), а мне было поручено известить об этом...» [9, с. 38].

Имя Джучи подразумевает собой значение «гость», «нежданный гость». Корень слова, вероятно, мог происходить от глагола «джурьмек» – ходить (джурчи – путешественник). Слово «Джучи» в монгольском означает «вдруг, нечаянно» [3, с. 492]. По одной из версии, слово «джочи» является монголизированным вариантом тюркского слова «доши» или «тоши» – «его грудная кость, его дорогой» (понятие ласки, в отношении первого сына) [11, с. 149]. Встречаются разные орфографические формы имени: Джучи, Джочи, Чучи, Чочи, Йуджи, Йочи [14, с. 18]. Пояснение имени Джучи Сейид Мухаммедом Ризой: «...*lisan-ı qavm-ı Moğol üzre müsafir ma'nasına Cuci yahud musibet-zede ve ğurbet-keşide ma'nasına Tuşi tesmiye eyleyüb...*» («...согласно монгольскому языку, получив имя Джучи в значении гость, или же Туши в значении попавший в беду, тоскующий...») [9, с. 65].

С точки зрения этимологии имя Тукай-Тимур (Тука-Тимур / Тока-Тимур) может иметь такие варианты: тукай от «туг» («бунчук»); «тока» («тука») – пояс, кольцо, изгиб, прочная связка; командир военного подразделения; тогъай – покосные места, низменные луга; токъай – извилистое течение реки.

Обратимся к этимологии имени Урун-Тимур (Урунк, Оренг-Тимур, Уран-Тимур, Рук-Тимур). В джагатайском «урун» означает место, место, определенное при хане; «улугъ урун» (в ярлыке Тохтамыша в значении «престола, трона»; уругъ – род. Уран – клич, перекличка, пароль [3, с. 121].

Сарыча (Сарыджа / Сарича) – рыжий, от матери из рода Чагатаев. Корень слова «сары» – желтый цвет, священный символ власти, знатности и богатства у тюркских народов. Сарча – нерегулярное войско, корпус нерегулярных стрелков. Мужские татарские имена: Сарыджан – главный (первый ребенок), Сарыч – хищная птица, ястреб или коршун, Сарычеч – золотистые волосы.

Имя Кунджек встречается в разных вариантах: Куинчек, Кунчек, Кунджек, Куйунчак, Кончак. Корнем слова могло быть «кунь» («солнце»). Кунджек – зонтик, предмет, затеняющий от лучей солнца. В «Диван-и лугат ит-тюрк» слово «кунджек» имеет значение «воротник одежды». Другая версия трактовки значения: кендже / кучюк – младший. В генеалогии, данной Абуль-Гази, имя хана с добавлением «углан» («сын») – Кюньджек-углан.

Тулук-Тимур / Тулюк-Тимур / Тула-Тимур. Тулакъ – сухая коровья или лошадиная шкура, на которой бьют шерсть для кошмы. Тюлюк (чагатайское слово) – целый, полный; сутки (день и ночь), дневальня, сорт, род [3, с. 405]; Тюлекчи – название племени. Другое значение – смирный, скромный [3, с. 403].

Имя сына Тулек-Тимура имеет архаическое происхождение и в различных генеалогиях проходит в таких формах: Джанса (корень джан) / Джине / Хине (Чине?) / Джатай / Чагай (джига) пучок перьев на чалме или на шапке, птичий гребешок; труд, утруждение; / Джанай (джан + ай) – новолунье, светлый и чистый как луна; душа, милый, любимый.

Третье звено от Хаджи и девятое от Чингизхана встречается в двух вариантах: Таш-Тимур и Баш-Тимур. В первом случае начальный элемент «таш» значит камень, во втором – глава, начало (Баш-Тимур).

Имя Гиясэддин трактуется как «помощник в распространении религии» (слово «гыяс» означает «помощь, помощник»). Имя Гиясэддин имели многие известные в истории личности.

Замыкает генеалогическую линию имя Хаджи Гирея, сына Гиясэددина. Слово «хаджи» включает в себе значение – паломник в Мекку и Медину, совершивший хадж. Упоминание имени из «Гульбюн-и ханан»: «...Qıym ehalisi arasında Melek Hacı Giray demekle şühret kazanmıştı...» / «...среди населения Крыма он прославился под именем Мелек (Ангел) Хаджи Гирав» [7, с. 12, с. 162].

История появления имени Хаджи Гирея освещена в «Семи планетах» Мухаммеда Ризы в части «Zikr-i irdaf şiden lafz-ı Geray bi-ismi ebna-y-i Cengiziyân selâtin ve Hanan» («Заметка об использовании слова Гирей как имени сыновей рода Чингизового, султанов и ханов»). Фамильное имя «Гирей» было дано сыну Гиясэددина в знак благодарности аталыку (воспитателю) Девлет-Кельди суфию из племени Гирей, совершившему хадж (поэтому Хаджи Гирей). Впоследствии слово Гирей закрепилось за всеми последующими ханами и султанами, потомками Хаджи Гирея [9, с. 72].

На основе вышеизложенного историко-филологического анализа и сопоставлений шеджере из разных источников вырисовывается следующая таблица репрезентации главных звеньев генеалогии. Определенные звенья выпадают из общей схемы вследствие ряда факторов (побочные ветви шед-

жере, единичность, недостоверная интерпретация и пр.), а другие фигурируют в разных шеджере.

Источники	Чингисхан	Джучи	Тока-Тимур	Оренг-Тимур	Сарыча	Кунчек	Тулек-Тимур	Джанса	Таш-Тимур	Гиясэддин	Хаджи Гирей
«Джами ат-таварих»	+	+	+	+	+	+					
«Му'изз ал-ансаб»	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
«Таварих-и гузида-йи нусратнаме»	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+
«Кара таварих»	+	+						+	+	–	+
«Шеджере-и тюрк»	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
«Тарих-и Ислам Гирей хан»	+	+							+	+	+
«Джами ад-дувал»	+	+					+		+		+
«Эс-себу-с-сейяр»	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+
«Умдет ал-ахбар»								+	+	+	+
«Гюльбюн-и ханан»	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+

Выводы. Династия Гиреев, правившая Крымским ханством, ведет свою родословную прямо от Чингизхана. Множество исторических источников, относимых к периоду Крымского ханства, содержат упоминания о славном предке – Чингизхане. Достоверно известно, что Гирей являлись потомками сына Чингизхана – Джучи, и его внука – Тукай-Тимура. Память о предках Хаджи Гирея сохранилась путем письменной фиксации. Крымские составители шеджере опирались, преимущественно, на предшествующие и ранние источники. В передаче генеалогической линии крымских ханов часто имела место путаница, даже в части потомков Хаджи Гирея. Причина путаницы, вероятно, кроется в обращении авторов к имевшимся в их распоряжении источникам, в недостоверности передачи родословной одними авторами и в искажении имен из звеньев родословной. На основе сопоставительного анализа шеджере из различных источников перед нами вырисовывается близкая к истине генеалогическая линия, состоящая из одиннадцати звеньев: 1. Чингизхан > 2. Джучи > 3. Тукай-Тимур > 4. Оренг-Тимур > 5. Сарыча > 6. Кунчек > 7. Тулек-Тимур > 8. Джанса (Джанай) > 9. Таш-Тимур > 10. Гья-

сэддин > 11. Хаджи Гирей. В этом плане генеалогии из «Джами ат-таварих» и «Муизз ал-ансаб» наиболее достоверны, поскольку это наиболее ранние источники. Среди крымскотатарских источников опорным и самым полным является «Семь планет» Мухаммеда Ризы, за исключением Сарыча, хотя Сарыча проходит в ранних источниках.

Остаются неясными вопросы точной орфографии имен предков Гиреев. В настоящей статье предпринята попытка определения этимологии имен. Однако здесь нет точных утверждений о происхождении того или иного имени. Каждая версия имеет право на существование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Абдужемилев Р.Р. Хроника Мехмеда Сенаи как памятник крымскотатарской художественной литературы XVII в. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 388 с.
2. Бартольд В.В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М.: Вост. лит., 2002. 754 с.
3. Будагов Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. 1. СПб.: Типогр. Императорской АН, 1869. 813 с.
4. Вельяминов-Зернов В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Часть 1. С-Пб.: В типогр. Императорской АН, 1863. 558 с.
5. Вельяминов-Зернов В.В. Материалы для истории Крымского ханства извлеченные, по распоряжению Императорской АН, из Московского Главного Архива МИД. СПб.: В типогр. Императорской АН. 1864. 953 с.
6. Гайворонский О. Созвездие Гераев: краткие биографии крымских ханов. Симферополь: Изд-во «ДОЛЯ», 2003. 108 с.
7. Гирай султан Халим. Розовый куст ханов, или История Крыма / Транскрипция, перевод, переложения А. Ильми, составление приложений и пояснения Кемал Усеинова. Под общ. ред. Н.С. Сейтягяева. Симферополь: ДОЛЯ, 2004. 288 с.
8. Кырыми А. Умдет ал-ахбар. Книга 1: Транскрипция, факсимиле. Серия «Язма Мирас. Письменное наследие. Textual Heritage». Вып.1 / Кырыми А., транскрипция Д. Пашаоглу; отв. редактор И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2014. 420 с.
9. Сейид-Мухаммед-Риза. Семь планет в известиях о царях татарских, содержащие историю крымских ханов от Менгли-Гирей хана I-го до Менгли-Гирей хана II-го, т.е. с 871/1466 по 1150/1737 гг. / Пер. и подгот. А.К. Казем-Бек. Казань, 1832.
10. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в. СПб. : В Университетской типографии в Казани, 1887. 768 с.
11. Тоган Исанбике. Джучи хан и значение осады Хорезма как символы законности // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани 1223–1556. Казань, 2001. С. 146–187.
12. Туранли Ф.Г. Літописні твори М. Сенаї та Г. Султана як історичні джерела. Київ, 2000. 311 с.
13. Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань: Изд-во КГУ, 1972. 223 с.
14. Утемиш Хаджи. Кара таварих / Транскрипция И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой, З.Т. Хафизова; перевод на русский язык И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой; общая и научная редакция И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 312 с.
15. Хара-Даван Эренжен. Чингис-хан как полководец и его наследие. Белград, 1929. 226 с.

16. *Demir U.* Tarih-i Mehmed Giray (Değerlendirme – Çeviri metin): Yüksek Lisans Tezi. İstanbul, 2006. 163 s.
17. *Senai z Krymu, Hadzy Mehmed.* Historia Chana Islam Gereja III. Tekst turecki wydal, przelozył i opracował Zygmunt Abrahamowicz. Uzupełniający komentarz historyczny Olgierd Gorka i Zbigniew Wojcik pod redakcją Zbigniewa Wojcika. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1971. 203 s.
18. *Абдулла И.* Предки Гераев: исторические версии и факты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20081016002844/http://turkolog.narod.ru/info/I139.htm>. (дата обращения: 24.07.2019).
19. *Абуль Гази.* Родословное древо тюрок [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/rus6/Abulgazi_2/text31.htm. (дата обращения: 24.07.2019).
20. *Абдурахман-и Тали’.* История Абулфейз-хана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus5/Abulfeiz/text1.phtml>. (дата обращения: 24.07.2019).
21. Записи генеалогий и правлений крымских ханов и крымские средневековые исторические хроники [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XV/Let_krym_chan/text.phtml?id=7054. (дата обращения: 24.07.2019).
22. Золотоордынские ярлыки: поиск и интерпретация [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Zolotoord/XIV/1380-1400/Grigorjev_1/text.phtml?id. (дата обращения: 24.07.2019).
23. Избранные летописи из книги побед («Таварих-и гузида-йи нусрат-наме») [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XVI/1500-1520/Istorija_pobed/pred1.htm. (дата обращения: 24.07.2019).
24. Из введения – обзора тюркских и монгольских племен [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.vostlit.info/Texts/rus16/Rasidaddin_6/text.phtml. (дата обращения: 24.07.2019).
25. Лекомцев В. А. Династические проблемы Золотой Орды [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pomnirod.ru/articles/drevnie-veka/valekomcev.html>. (дата обращения: 24.07.2019).
26. Происхождение имени Чингис [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.analizfamilii.ru/Chingis/proishozhdenie-imeni.html>. (дата обращения: 24.07.2019).
27. Рашид ад-Дин. Сборник летописей «Джами ат-таварих» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Rasidaddin_2/framepred.htm. (дата обращения: 24.07.2019).

Сведения об авторе: Рефат Рустем оглы Абдужемилев – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник НИИ крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет» (295015, Учебный пер., 8, Симферополь, Российская Федерация); младший научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ. E-mail: refatimus@gmail.com

Поступила 24.07.2019 Принята к публикации 02.09.2019
Опубликована 29.09.2019

REFERENCES

1. Abduzhemilev R.R. *Khronika Mehmeda Senai kak pamyatnik krymskotatarskoy khudozhestvennoy literatury XVII v.* [The Chronicle by Mehmed Senai as a Monument of the Crimean Tatar Belles-lettres of the seventeenth century]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2016. 388 p. (In Russian)
2. Bartold V.V. *Raboty po istorii i filologii turkskikh i mongolskikh narodov* [Works on the History of the Turkic and Mongolian Peoples]. Moscow, Vost. lit., 2002. 754 p. (In Russian)
3. Budagov L. *Sravnitelnyy slovar turetsko-tatarskikh narechiy*. Vol. 1 [The Comparative Dictionary of the Turkish-Tatar Languages. Vol. 1]. St. Petersburg: Tipogr. Imperatorskoy Akademii nauk, 1869. 813 p. (In Russian)
4. Velyaminov-Zernov V. *Issledovaniye o kasimovskikh tsaryakh i tsarevichakh*. Chast 1. [The Study on the Kasimov's Tsars and Princes]. St. Petersburg: V tipogr. Imperatorskoy AN [In the printing house of Imperial AS], 1863. 558 p. (In Russian)
5. Velyaminov-Zernov V.V. *Materialy dlya istorii Krymskogo khanstva* [Materials on the History of the Crimean Khanate]. St. Petersburg: Tipogr. Imperatorskoy Akademii nauk, 1864. 953 p. (In Crimean Tatar)
6. Gayvoronskiy O. *Sozvezdiye Gerayev: kratkiye biografii krymskikh khanov* [The Constellation of the Girays: Brief Biographies of the Crimean Khans]. Simferopol: "DOLYA", 2003. 108 p. (In Russian)
7. Giray Sultan Halim. *Rozovyy kust khanov, ili istoriya Kryma*. Transkriptsiya, perevod, perelozheniya A. Ilmi, sostavleniye prilozheniy i poyasneniya Kemala Useinova. Pod obsch. red. N.S. Seytyagyayeva [The Rosy Bush of Khans, or the History of Crimea. Transcription, translation, reset by A. Ilmi, compilation of appendixes and explanations by Kemal Useinov. Under gen. edition of N.S. Seytyagayev]. Simferopol: DOLYA, 2004. 288 p. (In Russian & Ottoman Turkish)
8. Kyrymı A. *Umdet al-akhbar*. Kniga 1: Transkriptsiya, faksimile. Seriya «Yazma Miras. Pismennoye naslediye. Textual Haritage». Vyp. 1 Transkriptsiya Derya Derin Pashaoglu; otv. redaktor I.M. Mirgaleyev [Umdet al-akhbar. Book 1: Transcription, faksimile. Series "Textual Heritage". Issue 1. Transcription by Derya Derin Pashaoglu; executive editor I.M. Mirgaleyev]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2014. 420 p. (In Russian & Ottoman Turkish)
9. Seyid-Muhammed-Riza. *Sem planet v izvestiyakh o tsaryakh tatarskikh, soderzhashchiye istoriyu krymskikh khanov ot Mengli-Girey khana I-go do Mengli-Girey khana II-go, t.e. 871/1466 po 1150/1737 gg.* Per. i podgot. A.K. Kazem-Bek. [Seven Planets in the Notes on the Tatar Tsars Containing the History of the Crimean Khans from Mengli-Giray Khan I to Mengli-Giray Khan II, i.e. from 871/1466 to 1150/1737. Transl. and prepared by A.K. Kazem-Bek]. Kazan, 1832. (In Ottoman Turkish)
10. Smirnov V.D. *Krymskoye khanstvo pod verkhovenstvom Ottomanskoy Porty do nachala XVIII v.* [The Crimean Khanate under the Rule of the Ottoman Porte before the beginning of the eighteenth century]. St. Petersburg: V Universitetskoy tipografii v Kazani, 1887. 768 p. (In Russian)
11. Togan I. Juchi khan i znachenije osady Khorezma kak simvoly zakonnosti [Jochi Khan and the Significance of the Siege of Khwarezm as the Symbols of Legality]. *Istochnikovedeniye istorii Ulusa Juchi (Zolotoy Ord)*. Ot Kalki do Asrakhani 1223–1556 [Sources' Study of the History of the Ulus of Jochi (Golden Horde). From Kalka to Astrakhan 1223–1556]. Kazan, 2001, pp. 146–187. (In Russian)
12. Turanly F.G. *Litopysni tvory M. Senayi ta G. Sultana yak istorychni jerela* [The Chronicles of M. Senayi and H. Sultan as Historical Sources]. Kyiv, 2000. 311 p. (In Ukrainian)

13. Usmanov M.A. *Tatarskiye istoricheskiye istochniki XVII–XVIII vv.* [The Tatar Historical Sources of the seventeenth and eighteenth centuries]. Kazan: Kazan State University Publ., [Publishing house of KSU], 1972. 223 p. (In Russian)
14. Ötemiş Haji. *Kara Tavarikh*. Transkriptsiya I.M. Mirgaleyeva, E.G. Sayfetdinovoy, Z.T. Khafizova; perevod na russkiy yazyk I.M. Mirgaleyeva, E.G. Sayfetdinovoy; obshchaya i nauchnaya redaktsiya I.M. Mirgaleyeva [Ötemiş Haji. *Qara Tavarikh*. Transcription by I.M. Mirgaleev, E.G. Sayfetdinova, Z.T. Khafizov; translation into Russian by I.M. Mirgaleev, E.G. Sayfetdinova; general and academic edition by I.M. Mirgaleev]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2017. 312 p. (In Russian & Tatar)
15. Khara-Davan E. *Chingis-khan kak polkovodets i yego naslediye* [Chinggis Khan as Commander and His Legacy]. Belgrade, 1929. 226 p. (In Russian)
16. Demir U. *Tarih-i Mehmed Giray (Değerlendirme-Çeviri metin): Yüksek lisans tezi* [Tarih-i Mehmed Gireya (Evaluation – Text-transliteration): Master Thesis]. Istanbul, 2006. 163 p. (In Turkish)
17. Senai z Krymu, Hadzy Mehmed. *Historia Chan Islam Gereja III*. Tekst turecki wydal, przelozyl i opracowal Zygmunt Abrahamowicz. Uzupełniający komentarz historyczny Olgierd Gorka i Zbigniew Wojcik pod redakcją Zbigniewa Wojcika [Haji Mehmed Senai from the Crimea. The History of Islam Giray III. The Turkish text was published, translated and prepared by Zygmunt Abrahamowicz. Supplementary commentary by Olgierd Gorka and Zbigniew Wojcik, edited by Zbigniew Wojcik]. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe [State Academic Publisher], 1971. 203 p. (In Polish)
18. Abdulla I. *Predki Gerayev: istoricheskiye versii i fakty* [The Ancestors of the Girays: Historical Versions and Facts] [Electronic resource]. Available at: <https://web.archive.org/web/20081016002844/http://turkolog.narod.ru/info/I139.htm>. (last accessed: 24.07.2019). (In Russian)
19. Abul Ghazi. *Rodoslovnoye drevo turkov* [The Genealogical Tree of the Tuks] [Electronic resource]. Available at: http://www.vostlit.info/Texts/rus6/Abulgazi_2/text31.htm. (last accessed: 24.07.2019). (In Russian)
20. Abdurrahman-i Tali. *Istoriya Abulfeyz-khana* [The History of Abulfeyz-Khan] [Electronic resource]. Available at: www.vostlit.info/Texts/rus5/Abulfeiz/text1.phtml. (last accessed: 24.07.2019). (In Russian)
21. *Zapisi genealogiy i pravleniy krymskikh khanov i krymskiye srednevekovyye istoricheskiye khroniki. Vostochnaya literatura* [The Records of Genealogies and Rules of the Crimean Khans and Crimean Medieval Historical Chronicles. Oriental Literature] [Electronic resource]. Available at: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XV/Let_krym_chan/text.phtml?id=7054. (last accessed: 24.07.2019). (In Russian)
22. *Zolotoordynskiy yarlyk: poisk i interpretatsiya* [Golden Horde's Yarlyks: Search and Interpretation] [Electronic resource]. Available at: www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Zolotoord/XIV/1380-1400/Grigorjev_1/text.phtml?id. (last accessed: 24.07.2019). (In Russian)
23. *Izbrannyye letopisi iz knigi pobed* [Selected Annals from the Book of Victories (“Tavarikh-i guzida-yi nusrat-name”)]. [Electronic resource]. Available at: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XVI/1500-1520/Istoriya_pobed/pred1.htm. (last accessed: 24.07.2019). (In Russian)
24. *Iz vvedeniya – obzora türskikh i mongolskikh plemen* [From the Introduction – Review of the Turkic and Mongolian Tribes]. [Electronic resource]. Available at: www.vostlit.info/Texts/rus16/Rasidaddin_6/text.phtml. (last accessed: 24.07.2019). (In Russian)
25. Lekomtsev V.A. *Dinasticheskiye problemy Zolotoy Ordy* [The Dynastic Problems of the Golden Horde]. [Electronic resource]. Available at: <https://pomnirod.ru/articles/drevnie-veka/valekomcev.html>. (last accessed: 24.07.2019). (In Russian)

26. *Proiskhozhdeniye imeni Chingis* [The Origin of the Chinggis' Name]. [Electronic resource]. Available at: <https://www.analizfamilii.ru/Chingis/proishozhdenie-imeni.html>. (last accessed: 24.07.2019). (In Russian)

27. Rashid al-Din. *Sbornik letopisey / «Jami at-tavarikh»* [Compendium of Chronicles / “Jami at-tavarikh”]. [Electronic resource]. Available at: http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Rasidaddin_2/framepred.htm. (last accessed: 24.07.2019). (In Russian)

About the author: Refat R. Abduzhemilev – Cand. Sci (Philology), Senior Researcher of the Research Institute of the Crimean Tatar philology, history and culture of ethnic groups of the Crimea, Crimean Engineering and Pedagogical Universit (8, Uchebnyy per., Simferopol 295015, Russian Federation); Junior Researcher of the Crimean Scientific Center of the Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences. E-mail: refatimus@gmail.com

Received July 24, 2019 Accepted for publication September 2, 2019

Published September 29, 2019

**«БОЛЬШАЯ ИГРА» В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ:
ТУЛЬСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ДЕВЛЕТ-ГИРЕЯ I ЛЕТОМ 1552 г.
И НАЧАЛО «ВОЙНЫ ДВУХ ЦАРЕЙ»**

В.В. Пенской¹, Т.М. Пенская²

^{1, 2} *Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Российская Федерация*

¹ *penskoy@bsu.edu.ru*

² *penskaya@bsu.edu.ru*

Цель: анализ геополитической ситуации, которая сложилась в Восточной Европе к середине XVI в., выявление и исследование причин, обусловивших эскалацию напряженности в русско-татарских (Крым, Казань, Ногайская Орда) отношениях и последующий переход от «холодной» войны к войне «горячей» между Русским государством и Крымским ханством.

Материалы исследования: комплекс документальных и нарративных исторических источников русского, литовского и турецкого происхождения, а также материалы исторических и источниковедческих исследований.

Результаты и научная новизна: история русско-крымских отношений, насчитывавшая не одно столетие, далеко не всегда была историей конфликта. На первых порах общность политических интересов обусловила сближение Москвы и Бахчисарая и формирование русско-крымского союза, который острием своим был направлен против Большой Орды и Великого княжества Литовского. Однако в начале XVI в. этот ситуативный, не имевший под собой прочной основы, союз распался и в отношениях между Россией и Крымом наметилась трещина, которая начала стремительно разрастаться. Причиной охлаждения отношений между двумя партнерами, как показывает анализ источников, стало несовпадение коренных политических и геополитических интересов Москвы и Бахчисарая. Крым не устраивало усиление России за счет Литвы, тогда как в русской столице с беспокойством наблюдали за попытками крымских Гиреев подчинить себе татарские юрты, возникшие на руинах Золотой Орды. В 40-х гг. XVI в. отношения между бывшими партнерами начали стремительно ухудшаться. С одной стороны, это было вызвано активизацией крымской имперской политики, которая стала возможной после прекращения долгой внутренней усобицы в Крыму. С другой стороны, возросшая активность Бахчисарая в Поволжье, переход Казани в сферу крымского влияния и взятие Астрахани привели к власти в Москве «партию войны», сделавшую ставку на военное решение накопившихся противоречий между Москвой и татарскими юртами. Столкновение интересов двух игроков в завязавшейся в Восточной Европе «Большой игре» привело к началу «Войны двух царей» – растянувшегося на четверть века русско-крымскому противостоянию, результатом которого стало радикальное изменение геополитического положения в регионе. Первые залпы в этой войне прозвучали в июне 1552 г. под окраинным форпостом России в Поле – городом Тула, куда со своим войском прибыл хан Девлет-Гирей, пытаясь оказать помощь Казани.

Ключевые слова: Восточная Европа, раннее Новое время, Русское государство, Крымское ханство, Казанское ханство, Ногайская Орда, Иван IV, Девлет-Гирей I, русско-татарские войны

Для цитирования: Пенской В.В., Пенская Т.М. «Большая игра» в Восточной Европе: тульская экспедиция Девлет-Гирея I летом 1552 г. и начало «Войны двух царей» // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 3. С. 524–544. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-3.524-544

**THE “GREAT GAME” IN EASTERN EUROPE:
THE TULA CAMPAIGN OF DEVLET-GIRAY I IN SUMMER 1552
AND THE BEGINNING OF THE “WAR OF THE TWO TSARS”**

V.V. Penskoy¹, T.M. Penskaya²

*^{1, 2} Belgorod State National Research University
Belgorod, Russian Federation*

¹ penskoy@bsu.edu.ru

² penskaya@bsu.edu.ru

Abstract: *Research objectives:* To study of the causes of the aggravation of Russian-Crimean relations in the middle of the sixteenth century and the beginning of the full-scale Russian-Crimean war of 1552–1577 (“The War of the Two Tsars”) in the context of international relations in Eastern Europe in the 1540–50s.

Research materials: A large collection of documentary and narrative sources of Russian, Lithuanian and Turkish origin (chronicles, *razryad* and ambassadorial books, act materials).

Results and novelty of the research: In June 1552, Crimean Khan Devlet-Giray I tried to capture the Russian border town of Tula. This campaign was the beginning of the 25-year undeclared Russian-Crimean War – the period of the most acute, “hot” confrontation between the Russian state and the Crimean Khanate. The war was the result of the accumulation of a critical mass of disagreements between Russia and the Crimea in the previous decades. Crimea was not enthusiastic about the strengthening of Moscow at the expense of the Grand Duchy of Lithuania, Moscow was against attempts to reestablish the Golden Horde under the control of the Crimean ruling dynasty. The impossibility of reconciling the fundamentally conflicting political interests of the two states led to a transition from an alliance at the beginning of the sixteenth century to open conflict in the middle of the century. The immediate reasons for the transition from the cold war to the hot war were the attempts of Crimea to establish its control over Kazan and Astrakhan and, subsequently, over the Nogai Horde. These actions met opposition from Moscow which began a war with Kazan in order to restore its influence there. The desire to support Kazan led to the campaign of Devlet Giray against Tula in the summer of 1552.

Keywords: Eastern Europe, Early Modern Times, Russian State, Crimean Khanate, Kazan Khanate, Nogai Horde, Ivan IV, Devlet-Giray I, Russian-Tatar wars

For citation: Penskoy V.V., Penskaya T.M. The “Great Game” in Eastern Europe: The Tula Campaign of Devlet-Giray I in Summer 1552 and the Beginning of the “War of the Two Tsars”. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 3, pp. 524–544. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-3.524-544

В июне 1552 г. под стенами Тульского кремля, возведенного к 1520 г., произошли события, которые имели весьма важное для последующей истории Восточной Европы значение. Грохот артиллерийской пальбы возвестил о начале «Войны двух царей» – русского Ивана IV и крымского Девлет-Гирея I, – конфликта, который растянулся на долгих двадцать пять лет и, по большому счету, коренным образом изменил политическую ситуацию в Восточной Европе.

В самом деле, эта необъявленная война (позднее крымский хан писал в Москву, что де «яз с тобою, братом своим, временем бранилися, а временем и мирились», предлагая смотреть на происходящие события как на нечто обыденное и вполне заурядное) оттянула на себя колоссальные ресурсы Русского государства. Знаменитая фраза из «Записок о Московии» С. Герберштейна, та самая, в которой говорилось о том, что московский государь «ежегодно по обычаю ставит караулы [в местностях около Танаиса и Оки] числом в двадцать тысяч для обуздания набегов и грабежей со стороны перекопских татар» [6, с. 241], в большей степени отражала реалии эпохи именно «Войны двух царей», нежели времен Василия III.

Действительно, в 3-й четверти XVI в. военное давление на Русское государство со стороны Крымского ханства достигло своего максимума. Характеризуя интенсивность татарских набегов на государеву Украину, А.В. Виноградов отмечал, что «сам хан возглавлял семь походов на Русское государство (1552, 1555, 1562, 1564, 1565, 1571, 1572 гг.) и участвовал в совместной с турками астраханской экспедиции 1569 г. Готовившиеся ханом крупные походы в 1556 и 1559 гг. не состоялись ... Пять нападений было совершено крымскими царевичами – сыновьями хана (1558, 1563, 1568, 1570, 1573 гг.), причем все они, кроме 1568 г., возглавлялись калгой (наследником хана – *В.П., Т.П.*) Мухаммед-Гиреем и осуществлялись либо с прямой санкции отца, либо при его явном одобрении» [4, с. 64]. И это были не смелые рейды немногих татарских удальцов за добычей на русское пограничье, а серьезные военные экспедиции, которые в случае успеха могли принести колоссальный урон (и в Москве, и в Крыму помнили о «крымском смерче» 1521 г., когда хан Мухаммед-Гирей I разбил русские полки под Коломной и опустошил русские уезды между Москвой и Рязанью).

Естественно, что в этих условиях внимание Москвы все больше и больше переключалось с западного направления на южное. Необходимость противостоять мощному давлению со стороны Крыма обусловила в конечном итоге неудачу России в войне за Ливонское наследство (Москве не хватило сил, чтобы закрепить за собой надолго результаты завоеваний в 1558–1563 гг.) и прекращение на длительное время русской экспансии на западном, «литовском» направлении. Однако взамен Россия существенно прирастила свои территории на юге, продвинувшись далеко на юг в Поле и отодвинув свои рубежи от критического в стратегическом отношении «Берега» на сотни верст.

Однако, пожалуй, самое главное заключалось даже не в этом. Итоги четвертьвекового противостояния Москвы и Крыма, в котором Иван Грозный сумел одержать верх по очкам над своим «братом», имели колоссальное гео-

политическое значение. Достигнув в самом начале 70-х гг. XVI в. апогея своей военной и политической мощи, Крым не сумел удержать занятые позиции. Имперский груз оказался слишком тяжел для него, и в попытке воссоздать Золотую Орду под своей эгидой он надорвался. На подмосковных холмах летом 1572 г. начался закат Крыма, не сумевшего установить контроль над осколками Золотой Орды, как «третьей силы» в борьбе за доминирование в Восточной Европе, и, соответственно, навсегда изменилась и расстановка сил в этом политическом театре.

Казалось бы, при таких раскладах историки не должны были обойти вниманием события 50-х – 70-х гг. XVI в., уделив им особое внимание, а заодно не оставив в стороне и самое начало этой войны – тульскую кампанию 1552 г., в ходе которой состоялась первая проба сил двух главных участников этого конфликта. Увы, этого сказать нельзя. И если дипломатическая история противостояния Ивана Грозного и Девлет-Гирея еще и более или менее изучена [см., например: 5], то о военной составляющей этого сказать никак нельзя. Если не считать небольшой статьи И.Б. Пинка и нескольких страниц, отведенных В.П. Загоровским под рассказ об этом эпизоде русско-крымского противостояния в своем труде об истории освоения центрального Черноземья русскими [см.: 8, с. 110–113; 21, с. 89–84. См. также: 20, с. 16–24], то, по большому счету, это и все. События внутривосточной борьбы в России, война в Ливонии и, в особенности, опричнина – все это затмило собой «Войну двух царей» и, тем более, события под Тулой в июне 1552 г. Следовательно, при таких раскладах есть смысл вернуться к этому вопросу и рассмотреть его заново, благо в нашем распоряжении есть необходимый минимум (хотя и несколько односторонний: в подавляющем большинстве – это взгляд с русской стороны) источников – как документальных, так и нарративных. Среди них в особенности выделяются русские летописи, такие, как Никоновская и Летописец начала царства (при их составлении книжники, судя по всему, активно использовали материалы царского архива и текущую документацию Разрядного приказа, в т.ч. и переписку с воеводами) [см., например: 10; 13; 14; 16], официальные и частные разрядные книги (которые, хотя и являлись в первую очередь местническими «справочниками» [см., например: 3, с. 73–74, 81–82], однако же, содержат в себе ценную информацию о структуре и составе царских ратей) [см.: 24; 25; 26], а также переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским и памфлет Курбского о царе Иване [см.: 12; 22].

В целом, до наших дней дошло достаточно источников (во всяком случае, больше, чем по отдельным другим эпизодам русской истории того времени – например, касательно учреждения опричнины), чтобы попробовать еще раз реконструировать события лета 1552 г. И начать стоит с их предыстории, которая корнями своими уходила во времена фактических создателей Русского и Крымского государств, Ивана III и Менгли-Гирея I. Два государя вступили в конце XV в. в ситуативный союз по принципу «Против кого дружить» и «Враг моего врага – мой друг». Русско-крымской коалиции противостоял другой союз – литовско-большеордынский, и совместное противостояние Великому княжеству Литовскому и Большой Орде предопределило сближение Москвы и Бахчисарая. Однако после того, как в начале XVI в.

Большая Орда распалась, а Великое Литовское княжество продемонстрировало под ударами Москвы, что его лучшая пора осталась в прошлом, необходимость в русско-крымском союзе отпала. Со смертью Ивана III Менгли-Гирей, а затем его наследник Мухаммед-Гирей I, начали дрейф от Москвы в сторону Литвы, пока, наконец, не сформировалась ось Бахчисарай–Вильно. И если в литовской столице рассматривали этот союз как средство противодействия экспансионистским планам Москвы на западном направлении, то для Крыма он был важен прежде всего как инструмент ослабления бывшего союзника. В Бахчисарае не могли не понимать, что политика крымских Гиреев, нацеленная на восстановление Золотой Орды под их эгидой не только не найдет понимания в русской столице, но, больше того, встретит скрытое или явное противодействие. Учитывая же особенности функционирования крымской государственности и традиционного кочевнического этоса (да еще и густо замешанного на религиозном противостоянии), составлявшего основу менталитета крымской элиты, то долго ждать перехода от войны холодной к войне горячей не приходилось.

Этот процесс занял 5 лет – с 1507 г., когда Менгли-Гирей пожаловал с царского плеча Сигизмунду I ярлык на княжение (а в ярлыке в том, среди прочих градов и весей с «люди, тмы, города и села, и дани и выходы, и з землями и з водами и с потоками», коими должен был обладать по царскому слову литовский князь, числилась и Тула с уездом [см., например: 15, с. 90]), по 1512 г., когда крымцы предприняли первую серьезную попытку прощупать на прочность южные рубежи Русского государства [см., например: 14, с. 15].

Серия набегов 1512 г. и большой (и неудачный) поход, предпринятый крымскими мурзами в 1517 г. [см., например: 14, с. 26], подтвердили своевременность мер, предпринимаемых Москвой с 1509–1511 гг., по укреплению южных рубежей. Они включали в себя не только постепенное выстраивание системы развертывания полков по «берегу» в местах, где была возможна переправа татарской конницы на северный берег Оки, но и создание системы крепостей-опорных пунктов, выдвинутых за Оку, в Поле. Одной из таких крепостей и стала Тула – сперва деревянная (с 1509 г.), а затем и каменная (возведение каменного тульского кремля было завершено в 1520 г. [см., например: 9, с. 157, 181]).

Мощный тульский кремль с многочисленной артиллерией и сильным гарнизоном внушил татарам должное почтение и уважением. Лишь дважды, в 1517 и 1533 гг., в окрестностях крепости объявлялись крупные татарские отряды [см., например: 14, с. 26; 25, с. 78]. Ни в 1521 г., когда в поход на Москву отправился сын и преемник Менгли-Гирея Мухаммед-Гирей I, ни в 1533 г., когда на «крымскую украину» выступили два царевича, Ислам-Гирей и Сафа-Гирей, ни в 1541 г., когда на Русь в «силе тяжце» двинулся сам «Великие орды великий царь силы находец и победитель» Сахиб-Гирей I – никто из них не рискнул пройти мимо Тулы на своем пути на север, к Оке. Однако к началу 50-х гг. XVI в. ситуация изменилась.

Изменилась она благодаря усилиям с двух сторон сразу. Крымский «царь» Сахиб-Гирей I, энергичный, целеустремленный и талантливый поли-

тик и военачальник, одолев своего племянника Ислам-Гирея и положив тем самым конец долгой крымской «замятне», наступившей после того, как в Астрахани ногаями был убит в 1523 г. его брат Мухаммед-Гирей, вернулся к идее воссоздания татарской «империи». Не без его поддержки на казанский престол взошел (и удержался на нем на несколько лет) его племянник Сафа-Гирей, никогда особо не скрывавший своей неприязни к Русскому государству. За Казанью, оказавшейся, таким образом, в сфере влияния Крыма, настал черед Астрахани. В 1546 г. в результате большой военной экспедиции Сахиб-Гирей взял город и разорил его, о чем с удовлетворением писал Ивану IV в декабре следующего, 1547 г. [см.: 14, с. 108–109; 32, р. 460].

Естественно, что эти действия Сахиб-Гирея (который к тому же сам в 1541 г. явился на «берег» во главе многочисленного войска) не могли не встретить в Москве враждебного отношения. Угроза со стороны воинственного крымского «царя» содействовала сближению Русского государства и Ногайской Орды, правящая верхушка которой чрезвычайно болезненно восприняла рейд Сахиб-Гирея на Астрахань и его попытки забрать Казань под свое крыло.

Москва не ограничилась попытками установить более близкие и, в перспективе, союзнические отношения с ногаями. Дворцовый переворот в Казани и приход к власти там Сафа-Гирея по вполне понятным причинам не мог вызвать одобрения в русской столице и там чуть ли сразу после перемены на казанском престоле решили восстановить status quo. Вмешательство Сахиб-Гирея вынудило Москву на время отказаться от планов казанского похода, а потом борьба за власть и дворцовые неурядицы и вовсе вынудили отложить эту идею, казалось, в долгий ящик.

Однако очередная перемена во власти в Москве, поражение «партии» Бельских и приход к власти «партии» Шуйских, изменила не только расстановку политических сил при дворе юного Ивана IV, но и, судя по всему, поспособствовала к активизации русской политики на казанском направлении. Складывается впечатление, что генеральный внешнеполитический курс по отношению к Казани с середины 40-х гг. XVI в. стала определять «партия войны», одним из предводителей (и, во всяком случае, идейным и духовным вдохновителем) ее был митрополит Макарий. Идеолог бескомпромиссной борьбы с агарянами-татарами и казанцами в первую очередь, он настаивал на своего рода «крестовом» походе против басурман, благо они регулярно доставляли поводы для неудовольствия и желания ответить ударом на удар в отместку за постоянные набеги [о роли Макария и его единомышленников в начале войны с Казанью см., например: 28, с. 327–346; 31, с. 212–224]. Любопытно сравнить гневные филиппики Макария с пассажами из «Казанского летописца», живописующими воистину апокалиптические картины вторжений казанцев – по мнению составителя повести последствия их набегов хуже, чем результаты нашествия Батыя [10, стб. 44, 46–47]. И вот в 1545 г. юный государь послал на Казань «в судех полою водою воевод князя Семена Ивановича Микулинского с товарищи из Нижнева Новагорода», а с Вятки на Казань же «полою же водою» с вятчанами воевода князь Василий Серебря-

ный-Оболенский со товарищи [25, с. 109]. Очередная русско-казанская война, ставшая роковой для татарского юрта, началась.

А теперь несколько примечательных фактов. Вскоре после того, как Москва начала очередную казанскую войну, в русской столице объявляется саксонский авантюрист Г. Шлитте с отличными рекомендациями от прусского герцога Альбрехта. После переговоров с московскими дипломатами он отъезжает в Вену с посланием Ивана IV, в котором содержалось предложение императору Карлу V заключить антиосманский союз (напрашивается предположение, что в Москве принимали во внимание возможное вмешательство Турции в борьбу с Казанью и Крымом и считали необходимым попробовать заручиться поддержкой Священной Римской империи на этот случай). В следующем, 1547 г., Стамбул пролонгирует мирный договор с Краковом. Спустя еще год император Священной Римской империи Карл V разрешает Шлитте набирать мастеров и специалистов для работы на московского великого князя и разрешает снять все препоны на пути торговли с Россией стратегическими материалами и оружием (более того, судя по всему, даже рассматривался вопрос о наборе на русскую службу 5,5-тыс. корпуса наемников, конных и пеших [о миссии Шлитте см., например: 27, с. 7–29; 29, с. 132–148]). Еще через год, в 1549 г., Москва продлевает перемирие с Великим княжеством Литовским. При этом, что любопытно, при обсуждении вопроса о продлении перемирия московские бояре приговорили отложить разрешение литовского вопроса, пока не будут разрешены вопросы казанский и крымский – поворот во внешней политике Русского государства более чем примечательный [19, с. 278, 291–292], ибо со времен Ивана III литовское направление считалось главным. В это же время иранский шах Тахмасп I (с которым турки воевали с 1548 г.) начинает осторожный зондаж на предмет заключения соглашения с Москвой, а турки столь же осторожно начинают прощупывать настроения ногаев.

Стоит ли после этого удивляться, что при активном участии и поддержке Стамбула в Крыму происходит дворцовый переворот, и слишком независимый и стремившийся вести свою игру Сахиб-Гирей был свергнут с престола и убит со всей своей семьей. Новым ханом был провозглашен Девлет-Гирей I, долгое время обретавшийся при султанском дворе. Он получил от Сулеймана I четкие и недвусмысленные указания – «поскольку вы обладаете разнообразными сведениями и познаниями обо всех делах, касающихся этих областей – как Астрахани, так и ногаев и Московии, все связанные с этими землями дела препоручены [нами] вашему ясному разумению». И далее падишах недвусмысленно указывал новопосаженному крымскому «царю»: «Примите все необходимые меры, касающиеся дел в Астрахани, [дабы] враги веры не познали победы, и [эта область] была охраняема и защищена от презренных неверных» [7, с. 103, 104]. Более того, весной 1551 г., сразу после переворота в Крыму, в Ногайской Орде объявился новый османский посол, Ахмед-чауш, и не один, а вместе с крымским и астраханским послами [18, с. 295], причем крымский посол прибыл не с пустыми руками, а с «великими поминками», адресованными ногайскому бию [23, с. 56]. На радостях бий Юсуф поторопился отписать в Москву,

что де прежнего крымского «царя» не стало, а «на его место иной царь учинился. И тот царь с нами в дружбе и в братстве учинился». Брат же Юсуфа и его враг, нурадин Исмаил, добавил к этому, что Ахмед-чауш предложил Юсуфу и ему, Исмаилу, «содиначиться» с турками, крымцами, казанцами и астраханцами и воевать русские земли [18, с. 225, 227–228].

Складывается впечатление, что в Восточной Европе завязалась «Большая игра», и османский султан, наблюдая за изменением ситуации в регионе, считал опасным для себя дальнейшее развитие событий в таком русле и решил вмешаться. Однако, связанный по рукам и ногам проблемами в отношениях с Ираном, Священной Римской Империей и Испанией, он решил прибегнуть к «стратегии не прямых действий». замысел Стамбула заключался в том, чтобы не дать Москве реализовать свои великодержавные планы и стравить ее с татарскими юртами, связав тем самым по рукам и ногам и обезопасив себя от угрозы (уже в который раз) создания антиосманской лиги с участием России и польско-литовского государства. Главную роль в этом плане должен был сыграть Крым, а чтобы прочнее пристегнуть его к своей колеснице, Сулейман решил сменить хана на крымском столе. Новый же «царь», имея перед глазами пример своего предшественника, должен был стать послушным орудием в султанских руках.

Тем временем события вокруг Казани разворачивались самым драматическим образом. Два больших зимних похода, предпринятых против казанцев Иваном IV в 1547/1548 и 1549/1550 гг., не имели успеха. Однако, несмотря на неудачу, решимость русского царя произвела на правящие круги Казани необходимый эффект, тем более что Сафа-Гирей в начале марта 1549 г. скоропостижно скончался. Ожесточенная политическая борьба между сторонниками ориентации на Москву и на Крым закончилась тем, что победила первая «партия», которая и пригласила в Казань вассала московского государя, касимовского «царя» Шах-Али, который прежде уже успел посидеть некоторое время на казанском троне.

Увы, Шах-Али (Шигалей русских летописей) был, судя по отзывам современников (как писал С. Герберштейн, «глубокая ненависть, которую испытывали к нему подданные, усугублялась его безобразным хилым телосложением: у него было огромное брюхо, редкая бородка и женоподобное лицо – свидетельство того, что он совершенно не способен воевать» [6, с. 413]), весьма несимпатичной личностью и так и не смог снискать симпатий казанцев, да и среди русских он также не пользовался уважением и почтением, «понеже велие тело имяше и не могы скоро на конех ездити; розумичен же царь преизлише, – с издевкой писал летописец, – но нехрабр сый на ратех и дружине своей неподатлив...» [14, с. 187]. Так и не сумев побороть оппозицию (не помогла даже резня, устроенная Шах-Али с помощью московских стрельцов его личной охраны среди казанских аристократов), в начале марта 1552 г. незадачливый казанский «царь» бежал из Казани, прихватив с собой в качестве заложников нескольких влиятельных казанских «князей» и мурз.

В Москве восприняли весть о бегстве казанского «царя» спокойно – к этому времени уже шли переговоры с представителями казанской элиты об установлении личной унии двух государств, начатые по инициативе казан-

цев. Эти негоциации, казалось, достигли успеха. «Лутчие» казанские люди, изрядно прореженные Шах-Али, «государеву жалованью радовались» и были готовы «дать правду», присягнуть на верность Ивану IV как своему государю, равно как и «достальные» казанские люди. Остались формальности – и московский наместник, князь С.И. Микулинский со товарищи, уже отправился было к новому месту службы, отпустив вперед себя по их просьбе казанских «князей» Ислама и Кебека вместе с мурзой Алике Нарыковым. Однако, явившись в город, они ошеломили встретивших было их казанцев вестью, что де едущие за ними царские воеводы намерены город разорить, а его жителей всех побить. Новость, сообщенная приехавшими татарскими аристократами, произвела эффект взорвавшейся бомбы, казанские «люди замешались..., иные на себя доспех кладут» [16, с. 492]. Попытки Микулинского договориться с казанской элитой не имели успеха – казанские «лутчие люди» не пошли на соглашение. Уния была сорвана, русские воеводы повернули назад, в воздвигнутую годом ранее на непосредственных подступах к Казани крепость Свияжск. С этого момента новая война стала неизбежна.

Почему «лучшие» казанские люди вдруг передумали и отказались довести до конца начатое дело? Ведь соглашение с Москвой не только гарантировало Казани самую широкую автономию (что признавал, к примеру, весьма протатарски настроенный М.Г. Худяков [30, с. 141]), но еще более важно, раз и навсегда снимал угрозу опустошительных московских походов. Вся предыдущая история русско-казанских войн показывала со всей очевидностью уязвимость Казани от русских ударов, а отдельные неудачи русских полков под стенами татарской столицы, казалось, только стимулировали стремление московских государей взять реванш и добиться своего. И можно было не сомневаться в том, что неудачи 1548 и 1550 гг. отнюдь не отвратят молодого Ивана IV и его советников от намерения добиться своей цели и обезопасить себя с казанской стороны.

Если верить русским летописям, то выходит, что причиной казанской перемены стали слухи, распускаемые князьями Исламом, Кебеком и мурзой Алике Нарыковым, что городецкие татары и сам Шах-Али якобы обещали «побить» всех изменивших «царю» казанцев [см., например: 2, с. 170]. Однако возникает вполне закономерный вопрос – на самом деле, мог ли Шах-Али реализовать эти свои намерения, пойти против царской воли и царского слова? И поскольку ответ на этот вопрос будет однозначно отрицательным, то напрашивается предположение, что здесь не обошлось без влияния «третьей силы». Учитывая тесные связи казанской аристократии с ногаями, восторженный прием, который ожидал турецких послов у бия Юсуфа, и активные контакты последнего с эмиссарами нового крымского «царя», есть все основания предположить, что решающую роль в перевороте сыграла ногайская интрига. И если добавить к этому тот факт, что пришедшая к власти в Казани после переворота «партия войны» с Москвой отправила гонцов за помощью к ногаям, и эта помощь была ею получена [2, с. 171, 173], то мозаика окончательно складывается. Мартовский 1552 г. переворот в Казани стал возможен потому, что казанские «князья» и мурзы положились на обещания помощи со

стороны бия Юсуфа (а он в послании Ивану IV похвалялся, что у него одной только «писмянной рати» 300 тыс. человек, не считая войска, которое могли выставить 8 его сыновей [23, с. 73]).

С таким могущественным союзником Москва, казалось, была не страшна, а ведь не стоит забывать еще и о позиции Крыма (за спиной которого стоял Стамбул). В этой связи стоит заметить, что великий князь литовский Сигизмунд II знал о крымских военных приготовлениях весной 1552 г. и в мае разослал пограничным наместникам и старостам предупреждение о том, что крымский хан намерен совершить набег на литовское пограничье [см., например: 33, р. 102]. И в Москве, планируя кампанию 1552 г., исходили из весьма высокой вероятности совместного выступления крымцев и ногаев [см., например: 2, с. 171]. В конечном итоге там было принято следующее решение: «А се приговор царя и великого князя, как ему итти на свое дело и на земское х Казани и как ему дела своего беречи от своего недруга, от крымскаго царя. Самому царю и великому князю, аже даст бог, итти на свое дело и на земское с Москвы на Коломну в первой четверг, заговев Петрова поста, июня 16 день; и пришед ему на Коломну, с людьми збиратися, которым велено быти на Коломне, и ждати из Крыму вести. И будут про царя крымского полные вести, что ему на царевы и великого князя украины не быти, и царю и великому князю, положи упование на бога, итти на свое дело с Коломны х Казани часа того. А не будет вести про крымского царя до Петрова дни, и царю и великому князю, положи упование на бога, итти с Коломны х Казани с Петрова дни; а итти ему с Коломны в Муром, а из Мурома итти полем» [25, с. 135].

Сопоставив все эти сведения, можно с уверенностью предположить, что в старой борьбе «партий», «промосковской» и «прокрымской», в Казани верх одержали сторонники конфронтации, рассчитывая на помощь и поддержку со стороны Ногайской Орды и Крыма. Роковое решение было принято, и разъяренный казанской изменой Иван IV, чьи воинственные настроения подогревались митрополитом Макарием и его сторонниками в церкви и в боярской думе, начал готовиться к 3-му походу на Казань.

Обстановка весной 1552 г. менялась с завидным постоянством, потому и разрядные росписи переписывались, и не раз. К тому же, в отличие от того же Полоцкого или Ливонского походов Ивана Грозного 1577 г., подробной росписи/походного дневника казанской кампании 1552 г. не сохранилось. Однако, опираясь на материалы официального летописания и скудные материалы разрядов, можно реконструировать первоначальную русскую диспозицию кампании 1552 г. и ее последующие перемены.

Прежде всего стоит заметить, что значительные силы были собраны в городе на Свияге – в разрядных книгах отмечалось, что еще в апреле 1551 г. «послал царь и великий князь в Свияжской город на годованье бояр своих и воевод боярина князя Петра Ивановича Шуйсково, боярина Семена Костентиновича Заболоцково, да воевод послал князя Дмитрея Михайловича Жижемсково, Бориса Ивановича Салтыкова, князя Григорья Голову князь Петрова сына Звенигородцково» с детьми боярскими, стрельцами и казаками [см., например: 14, с. 178; 26, с. 407]. Затем, уже в апреле 1552 г., когда стала очевидной невозможность урегулирования казанского кризиса мирным путем, Иван «отпустил»

«воевод в судех на Свягу и велел дела своего беречь и себя государя дожидатца бояр и воевод князя Александра Борисовича Горбатого да князя Петра Ивановича Шуйского и иных воевод». Вместе с ними в Свяжский городок был отправлен также «наряд» (т.е. артиллерийский парк для возможной осады Казани) и припасы [14, с. 178]. Еще один полк (дети боярские и стрельцы) во главе с князем М.В. Глинским и окольным И.М. Умным-Колычевым был отправлен на Каму, а на усиление к ним собирались ратные люди в Вятской и Устюжской землях под началом воевод Паука Заболотского и Г. Сукина [2, с. 172]. Туда же, под Казань, в Муроме собиралась 3-полковая конная рать воевод князей В.С. Серебряного и Д.Ф. Палецкого. Ее должны были составить дети боярские «московских» городов (т.е. главным образом служилых корпораций уездов к востоку от Москвы). Одним словом, против Казани готовилась выступить едва ли не половина (а то и более) ратных людей, которыми располагал молодой русский царь. Сам же Иван со своим двором, выборными (т.е. лучшими) детьми боярскими и ратниками «далних городов, Новагорода Великого и других городов» (очевидно, что в данном случае речь шла о детях боярских северо-западных городов, «силе тверской и новгородской»), готовился выступить на «берег» [2, с. 180; 14, с. 178]. Здесь, в Коломне, развертывалась 5-полковая рать во главе с воеводами князьями И.Ф. Мстиславским и М.И. Воротынским и под Калугой 3-полковая с воеводой князем Ю.И. Темкиным-Ростовским (не считая, конечно, воевод с гарнизонами в «украинных» городах – Туле, Пронске, Мценске и других) [26, с. 413–414]. В Поле снова были посланы сторожи и заставы, а воеводы украинских городов получили соответствующие предупреждения и указы «доведыватися про крымского царя полных вестей» [1, с. 485].

Однако эта роспись, судя по всему, просуществовала недолго (до 21-го мая 1552? В «Летописце начала царства» сообщение о новом «розрядстве воеводском» стоит после сообщения о послании митрополита Макария Ивану, датированном 21-м мая [13, с. 78]). 19 мая в Путивль из Черкас прибыл гонец, Труфан Тинков, который сообщил тамошнему воеводе князю Ф.И. Кашину, что крымский «царь», по словам литовского черкасского наместника-державца Ивана Хрщоновича, выступил в поход, но куда – пока неизвестно [1, с. 222]. Кстати, хан жаловался позднее Сигизмунду II Августу на черкасского державцу, что тот послал своего человека к «московскому», которого человека его сторожи и поймали [11, с. 63].

Эта весть вызвала перемены в росписи полков. Вскоре муромская рать была расписана на три полка. Точно так же заново была расписана и государственная рать, с которой он должен был собраться в Коломне – а оттуда, по ситуации, или к Казани, или на «прямое дело» с крымским «царем». Теперь коломенская рать включала в себя обычные пять полков, которые должны были выдвинуться на «берег» и надежно перекрыть важнейшие «перелазы» через Оку – Большой под водительством князей И.Ф. Мстиславского и М.И. Воротынского, Передовой полк князей И.И. Проннского Д.И. Хилкова, полк Правой руки во главе с князьями П.М. Щенятева и А.М. Курбского, полкилевой руки (воеводы князь Д.И. Микулинский и Д.М. Плещеев) и Сто-

рожевой (князя Д.И. Немой-Оболенский и М.И. Вороной-Волынский), ну и, само собой, государев полк [25, с. 135–136].

Эта рать насчитывала, по нашим подсчетам, без учета двора удельного князя Владимира Андреевича Старицкого и митрополичих людей (?), не более 15–16 тыс. конных ратных людей (снова – без учета обозных, пеших, и, возможно, некоторого количества стрельцов и казаков, посаженных на-конь для увеличения скорости передвижения). И, в таком случае, Иван Грозный не так уж и был неправ, когда писал Курбскому в ответе на первое послание князя, что с ним тогда было «пятнадцать тысяч» [22, с. 47].

Из летописей и разрядных записей не совсем ясно, где изначально собиралась рать «противу крымского царя». Однако логичным было бы предположить, что Государев полк все же съезжался на Москве, чтобы оттуда во главе с самим царем идти на Коломну или в иное другое место на «берегу» навстречу хану, а вот дети боярские «далних городов» должны были собираться в городах по Оке согласно расписанию. Большой полк собирался на Коломне (во всяком случае, часть его во главе с князем М.И. Воротынским стояла в начале июня 1552 г. в Колычево – большом селе под Коломной, а ныне это городской район), под Ростиславлем, заброшенным городищем на Оке (там, куда приходил в 1541 г. предыдущий крымский «царь» Сахиб-Гирей) разместился Передовой полк. Полк же Правой руки разбил свои шатры и палатки под Каширой [13, с. 83].

16-го июня 1552 г., «в четверток первая недели петрова поста», простившись с царицей, помолвившись в Успенском соборе и получив благословление у митрополита Макария, Иван IV всел на коня и во главе своего двора двинулся сперва в село свое Коломенское, где сделал первый привал. Оттуда царь двинулся в другое село, Остров, где предполагалось встать на ночлег.

Но по пути туда царские планы поменялись. По пути в Остров «пригонял ис Путимля станичник Ивашко Стрелник от Адары от Волжец (надо полагать, станичный голова – В.П., Т.П.), а сказывает, что иду многие люди Крымские к украине государевое, а того неведомо, царь ли или царевич, а уже Донец Северецкой перелезли...» [13, с. 80]. Новость, что и говорить, была тревожная, но ожидаемая, и Иван решил не останавливаться в Острове, а свернул прямо на Коломну, отписав своему двоюродному брату, с которым собирался встретиться в Острове, чтобы тот со своим двором следовал за ним [13, с. 80].

19 июня 1552 г., в воскресенье, Иван прибыл в Коломну. Здесь его уже ждал станичный атаман Айдар Волжин (тот самый, от которого накануне прискакал гонец – В.П.), который сообщил государю, что «идут многие люди Крымские, а чают их на Резань и х Коломне, а иные украини государевы проходят». Однако кто был во главе надвигающегося татарского «смерча», сам ли «царь» Девлет-Гирей или же кто-либо из его сыновей – пока оставалось неведомо [14, с. 187]. Взять «языков» и допросить их с пристрастием у станичников все никак не получалось.

Тревожные вести, доставленные с Поля, привели в действие колеса московской военной машины. На военном совете было принято решение разослать собравшиеся полки к месту главных «перелазов» через Оку с тем, что-

бы неприятель не подступил к ним внезапно и не переправился прежде, чем его встретят русские ратники. Большой полк оставался под Коломной, в лагере под селом Колычево, Передовой полк двинулся на Ростиславль, а полк Левой руки – на Голутвино [16, с. 502]. Сам же Иван отдал распоряжение «в своем полку воеводам, бояром своим князю Володимеру Ивановичю и Ивану, да разсмотрят в его полку всех воинов да велят приготовиться на брань». Аналогичный наказ провести смотр своих ратников и готовиться к походу и к бою был передан князю И.Ф. Мстиславскому со товарищи и воеводам Сторожевского полка. Тогда же ратным было направлено царское слово с обещанием царского же жалования и с ободрением [13, с. 82].

Отдав эти распоряжения, Иван поехал с братом и с немногочисленной, но блестящей свитой, к Оке на рекогносцировку, «разсмотрити» «место, да како совокупити воя и сотворити ополченная противу безбожных». Вернувшись в Коломну, Иван принял воевод, отчитавшихся ему по итогам проведенного смотра, и отправил челобитье митрополиту Макарию, в котором писал, что он и его воинство, собравшись на Коломне, ждут неприятеля, надвигающегося на Русскую землю, и готовы встретить незваных гостей достойно. Митрополит же и епископы, и все освященный собор, писал Иван, должны молить Бога и Пречистую Богородицу, чтобы милосердный Господь «вашими святыми молитвами не помянул нашего согрешения пред собою, не предад бы нас иноплеменикам, дал бы нам бог мужество и храбрость и целомудрие и единосогласие всем православным...» [13, с. 82].

Спустя пару дней, 21 июня, «пригонил ко государю гонец из Тулы» с новыми вестями о неприятеле. По его словам, татары объявились под Тулой и подступили к самому городу, «а чают царевича и не со многими людьми» [13, с. 83]. Туман войны начал постепенно рассеиваться, и Иван с боярами приговорил отправить навстречу неприятелю полк Правой руки из Каширы, Передовой полк с Ростиславля и половину Большого полка во главе с воеводой князем М.И. Воротынским из-под Колычево. Сам же государь с остальными силами начал готовиться к выступлению на утро следующего дня [13, с. 83]. Вечером того же дня из Тулы прискакал еще один вестник, который сообщил, что де «пришли немногие люди (крымцы – *В.П.*) семь тысяч, воевав да поворотили». Обеспокоенный Иван послал к отправленным на помощь тулянам воеводам наказ «наспех идти» и его, Ивана, извещать обо всех новостях о неприятеле и его перемещениях, «наперед себя посылати доведыватися, многие ли люди и мочно ли их дойти» [13, с. 83].

Утром в четверг 23 июня «государю за столом сядящу» «пригонил» от тульского воеводы князя Григория Темкина новый гонец с вестью, «что царь пришел и приступает к Туле, а иные многие люди воюют, а наряд с ним многи и многие янычене Турского...» [13, с. 83]. Это известие было, что и говорить, весьма тревожное. Если накануне еще и оставались надежды, что дело обойдется малой кровью – царевич же не со многими людьми пришел, не сам царь, то теперь эти надежды рассеялись. Под Тулу явился сам крымский «царь» «в силе тяжце», со всеми своими людьми, со своим двором и «гвардией» и с артиллерией-нарядом (уже упоминавшийся прежде Труфан Тинков

сообщал, что хан взял с собой в поход 18 артиллерийских орудий [1, с. 222]), и вдобавок еще с помочными «турскими енычанами» (скорее всего, тут речь в первую очередь шла о набранных из числа христиан-подданных султана, готов и греков прежде всего, живших на южном берегу Крыма, пехотинцах [см., например: 7, с. 124], и лишь отчасти от сопровождавших хана в качестве почетного эскорта а при необходимости – и конвоя, султанских янычарах и аркебузировах из гарнизонов турецких крепостей южного же берега Крыма). Значительность прибывших с «царем» сил подтверждало и известие о том, что лишь часть татар осаждала город, тогда как большинство их рассеялось по тульской округе, занявшись грабежом, захватом пленников и поджогами.

Но вернемся обратно в утро 23 июня. Узнав о появлении под Тулой главных сил татарского войска во главе с самим ханом, Иван, не закончив трапезовать, отправился в церковь, как и подобает благочестивому православному царю, наказав перед этим воеводам Государева полка собирать войска на смотр перед выступлением в поход. Князь же И.Ф. Мстиславский и воеводы полка Левоу руки получили от него наказ «перед собою спешити и реку Оку возитися» [13, с. 83]. Помолившись же, Иван и его свита всели на конь и поспешили к месту сбора Государева полка. «И собрася полк великого государя столь множество, но и поля Коломенские их не вмещаху, – с гордостью за православного царя и его воинство писал летописец, – бывые же со государем многие люди, которые во многих ратех бывали и множество людей видали, а столь величеству полка не видали» [13, с. 83].

После смотра Иван во главе своего войска выступил в поход. К вечеру того же дня он был уже под Каширой, где для него и его людей уже подготовили переправу – незадолго до этого через реку уже переправились князь Мстиславский со товарищи и ждали государя на другом, правом берегу реки. И в это самое время прибыл новый гонец, Григорий Сухотин, из-под Тулы со свежими вестями. В своей «отписке» князь Темкин сообщал государю, как было дело. Оказывается, что действительно, в эти дни под Тулу «приходил царь Крымской Девлет-Кирей и з сыном с своим, а с ним все Крымцы и Турского многие люди, Турки и янычене, и войско с ними было великое». Наперед себя «царь» прислал «изгоном» 7 тыс. всадников, однако у них не вышло неожиданно атаковать Тулу, и, обнаружив неприятеля, Темкин послал во вторник 21-го июня весть в Коломну о том, что де пришли неприятели в малом числе. Однако рано утром («в первом часу дни») 22-го июня к Туле подступил с главными силами своей рати сам Девлет-Гирей «да приступал день весь и из пушек бил по городу и вогненными ядрами и стрелами стрелял на город и во многих местех дворы в городе загорелися (грамотное решение – каким бы устаревшим замком не была Тула, тем не менее, ее кирпичные стены и башни представляли серьезное препятствие для легкой татарской артиллерии. А вот учинить в городе-крепости пожары, отвлечь на их тушение людей со стен – совсем другое дело, вполне достижимое и достаточно эффективное – В.П., Т.П.)...» [13, с. 83].

Многочисленные пожары в Туле стали сигналом к началу общего штурма города – хан послал на приступ свою пехоту. И хотя ее было немного (по опыту этого и других, последующих походов Сахиб-Гирей и самого Девлет-

Гирея [см., например: 32, р. 459–460], вряд ли больше тысячи – *В.П., Т.П.*), тем не менее, по словам Темкина, штурм удалось отразить только чудом – благодаря всеобщей молитве Господу и Пречистой Богородице и великими чудотворцам. Но если отставить эту ритуальную фразу в сторону, то из послания князя ясно, почему туляне были вынуждены надеяться на чудо – хан «безвестно пришел к Туле, уже был прошел Тульские украины и люди были воинские поехали к государю». Выходит, что на Туле не ждали татар – разведка донесла, что неприятель уже миновал тульские пределы и двигался (как мы видели выше из донесений станичников) к Коломне, а затем вдруг повернул обратно и неожиданно оказался под стенами тульского кремля.

Отбитый 22 июня штурм не охладил пыла Девлет-Гирея. Из воеводской отписки следовало, что «на утро же в четверток хотяше нечестивый хотение свое совершити, видя люди немногие во граде веляше ко граду приступати с пушками и пищальми». Однако, как следовало из воеводского сообщения, в этот момент, когда татары возобновили обстрел города и готовились снова идти на приступ, в город пришла весть, что на помощь идут государевы воеводы, а вестники со стен сообщили, что да, действительно, на горизонте показали облака пыли, «возходящу до небеса, от великого князя люди» [13, с. 84].

Ободренные этой вестью, туляне «устремишася вси на безбожных и изидоша из града не токмо воеводы и воины и вси мужи и жены, восприимше мужескую храбрость, и молодые дети, и многих Татар под градом побил, и царева шурина убиша князя Камъбирдея и наряд пушешной, ядра и стрелы и зелие многое на разорение градное привезено взяша православнии» [13, с. 84]. Правда, сам Григорий Сухотин заявил, что когда Темкин послал его к государю, воеводы до города еще не дошли, и он встретил их на марше – но не тех, которых отправил Иван, а пронского воеводу князя Михаила Репнина и михайловского Федора Салтыкова с немногими людьми.

Вести, привезенные Сухотиным, сняли растущее час от часу напряжение. Иван приказал разбить под Каширой бивуак, переночевать, а с утра 24 июня двинуться в «дальний поход» в погоню за крымским «царем». Однако утром к царю прибыл гонец, Бебех Глебов, от посланных накануне на помощь тулянам воевод. Он доставил воеводскую «отписку», которая как будто стала последним кусочком мозаики. Согласно «отписке» выходило, что Девлет-Гирей ушел от Тулы за три часа до прибытия к месту событий воевод Большого, Правой руки и Передового полков, не предупредив своих людей, которые были ранее разосланы «в загонех» разорять тульские окрестности. Таких татар было, по свидетельству князя А. Курбского, треть от всего татарского воинства [12, с. 30]. «И воеводы божием милосердием и государевым счастьем – сообщал дальше Бебех, – побил многих людей и многих живых поимали и полон многи отполонили» [13, с. 84]. Курбский, вспоминая впоследствии об этих событиях, писал, что русские воеводы, выйдя утром 23 июня к Туле и разбив бивуак на месте ханского лагеря, вскоре столкнулись с возвращающимися с охоты татарскими загонами. Для последних, не ожидавших увидеть русских, вид изготовившихся к битве русских полков оказался неприятным сюрпризом. Однако командовавший татарами Ак-Мухаммед-улан

не растерялся и вступил в бой, который длился полтора часа и окончился победой русских. Правда, потом в своем послании Курбскому Иван Грозный писал, что воеводы, вместо того, чтобы добить неприятеля, «поехасте ясти и пити к воеводе нашему, ко князю Григорию Темкину, и едчи пойдосте за ними, они же от вас отъидоша здравы» [22, с. 56]. Выходит, что опрокинув немногочисленных татарских застрельщиков, воеводы посчитали дело выполненным и, отправив за бегущими неприятелями «резвых людей», сами с чувством исполненного долга отправились праздновать вместе с Темкиным снятие осады и чудесное спасение Тулы.

Так или иначе, но бежавшие от Тулы татары нагнали ушедшего вперед хана на реке Шиворони и сообщили ему о приближении главных сил царского воинства. Стремясь как можно скорее оторваться от новой угрозы, «царь побежал, телеги пометал и вельбуды многие порезал, а иные живы пометал» [13, с. 84].

Взятые «языки» на допросе с пытки показали, что их «царь» пошел было на Русь, рассчитывая, что Иван IV со своим войском отправился на Казань, однако на пути к Рязани татарам удалось взять в плен нескольких станичников, которые показали, что де «велики государь на Коломне, а ждет царя, а хочет с ним за православие прямое дело делати». Узнав об этом, хан повернул было назад, но его советники отговорили от такого решения, заявив (надо полагать, отражая мнение немалой части татарского войска, выступившего в поход в расчете на богатую добычу), что де «есть у великого князя град Тула на Поле, а от Коломны за великими крепостьми и лесы и далеко от Коломны, и ты учинишь тому, что и в Литве Бряславлю...» [13, с. 84]. Но, как показали дальнейшие события, расчеты и хана, и его советников не оправдались. Тула устояла, а известия, принесенные татарскими сторожами о том, что сам Иван идет на помощь осажденным, побудили хана снять осаду и отступить. При этом, если верить воспоминаниям Курбского, переправляясь через три реки, «дела (пушки – В.П., Т.П.) некоторые и кули (ядра – В.П., Т.П.) потопил, и порохов и верблюдов отбеже...» [12, с. 30].

Пленные также рассказали о том, что хан намерен явиться на Северщину и под Путивль (почему Иван IV поспешил оповестить о том путивльского воеводу и его товарищей). И еще они поведали, что на своем пути к Оке хан оставил свой кош с людьми, которые «истомные собою и конми», на тульской украине, на Ишине реке (на Кшени?) между Донцом и Осколом [1, с. 223]. 27 июня 1552 г. Иван наказывал путивльскому воеводе, что по его указанию в Поле сыскивать тех «остальных» татарских людей и кош были посланы многие воеводы и головы, и что Кашину и его товарищам должно было с теми воеводами и головами обослаться и, соединившись, «дела нашего беречи, сколько вам Бог поможет», особенно на тот случай, если хан действительно решить взять реванш за тульскую неудачу и пойдет на Путивль. Сам же царь, говорилось в наказе, стоит на Кашире и ждет от посланных в Поле воевод вестей, равно как и другие украинные воеводы [1, с. 224–225].

Однако все эти предосторожности не понадобились. 30 июня посланные вдогонку за ханом воеводы донесли царю, что, по словам станичников, «царь (Девлет-Гирей – В.П., Т.П.) пошел невозвратным путем» и «великим спехом

идет, верст по 60 и по 70 на день, и коней мечет много...» [13, с. 85]. Теперь окончательно стало ясно – набег хана отбит, новой угрозы с юга ожидать не стоит, и можно вернуться ко второй части намеченного еще весной плана – к походу на Казань. На военном совете было решено часть войска отправить Полем на Рязань и на Мещеру, а оттуда к Алатырю, за которым и намечалась встреча с остальной частью рати, возглавляемой самим царем. Иван же должен был выступить на Муром через Владимир, а оттуда к Алатырю, оставив часть войска («истомных людей») на Коломне (на всякий случай).

Девлет-Гирей же, вернувшись из похода, поспешил отрапортовать своему повелителю, султану Сулейману I, что он де во исполнение султанского повеления «совершил поход на страну презренных неверных московитов и, одолев проклятых неверных – благодарение Аллаху Всеславному и Всевышнему! – благополучно, с радостью и добычей вернулся обратно» [7, с. 117]. Похвалился своей победой Девлет-Гирей и Сигизмунду-Августу. В послании к нему он писал, что он не дошел до Москвы, как планировал первоначально, но все же «Тулу замок взял, Одовье место выпалил и промежку тых двух замьков которие села были уси есьми тые собрал, якож полон великий о пятьдесят тисеч полону войску моему досталось». И такую великую добычу ясырем и всякими животами взял он и его люди, что старые татары сказывали хану – его дядя, великий Мухаммед-Гирей, победитель Василия III, не взял в 1521 г. [11, с. 63].

Победная реляция крымского «царя» была, похоже, попыткой сохранить хорошую мину при плохой игре. Его первый поход на Русь завершился, т.о., полной неудачей. И вряд ли стоит сетовать на то, что, как писал В.П. Загоровский, «через Поле, через территорию современного Центрального Черноземья татарская армия с пушками и огромным обозом прошла беспрепятственно...» и что «русские войска не помешали Девлет-Гирею пройти через Поле и при отступлении татар в Крым...» [8, с. 113]. В кампанию 1552 г. «берег» был второстепенным ТВД, главная цель всех военных усилий Москвы в этом году – Казань, и необходимо было сохранить силы для того, чтобы довести до конца начатое казанское дело. Организация же выхода большого войска в Поле требовала больших усилий и при отсутствии опыта могла привести к серьезной неудаче, если не к катастрофе и невозможности раз и навсегда разрешить казанский вопрос. Поэтому решение Ивана и его воевод не пытаться встретить неприятеля в Поле и не «проводить» его в Крым надо признать на тот момент оптимальным – вряд ли в тех условиях был иной, лучший вариант в начавшейся «Войне двух царей».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты служилых землевладельцев. Т. IV. М.: Древлехранилище, 2008. 632 с.
2. Александров-Невская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XXIX. М.: Знак, 2009. С. 117–223.
3. Анхимюк Ю.В. Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV – начало XVII веков. М.: Древлехранилище, 2005. 464 с.

4. *Виноградов А.В.* Крымские ханы в XVI веке // Отечественная история. 1999. № 2. С. 58–69.
5. *Виноградов А.В.* Русско-крымские отношения. 50-е – вторая половина 70-х годов XVI века. Т.т. 1–2. М.: ИРИ РАН РФ, 2007. 198+342 с.
6. *Герберштейн С.* Записки о Московии. Т. I М.: Памятники исторической мысли, 2008. 776 с.
7. Документы по истории Волго-Уральского региона XVI–XIX веков из древлехранилищ Турции. Казань: Гасыр, 2008. 464 с.
8. *Загоровский В.П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Русского государства в XVI в. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. 272 с.
9. Иоасафовская летопись. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 240 с.
10. История о Казанском царстве (Казанский летописец) // Полное собрание русских летописей. Т. XIX. М.: Языки русской культуры, 2000. 328 с.
11. Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государственование короля Сигизмунда-Августа (с 1545 по 1572 год). М.: Университетская типография, 1843. 503 с.
12. *Курбский А.М.* История о делах великого князя московского. М.: Наука, 2015. 943 с.;
13. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича // Полное собрание русских летописей. Т. XXIX. М.: Знак, 2009. С. 9–117.
14. Летописный сборник, именуемый патриаршей или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей. Т. XIII. М.: Языки русской культуры. 2000. 544 с.;
15. Лист от цара татарского Менъдли Кгирея до панов рад и всихъ русских людей о Киевъ и иныши замъки // *Lietuvos metrika (1506–1539)*. Kn. 7. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 2011, pp. 90–91.
16. Львовская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XX. М.: Языки славянских культур, 2005. 704 с.
17. *Некрасов А.М.* Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV – первая половина XVI в.). М.: Наука, 1990. 128 с.
18. *Новиков Н.* Продолжение Древней Российской вивлиофики. Ч. VIII. СПб.: Императорская Академия наук, 1793. 335 с.
19. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. II (1533–1560 г.) // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 59. СПб., 1887. 690 с.
20. *Пенской В.В.* Иван Грозный и Девлет-Гирей. М.: Вече, 2016. 320 с.
21. *Пинк И.Б.* Осада Тулы крымским ханом Девлет-Гиреем в 1552 г. // *Para Bellum*. 2004. № 2(24). С. 69–84.
22. Послания Ивана Грозного. СПб.: Наука, 2005. 718 с.
23. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561 гг.). 2006. Казань: Татарское книжное издательство, 2006. 391 с.
24. Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. I. М.: Институт истории СССР АН СССР, 1975. 357 с.
25. Разрядная книга 1475–1598. М.: Наука, 1966. 613 с.;
26. Разрядная книга 1475–1605. Т. I. Ч. III. М.: Институт истории СССР АН СССР, 1978. 111 с.
27. *Русаковский О.В.* Ганс Шлитте и наём немецких воинов на русскую службу в 1547–1548 гг. // Русский сборник. Исследования по истории России Вып. XXIV. Московия в свидетельствах иностранцев. М.: Модест Колеров. С. 7–29.
28. *Филиошкин А.И.* Грамоты новгородского архиепископа Феодосия, посвященные «Казанскому взятию» // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 10. М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000. С. 327–346.

29. [Фреchner P.] «Дело Шлитте» // Герберштейн С. Записки о Московии. Т. 2. М.: Памятники исторической мысли, 2008. С. 132–148.
30. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. М.: Инсан, 1991. 320 с.
31. Шапошник В.В. Церковно-государственные отношения в России в 30–80-е годы XVI века. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2006. 569 с.
32. Inalchik H. The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray I // Harvard Ukrainian Studies. Vol. III–IV. Part I. 1979–1980. P. 445–466.
33. Lietuvos metrika (1552–1561). Kn. 37. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 2011. 631 p.

Сведения об авторах: Виталий Викторович Пенской – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета (308015, ул. Победы, 85, Белгород, Российская Федерация). E-mail: penskoy@bsu.edu.ru

Татьяна Михайловна Пенская – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета (308015, ул. Победы, 85, Белгород, Российская Федерация). E-mail: penskaya@bsu.edu.ru

Поступила 19.07.2019 Принята к публикации 29.08.2019
Опубликована 29.09.2019

REFERENCES

1. *Akty sluzhilykh zemlevladel'tsev* [Acts of Service Landowners]. Vol. IV. Moscow: Drevlekhranilishche, 2008. 632 p. (In Russian)
2. Aleksandro-Nevskaya letopis' [Aleksandro-Nevskaya chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. XXIX. Moscow: Znack, 2009, pp. 117–223. (In Russian)
3. Ankhimiyuk Yu.V. *Chastnye razryadnye knigi s zapisyami za poslednyuyu chetvert' XV – nachalo XVII vekov* [Private Razryad Books with Entries for the last quarter of the 15th – beginning of the 17th centuries]. Moscow: Drevlekhranilishche, 2005. 464 p. (In Russian)
4. Vinogradov A.V. Krymskie khany v XVI veke [The Crimean Khans in the sixteenth century]. *Otechestvennaya istoriya* [National History]. 1999, no. 2, pp. 58–69. (In Russian)
5. Vinogradov A.V. *Russko-krymskie otnosheniya. 50-e – vtoraya polovina 70-kh godov XVI veka* [The Russian-Crimean Relations of the 1550s – the second half of the 1570s]. Vol. 1–2. Moscow: The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 2007. 198+342 p. (In Russian)
6. Herberstein S. *Zapiski o Moskovii* [Notes about “Muscovy”]. Vol. I. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2008. 776 p. (In Russian)
7. *Dokumenty po istorii Volgo-Ural'skogo regiona XVI–XIX vekov iz drevlekhranilishch Turtsii* [Documents on the History of the Volga-Ural Region of the 16th–19th centuries from the Archives of Turkey]. Kazan: Gasyr, 2008. 464 p. (In Russian)
8. Zagorovskiy V.P. *Istoriya vkhozheniya Tsentral'nogo Chernozem'ya v sostav Russkogo gosudarstva v XVI v* [The History of the Entry of the Central Chernozem Region

into the Russian State in the sixteenth century]. Voronezh: Voronezh State University Publ., 1991. 272 p. (In Russian)

9. *Ioasafovskaya letopis'* [Ioasaf's Chronicle]. Moscow: Akademiya nauk SSSR Publ., 1957. 240 p. (In Russian)

10. Istoriya o Kazanskom tsarstve (Kazanskiy letopisets) [The Story of the Kingdom of Kazan (Kazan Chronicler)]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. XIX. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 2000. 328 p. (In Russian)

11. *Kniga posol'skaya Metriki Velikogo knyazhestva Litovskogo, sodержashchaya v sebe diplomaticheskie snosheniya Litvy v gosudarstvovanie korolya Sigismunda-Avgusta (s 1545 po 1572 god)* [The Ambassadorial Book of the Metrics of the Grand Duchy of Lithuania Containing Lithuanian Diplomatic Relations during the Rule of the King Sigismund-Augustus (from 1545 to 1572)]. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1843. 503 p. (In Russian)

12. Kurbskiy A.M. *Istoriya o delakh velikogo knyazya moskovskogo* [The Story of the Affairs of the Grand Duke of Moscow]. Moscow: Nauka Publ., 2015. 943 p. (In Russian)

13. Letopisets nachala tsarstva tsarya i velikogo knyazya Ivana Vasil'evicha [Chronicler of the Early Rule of the Tsar and Grand Duke Ivan Vasilyevich]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. XXIX. Moscow: Znak, 2009, pp. 9–117. (In Russian)

14. Letopisnyy sbornik, imenuemyy patriarshey ili Nikonovskoy letopis'yu [Chronicle Collection Called the Patriarchal or Nikon's Chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. XIII. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. 2000. 544 p. (In Russian)

15. List ot tsara tatarskogo Men"dli Kgiroya do panov rad i vsikh" russkikh lyudey o Kiev" i in'shi zam"ki [Letter from the Tatar Tsar Mengli Giray to the Lords of the Council and All Russian People in Kiev and Other Castles]. *Lietuvos metrika (1506–1539)* [Lietuvos metrika (1506–1539)]. Book 7. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 2011, pp. 90–91. (In Russian)

16. L'vovskaya letopis' [Lvov's chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. XX. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2005. 704 p. (In Russian)

17. Nekrasov A.M. *Mezhdunarodnye otnosheniya i narody Zapadnogo Kavkaza (poslednyaya chetvert' XV – pervaya polovina XVI v.)* [International Relations and Peoples of the Western Caucasus (the last quarter of the 15th – the first half of the 16th century)]. Moscow: Nauka Publ., 1990. 128 p.

18. Novikov N. *Prodolzhenie Drevney Rossiyskoy vivliofiki* [The Continuation of the Ancient Russian Vivliofika]. Pt. VIII. St. Petersburg: Imperatorskaya Akademiya nauk, 1793. 335 p. (In Russian)

19. Pamyatniki diplomaticheskikh snosheniy Moskovskogo gosudarstva s Pol'sko-Litovskim. Vol. II (1533–1560 g.) [Monuments of Diplomatic Relations of the Moscow State with the Polish-Lithuanian State. Vol. II (1533–1560)]. *Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshchestva* [Collection of the Imperial Russian Historical Society. Vol. 59]. St. Petersburg, 1887. 690 p. (In Russian)

20. Penskoj V.V. *Ivan Groznyy i Devlet-Girey* [Ivan the Terrible and Devlet Giray]. Moscow: Veche, 2016. 320 p. (In Russian)

21. Pink I.B. *Osada Tuly krymskim khanom Devlet-Gireem v 1552 g.* [The Siege of Tula by the Crimean Khan Devlet Giray in 1552]. *Para Bellum*. 2004, no. 2(24), pp. 69–84. (In Russian)

22. *Poslaniya Ivana Groznogo* [Letters of Ivan the Terrible]. St. Petersburg: Nauka, 2005. 718 p. (In Russian)

23. *Posol'skie knigi po svyazyam Rossii s Nogayskoy Ordoy (1551–1561 gg.)* [Ambassadorial Books on the Relations of Russia with the Nogai Horde (1551–1561)]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2006. 391 p. (In Russian)
24. *Razryadnaya kniga 1550–1636 gg.* [Razryad Book of 1550–1636] Vol. I. Moscow: Institut istorii SSSR Akademiya nauk SSSR, 1975. 357 p. (In Russian)
25. *Razryadnaya kniga 1475–1598 gg* [Razryad Book of 1475–1598]. Moscow: Nauka Publ., 1966. 613 p. (In Russian)
26. *Razryadnaya kniga 1475–1605 gg* [Razryad Book of 1475–1605]. Vol. I. Pt. III. Moscow: Institut istorii SSSR Akademiya nauk SSSR, 1978. 111 p. (In Russian)
27. Rusakovskiy O.V. Gans Shlitte i naem nemetskikh voynov na russkuyu sluzhbu v 1547–1548 gg. [Hans Schlitte and the Hiring of German Soldiers to the Russian Service in 1547–1548]. *Russkiy sbornik. Issledovaniya po istorii Rossii. Moskoviya v svidetel'stvakh inozemtsev* [Russian Collection. Studies on the History of Russia. “Muscovy” in the Testimonies of Foreigners]. Vol. XXIV. Moscow: Modest Kolerov, pp. 7–29. (In Russian)
28. Filyushkin A.I. Gramoty novgorodskogo arkhiepiskopa Feodosiya, posvyashchennye «Kazanskomu vzyatiyu» [Letters of the Novgorod Archbishop Theodosius Dedicated to the “Kazan Capture”]. *Germenevtika drevnerusskoy literatury* [Hermeneutics of Old Russian Literature]. Vol. 10. Moscow: IMLI RAN, “Nasledie”, 2000, pp. 327–346. (In Russian)
29. [Frechner R.] «Delo Shlitte» [Case of Schlitte]. Herberstein S. *Zapiski o Moskovii* [Notes about “Muscovy”]. Vol. 2. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2008, pp. 132–148. (In Russian)
30. Khudyakov M.G. *Ocherki po istorii Kazanskogo khanstva* [Essays on the History of the Kazan Khanate]. Moscow: Insan Publ., 1991. 320 p. (In Russian)
31. Shaposhnik V.V. *Tserkovno-gosudarstvennyye otnosheniya v Rossii v 30–80-e gody XVI veka* [The Church-State Relations in Russia in the 1530s–1580s]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ., 2006. 569 p. (In Russian)
32. Inalchik H. The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray I. *Harvard Ukrainian Studies*. Vol. III–IV. Part I. 1979–1980, pp. 445–466.
33. *Lietuvos metrika (1552–1561)*. Kn. 37. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 2011. 631 p. (In Old Russian)

About the authors: Vitaly V. Penskoy – Dr. Sci. (History), Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Law Institute, Belgorod State National Research University (85, Pobeda Str., Belgorod 308012, Russian Federation). E-mail: penskoy@bsu.edu.ru

Tatyana M. Penskaya – Cand. Sci. (History), Assistant Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Law Institute, Belgorod State National Research University (85, Pobeda Str., Belgorod 308012, Russian Federation). E-mail: penskaya@bsu.edu.ru

*Received July 19, 2019 Accepted for publication August 29, 2019
Published September 29, 2019*

УДК 930:39=512.1"11/15"

DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-3.545-567

**“NATIONES QUE SE TARTAROS APPELLANT”:
AN EXPLORATION OF THE HISTORICAL PROBLEM
OF THE USAGE OF THE ETHNONYMS TATAR AND MONGOL
IN MEDIEVAL SOURCES**

Stephen Pow

*Central European University
Budapest, Hungary
Pow_stephen@phd.ceu.edu*

Abstract: *Objective:* An attempt is made to explain why Mongols were so often referred to as Tatars in thirteenth-century primary sources and to offer a new interpretation of how the usage of both ethnonyms evolved over the course of the Mongol Empire's expansion and dissolution.

Research materials: Primary sources were used which originated from Russian, Mongolian, Latin, Persian, Arabic, Chinese, and Korean authors. The Russian Novgorod and Galicia-Volhynia Chronicles, Secret History of the Mongols, Rashid al-Din, the Yuan Shi, and the Mengda Beilu were the most significant in formulating an argument. Secondary literature by leading figures in the field of Mongol history was consulted.

Research results and novelty: The main finding is that the different explanations found in primary source texts composed under Mongol governments for how these names were used in the pre-imperial period and for the double-naming phenomenon seem implausible when compared to the broader body of primary sources whose authors were not directed by an evolving Mongol imperial ideology. Furthermore, the various explanations cannot be combined into some workable model for how the double-naming phenomenon happened in the thirteenth century, since they contradict one another on fundamental issues such as whether Tatars still existed or were an extinct nation. As such, it is more plausible that the Mongols used the name “Tatar” to self-identify in the first three or four decades of the Mongol Empire's expansion. The gradual replacement of “Tatar” by “Mongol” was solidified by the development of imperial historiography in the 1250s and 1260s. This proposed scenario can make sense of the strange dichotomy in the primary sources regarding ethnonyms. Novelty is found in the comparison of Chinese and European sources and the attempt to synthesize their claims – an approach which highlights potential avenues of research for experts in Islamic, Russian, and Chinese sources.

Keywords: Tatars, Mongols, Tartars, Mongol Empire, Golden Horde, Russian Chronicles, Ethnonyms, Early Mongol Empire, Ethnogenesis, Chinggis Khan

For citation: Pow S. “Nationes que se Tartaros appellant”: An Exploration of the Historical Problem of the Usage of the Ethnonyms Tatar and Mongol in Medieval Sources. *Zolotoordynskoe Obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 3, pp. 545–567. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-3.545-567

Why is “Tatar” – “Tartar” in Western European sources – rather than “Mongol” the ethnonym by which the conquerors are usually labelled in source materials written by outsiders during Chinggis Khan's conquests and afterwards? This problem is more complex than it first appears, troubling scholars who have looked in

depth at the sources regarding the Mongol Empire, Golden Horde, and other successor states. After all, the authors of our sources came from diverse, geographically diffuse societies and wrote in many distinct languages. Furthermore, the Tatar tribe was, according to some of those sources, a hated enemy of Chinggis Khan and the Mongols. How could so many groups of people through Europe, the Islamic world, Inner Asia, and East Asia, having very limited interaction with each other, but some interaction with the conquering Mongols in the thirteenth century, all make the mistake of not just calling the Mongols by the wrong name, but even the name of their foes?

A simple explanation has been traditionally offered for how such a curious phenomenon could have come about – namely, a case of mistaken identity. However, several leading scholars of the Mongol Empire have suggested that it remains a lasting mystery. István Vásáry has stated, “The Tatar tribes were Chinggis Khan’s ancestral enemies, and the reason why the victorious Mongol conquerors of Chinggis Khan were later called Tatars by most of the sources is a historical puzzle unsatisfactorily explained to this day” [55, p. 9]. This issue gets even stranger when we note that Chinggis Khan’s Mongols are recorded in their own official, standard narrative to have annihilated the Tatars as a people following their final victory over them in 1202. David Morgan observes that if the Tatars “ceased to exist as an identifiable tribe” before Chinggis Khan’s period of expansion beyond the Mongolian plateau even began with his unification of its peoples in 1206, then it has never been satisfactorily explained why Tatar “should have become so widely the name by which the conquerors as a whole were known” [38, p. 57]. Peter Jackson repeats the heretofore conventional explanation for this curious phenomenon with a hint of reservation, noting that the Tatar tribe, once dwelling in today’s Manchuria and the very eastern fringes of Mongolia, “may have played” a prominent political role in the eighth and ninth centuries and “it seems” their name became synonymous with non-Turkish steppe peoples in general at some undefined time. The Mongols, emerging from the eastern steppe, thus became synonymous with Tatars [30, p. 36].

The familiar refrain to anyone with the slightest curiosity about this issue is that persisting ethnonymic confusion surrounding Tatar and Mongol merely reflects a medieval misunderstanding. The Mongols of the thirteenth century apparently were misidentified by ignorant outsiders as the Tatars, even though during Chinggis Khan’s rise, the Tatars were not simply another tribe in Mongolia but rather the Mongols’ most detested enemies according to several sources. Misidentifications happen in the works of medieval writers, but the almost global scale of this alleged misidentification is among the most serious problems with accepting such an explanation. The range of sources and complexity of the issue make it difficult to discuss succinctly. It is also difficult to describe the problem or to structure a paper that approaches it systematically, let alone to explain how this situation could have happened.

For simplicity and the purposes of my argument, one can focus on it as a *source* problem, dividing texts into *official sources* and *unofficial sources*. By the former, four works that were the products of Mongol court historiography are meant; namely *the Secret History of the Mongols*, Rashid al-Din’s *Compendium of Chronicles*, the *Yuan Shi*, and the *Shengwu qinzheng lu*. The concept of the *official sources* here is closely related to what Christopher Atwood referred to as the

"standard narrative" in a recent work on Jochi's role in conquests in the western regions. Like Atwood's grouping, all four of these sources can differ in style and on details, but "they share a number of emphases and partisan assertions" that indicate they are all "historiography of the 1251 Toluid revolution. Together, these works in Mongolian, Chinese, and Persian languages set the basic lines of Mongolian Imperial Historiography in the Toluid realms of Yuan China and the Ilkhanate" [5, p. 36]. Besides conforming to a specific agenda, their material is closely intertwined – they are products of a dynastic agenda and they are the sources from which the story of Chinggis Khan's rise and defeat of the Tatars is largely derived.

On the other hand, there are what we will view as *unofficial sources* which here only means that these texts were written outside of Mongol courts. They come from a wide variety of genres and cultural contexts. They are not necessarily unofficial in character – some are the letters and decrees of popes and monarchs, or the reports of official ambassadors. By *unofficial sources* I intend simply to convey the sense that they contain statements and narratives that were not controlled and formed by Mongol Toluid courts. When we compare them, *official sources* all present a consistent message about what Mongol and Tatar respectively meant but it is often contradicted by the *unofficial sources*. Especially regarding ethnonyms, we would expect to see unofficial sources corroborate the narrative in the official sources better, were it totally historically accurate. Instead we see the opposite.

My argument is that these two sets of sources cannot be reconciled in a way that creates a cogent picture; sources disagree on whether Chinggis Khan's people called themselves Tatars, how the mislabeling happened, whether Tatars were existent or extinct at the time of writing, whether they were the Mongols' enemies or allies, and whether they took part in the conquests. Faced with hints of confused memories, retrospective labelling, and perhaps politically motivated historical revisionism in the sources' handling of this issue, I contend that the Mongols likely employed "Tatar" as a broad endonym for a time, perhaps for the first three or four decades of the thirteenth century, before transitioning to Mongol as a preferred broad endonym. Tatar was out of favor by the mid-1240s, judging by the unambiguous reports of Mendicant emissaries on this point. Why this happened can only be inferred.

To support this point, I will first demonstrate that the traditional explanation relies on downplaying the scope of the usage of Tatar; often authors focusing on only one social region, usually Europe, have made this mistake. Secondly, I look at the official sources to show why they might not be our most reliable sources, at least on this specific issue. Thirdly, I will highlight certain statements and elements of the unofficial sources that make it impossible to reconcile them with the official account. I suggest that we instead seek an explanation that is in accord with the widest set of sources. Finally, I will offer some ideas for what the drivers might have been behind the Tatar ethnonym's displacement in favor of Mongol, which appears to have initially been a name used to designate Chinggis Khan's dynastic state.

The Scope of the Problem: Europe's Tartars, Asia's Tatars

The Franciscan friar, John of Plano Carpini, journeyed to the Mongols as a papal envoy (1245–1247) and his resulting report began with the words "Incipit Ystoria Mongalorum quos nos Tartaros appellamus" – "Here begins the History of

the Mongols whom we call Tartars” [48, p. 11]. More than once, Carpini used this awkward designation for a people, only recently unknown to Latin Christendom, who were conquering much of the world and had recently campaigned up to the borders of Austria. He noted of his itinerary at another point, “Next we entered the land of the Mongols whom we call Tartars” [18, p. 60]. Statements of this kind inevitably raise the same nagging issues for historians that were already mentioned. If these people were called Mongols, why are “we” calling them Tartars in the first place? That is, if Carpini was aware after meeting the people in question that they were Mongols rather than Tartars¹, why did he nevertheless generally persist with the error throughout his report? Moreover, who is encapsulated in Carpini’s “we” – the group making this error? Presumably, he intended it to mean Latin Christians, i.e. Europeans. The Dominican emissary Simon of Saint-Quentin who stayed with the Mongol army under Baiju in 1247 likewise noted: “speaking of themselves, the same Tartars call themselves Mongli or Mongol – a word which perhaps re-echoes Mosoth” [45, p. 92]. This etymology was related to an effort by the Dominicans to tie the Mongols to Biblical genealogies and prophecy.

The observations of Mendicant emissaries have been used to construct a narrative, still repeated up to the present, that it was strictly Western Europeans who referred to Mongols as Tartars/Tatars, persisting in it even when they knew better. Popular histories emphasize medieval European writers’ tendency to tie the term *Tartar* to *Tartarus*, the lowest level of hell in classical mythology. Jack Weatherford links the “incorrect” usage of Tartar to the English chronicler Matthew Paris (d. 1259) and his description of the nomads appearing “like demons loosed from Tartarus” [58, p. 148]. In fact, Matthew Paris stated, as Carpini had, that the Tartar name originated from a river in their homeland [24, v.1, p. 314], and he quoted a Russian bishop in 1244 who claimed the name originated from a chieftain named Tartar [24, v.2, p. 28]. Still Matthew Paris used the opportunity to make the Tartar/Tartarus puns that appeared in European writings of the mid-thirteenth century with obnoxious frequency. For example, the churchman Rogerius, taken captive by the Mongols in Hungary in 1241, wrote of the experience, “He who should fall into the hands of the Tartars [...] will feel that he is the prisoner not of the Tartars but of Tartarus” [10, p. 134–135]². James Chambers posited that the misidentification stemmed from the visits of Friar Julian, a Hungarian Dominican, to Magna Hungaria in the 1230s, conjecturing that Julian took the Russian term for the newcomers on their frontiers, “Tatar,” and altered it in his writing to “Tartari” – thus implying they were people from hell [15, p. 64].

Such explanations have appealing simplicity, but their oversimplification of the issue makes them untenable. Recently, Roman Hautala has admirably pointed

¹ According to Salimbene de Adam, Carpini informed him in person that the name of these people was more properly pronounced as “Tatar,” rather than the conventional “Tartar.” Moreover, after noting that, Salimbene opted to use Tatar in his own chronicle. To be clear, Carpini was referring in this case to the Mongols ruling over Asia rather than an extinct regional tribe that formerly rivaled Chinggis Khan.

² A statement attributed to Louis IX that “if these people, whom we call Tartars, should come upon us, either we will thrust them back into the regions of Tartarus, whence they emanated, or else they shall send us to heaven” [24, v. 1, p. 314], suggests that European leaders and commentators alike were making use of the close resemblance of Tartar to Tartarus for propagandistic purposes or to reflect their eschatological preoccupations.

out the complexity of the transmission of information about the Mongol conquests in the early thirteenth century; it cannot be reduced to a single stream of information originating from a single text by Matthew Paris or Friar Julian. There were reports reaching Europe from crusaders in the Holy Land of the coming invincible army of "King David" in 1221. These actually described Chinggis Khan's campaign against the Khwarazmians, which began only in 1219, with some degree of accuracy. In fact, the little-known Quilichino of Spolato's *History of the Battles of Alexander the Great* written in 1236 contains the innovation of directly associating the "Tartar crowd" with the ancient concept of Tartarus. Moreover, the earliest recorded mentions in Latin of "Tartari" are found in letters written to the pope by the Georgian Queen Rusudan and Amirsrapasalari Ivane, one of her leading nobles, in 1223. Shortly afterwards, Henry of Livonia, living in distant Riga, reported in his chronicle on the defeat of the Russians at the Battle of the Kalka which occurred in 1223 [26, p. 314–315, 320–322; 14, p. 205]. He provided an accurate, clearly informed version of events and named the nation that had won the battle: "Tartars." In the same context of the Baltic, we might think of the famous passage in Matthew Paris about how the English herring trade was disrupted because merchants in the Baltic region were not coming to Yarmouth to purchase owing to their fear of "Tartar" attacks and so the price of herring plummeted in England [24, v.1, p. 131]. One might imagine that English merchants, watching their financial ruin unfolding in 1238, were eager to know something about the people who had disrupted the herring fishery – including their ethnonym. The answer was probably "Tatar" or "Tartar," seeing as Matthew Paris recorded it. Even if historians must rely on texts to construct the movement of this ethnonym, this commercial episode offers us a hint that it was not only churchmen and magnates who transmitted the word "Tartar" to Europe, but their writings have survived.

Only if Europeans exclusively had mistakenly called the Mongols by some variation of Tatar or Tartar would the traditional explanation make sense, and clearly Europeans did not initially prefer the word "Tartar" because it lent itself to pejorative puns. They first recorded it because it was the word that they had received from informants on the fringes of the Latin West. Judging by a letter on the journey of Friar Julian to Magna Hungaria in 1234–35, the Alans, Russians, and Volga Hungarians already labeled the newcomers to their region as "Tartars" [21, p. 129–133; 50, p. 538–541]. Georgians called them Tatars [31, p. 319]. So, if we accept the glib explanation offered by modern writers of how "Tartar" caught on in Europe³, we are still faced with the problem of why Russians and other peoples were already using the misnomer that spread to Europe. The usage of Tatar was even more widespread than Europe, Russia, and the Islamic sphere, appearing also in the earliest Chinese reports documenting the Mongol Empire's rise.

Almost immediately after Chinggis Khan went to war with the Jin Dynasty, a Song emissary to the Jin in 1212 described the invaders as "Tatars" [22, p. 179]. This terminology was likewise used in the earliest record of a Song Dynasty envoy who visited the Mongols. The *Mengda Beilu*, written by Zhao Hong in 1221, stated that in the land of Chinggis Khan there were three groups – the Black Tatars, White Tatars, and Wild Tatars. Chinggis Khan and his leading officials were all Black

³ It can be acknowledged that the similarity of Tartar to Tartarus might explain why Europeans generally persisted with the /r/ sound in the word, even if they knew that Tatar was accurate as Carpini told Salimbene de Adam.

Tatars [39, p. 3]. Regarding the term Mongol, Zhao Hong noted that there had been in the same region in the first half of the twelfth century a “Mongol State” (蒙古斯國) but he carefully interrogated the present Tatars regarding it and found that they, being in a primitive condition, knew nothing about it. However, out of admiration for it, having been influenced by refugee scholar-officials from the Jin Empire who had come into Chinggis Khan’s service, they were now calling theirs the “Great Mongol State” (大蒙古國) [39, p. 16]. This account stands in stark contrast to that found in the later official sources composed in Mongol-ruled courts, which will be discussed below. Zhao Hong’s very early account held that Chinggis Khan and his fellow Tatars were inspired by a story told to them by Chinese or Jurchen literati about an ephemeral, half-forgotten steppe federation called Mongol and decided to call their own incipient state after it. Regarding Muqali, Chinggis Khan’s second-in-command overseeing the war against the Jin, the envoy stated that he always spoke of himself as “we Tatar” and that all of the high officials of the state had no idea what Mongol (蒙) actually meant [39, p. 17]. Perhaps Zhao Hong meant they used the label without knowing its recorded history. We would expect Muqali to call himself an ethnic Mongol rather than a Tatar, if Tatars were mortal enemies of Chinggis Khan – but the word Mongol seems to have had at this point a strictly dynastic-state connotation.

Another Chinese source, the *Heida Shilue*, consists of the brief reports of two Song emissaries who visited Ögedei’s court in Mongolia in 1233 and 1235–1236 respectively. The earlier emissary, who conducted his mission just as the Jin were falling, indicated the conquerors were “Black Tatars” and their polity was still called “Great Mongol.” He suggested that “Mongol” stemmed from an otherwise undocumented “Mongol Mountain,” or that it was related to the Mongolian word for silver. Since the defeated Jurchens had called their dynasty “Da Jin” (Great Gold), their Tatar conquerors were calling their state “Great Silver.” The emissary was providing an explanation that he presumably heard from his hosts about the origin of the dynastic-state label, “Mongol” [39, p. 112].

It is hard to ignore the testimony in early, dispassionate reports of ambassadors about the respective usages of Tatar and Mongol in the 1220s and 1230s and it does not conform to anything found in the *official sources*. The fact is that in almost every relevant source, we are likely to find Tartar/Tatar rather than, or in addition to, Mongol. Addressing the widespread use of the Tatar ethnonym, Rashid al-Din (d. 1318) provided an ample list of nations that had the persistent habit of using Tatar: “All Turkic peoples are still called ‘Tatar’ in the realms of Cathay, Hindustan, Chin and Machin, the lands of the Qirgiz, Kilar-Bashghurd, the Qipchaq Steppe, the territories of the north, the Arab peoples, Syria, Egypt, and North Africa” [53, p. 38]. According to the Persian court historian, sedentary and nomadic peoples of almost every major region across Eurasia and North Africa still used Tatar in the early 1300s.

It is jarring that Rashid al-Din’s ethnographic description of the Tatars, apparently a former tribe in eastern Mongolia wiped out in 1202 by Chinggis Khan, includes an explanation of how their ethnonym came to be used across much of the world for all Turkic peoples. How could such a thing have happened? Rashid al-Din suggested it was the prestige of the Tatar name in an undefined former era that accounted for it. But in fact, the Persian historian’s list of regions whose people

used the ethnonym Tatar was far from comprehensive. We find references to "Tartarariki" in an Icelandic geographical treatise from the mid-thirteenth century, and a saga records the Norwegian king, Haakon IV, resettling refugees from Bjarmaland who fled the "Tattarar" [54, p. 223–224, 236]⁴. Outside of works composed under Mongol auspices, some variation of "Tatar" often shows up in Chinese sources composed during Chinggis Khan's time and even after the fall of the Yuan Dynasty. It shows up in the Koryo Dynasty of Korea's official history, for instance when Ögedei Khan identifies himself and his people as "we Tatars" (達達) in the transcript of a letter to the king of Korea dated to 1231. Bolstering the claims of the Song envoys, the khan seems to confirm that Mongol was a political term in a follow-up letter dated to 1232 in which he refers to himself as emperor of the Mongol Great Royal Court (or Dynasty) and State (蒙古大朝國) [33, p. 228–229, 235]. "Tatar" is the ethnonym also used to label the Mongols in Javanese sources describing the Yuan invasion of Java in 1293 [9, p. 53].

Those researchers who focus on certain sets of texts (Latin, Arabic, Chinese, etc.) can imagine that only the authors in one societal milieu were mistakenly calling Mongols by Tatar, or at least it is often presented that way. But when we realize the scope of the "misidentification," it is difficult to accept that explanation. Though many researchers accept the account found in the official sources that Tatar and Mongol were the ethnonyms of two distinct and opposed enemy tribes in the pre-unification period, there are problems with that as we will explore in the next section.

The Problem of the Standard Narrative in the "Official Sources"

There are four *official sources* composed in Mongol courts that, within the context of recording the details of Chinggis Khan's life, provide substantial material about the early origins of the Mongol Empire and the ethno-political groupings on the steppes at the Mongol Empire's formation. They all contain essentially the same narrative that Chinggis Khan was an ethnic Mongol who annihilated the rival Tatar people in the course of his struggle for supremacy.

Chief among the official sources is the *Secret History of the Mongols*, composed in Mongolian as a historical chronicle and undoubtedly the fullest record of how the Mongols viewed themselves and their founder [7, p. 1]. The dating is a long topic of scholarly debate. A coda indicates that it was written in the "mouse year" at a great assembly and Atwood suggests that he has found some evidence for such an assembly in 1252 [7, p. 12–14]. Even so, there are problems with the text, such as an event that actually took place in 1258 being inserted anachronistically into the reign of Ögedei, which suggests it could have theoretically been written in the next mouse year, 1264. Atwood suggests there were some small changes made during the reign of Khubilai [7, p. 39–44]. If the main text dates to 1252, it was composed in a context that saw the Mongol Empire again entering a period of stability initiated by the enthronement of the fourth khan, Möngke. This followed

⁴ As a general name for the conquerors from Mongolia, Tatar is regularly found in Russian, Armenian, Georgian, Arabic, Byzantine Greek, and often Persian sources, including those written in India.

roughly a decade of strife and political infighting when Chinggisid princes' factions vied for power and legitimization.

Next among these "four fundamental chronicles on the origins of the Mongol Empire" is the *Shengwu qinzheng lu* (聖武親征錄), a Chinese abridged translation of a Mongolian original that, in Christopher Atwood's assessment, could only have been composed sometime after 1263 in the flurry of historiographical activity fostered at Khubilai Khan's court. Its material draws heavily from the *Secret History* [4, p. 1]. We have, too, the *Compendium of Chronicles* which was compiled by Rashid al-Din, an important official of the Ilkhanate, around 1304. Textual analysis shows that Rashid al-Din's annals of Chinggis Khan were clearly based on the lost original source also used for the *Shengwu qinzheng lu*. Thus, about 90% of the Chinese text matches the later Persian text. They are almost identical [4, p. 2].

Lastly, there is the *Yuan Shi* which was the official history of the Mongol Yuan Dynasty compiled under Ming auspices shortly after the last Mongol emperor was driven from power in 1368. The first chapter of the *Yuan Shi*, Chinggis Khan's annals, is the same material found in the *Shengwu qinzheng lu* and Rashid al-Din's annals of the reign of Chinggis Khan, albeit with slight changes in date and abridgement [4, p. 7–8]. Scholars such as Atwood have elucidated that these sources, which might have once been mistaken for separate traditions because of the different languages of composition, originated from the same *Veritable Records* material. These three documents are particularly synoptic in quality, whereas the *Secret History* deviates more from the others. Still, three fifths of the *Secret History*'s text matches with the material on Chinggis Khan found in the other three texts, and the account in the *Shengwu qinzheng lu* of the reign of Ögedei is identical to material in the later *Yuan Shi* [4, p. 8].

In the *Secret History*'s version of events – mirrored by the accounts found in Rashid al-Din's annals section which is often called the *Tale of Chinggis Khan*, the *Yuan Shi*'s first chapter, and the majority of the *Shengwu qinzheng lu* – the Tatars were the hereditary enemies of Temujin, a Mongol, who became Chinggis Khan. Indeed, they played an important role in shaping his destiny. In the first chapter, Chinggis Khan's father named his eldest son Temujin after a Tatar chieftain he had defeated before being poisoned treacherously by the Tatars [19, p. 16]. This initiated a period of great suffering and poverty for Chinggis Khan, his siblings, and mother after they were abandoned by their followers. Eventually becoming a powerful leader, Chinggis Khan fought a climactic battle with the Tatars, stating beforehand, "From old days, the Tatar people have been our mortal enemies, the people who have destroyed our fathers and forefathers" [19, p. 56]. Having defeated and captured them, the Tatars were systematically eradicated. Chinggis Khan ordered his followers to "kill them to the last" man and enslave the few survivors [19, p. 76–79]. In the official record, the conqueror's hereditary enemies were destroyed as a people in 1202.

Since these official sources all emerged from the same closely controlled imperial historiographical project, their agreement on the past usage of the Mongol and Tatar ethnonyms is not as persuasive as materials written at the actual time of events they describe. There was a strong agenda controlling what was allowed to be in the official historical record, Khubilai Khan himself playing a role in the creation of the standard narrative. The *Yuan Shi* reports that when he saw the an-

nals of the reign of his deceased brother, Möngke Khan, he angrily demanded that the court historians revise it [2, p. 120].

There are other problems with the official sources. Tribes in the pre-unification steppe seem to have had a protean quality which is at odds with the rigid ethnic divisions found in the standard narrative. For instance, we might wonder why the official sources disagree about the tribal affiliations and backgrounds of even the most important figures in the Mongol Empire's founding, like Chinggis Khan's lifelong retainer, Boroqul [53, p. 85]. Christopher Atwood notes a feature in scholarship he calls "Secret History fundamentalism" – a tendency when faced with such discrepancies to assume the *Secret History* is correct and any divergence from it reflects an error. However, the variations in pre-Chinggisid genealogies are too complex to be solved in such a manner, and at least six divergent genealogies circulated with medieval authors trying unsuccessfully to resolve their contradictions. We see for instance the *Yuan Shi* explaining how Bodonchar, the great ancestor of Chinggis Khan, had an illegitimate son "Tatar" who begat the Tatar people, but in the *Secret History* that same genealogy is applied to the origins of the Jadaran family of Jamuqa [6, p. 6–7, 9–10]. Evidently, the genealogies could be altered to establish the origins of villains. Furthermore, it is not entirely clear how Mongol is being used as a term, Jamuqa calling the Kereyit ruler, Ong Khan, a "Mongol" at one point in the *Secret History* [19, p. 39]. If Chinggis Khan is being packaged as a hereditary ruler of the "Mongol" tribe, then what should we make of his subservience to Ong Khan – should we not consider him a Kereyit? Might that tribal name's connection to *qara* (black) explain why Chinggis Khan and his people are "Black Tatars" in the early Song Chinese reports? Regarding Chinggis Khan's rise, whom he destroyed and whom he spared seems to have been based more on loyalty and submission to him than on any bonds of tribal identity. Chinggis Khan evidently had a liberal idea of what a Mongol was, something that again stands at odds with the picture encountered in the standard narrative of his rise.

With regard to the *Secret History's* insistence that Chinggis Khan and his people were Mongols and Atwood's proposed dating of the work to 1252, this was the point in time when William of Rubruck, acting as an unofficial emissary of Louis IX, journeyed to Möngke's court, shortly after the "Toluid revolution" snatched supreme power from the Ögedeids. The friar observed in those he met a desire to be called Mongols, and an aversion to being called Tartars. Rubruck wrote that the Mongols were the tribe to which Chinggis Khan belonged, and that the Mongols and "other poor people" [18, p. 122] called Tartars appointed Chinggis Khan as their leader and united to overthrow Ong Khan of the more powerful Kereyit people. They emerged victorious and this marked the beginning of their empire. Rubruck explained that Chinggis Khan then sent the Tartar people, specifically, in all directions to conquer so that it was their label, rather than the more proper designation of Mongol, by which the invaders had become known as they advanced across the continent. However, Rubruck heard that by the time of his own travels through the Mongol Empire in the early 1250s, the Tartars had been almost eradicated through continual warfare, so that "the Mongols wish to abolish their [Tatar] name and bring their own [Mongol] to the fore" [18, p. 123]. Rubruck mentioned, even Sartaq on the Volga wished to be called a Mongol.

Such was the social milieu in which the standard narrative was created. But if the official narrative's account of how the ethnonyms Tatar and Mongol were used

in the pre-unification Mongolian steppe were accurate, then William of Rubruck's explanation makes no sense. If the Principle of Parsimony is reliable in this case, then we ought to suspect the problem exists in the official sources rather than trying to make the statements found in the much vaster and diffuse body of "unofficial sources" conform to them.

As mentioned earlier, Rashid al-Din also tried to justify the confusion by referring to an undefined past period when "because of the strength and glory of the Tatars" [53, p. 38], other tribes were inclined to assume their name and identity which resulted in the name still being applied across Eurasia to the later Mongol conquerors:

"Indeed they considered it an honor to call themselves Tatar, just as at present, because of the great fortune of Genghis Khan and his urugh, because they are Mongols, other tribes of Turks like the Jalayir, Tatar [sic], Oyirat, Öng'üt, Kereyit, Naiman, Tangqut, etc. each of which has its own special name and sobriquet, all are proud to call themselves Mongol. Whereas before they used to deride this name, now their sons imagine that they have been known as Mongols from long ago, although it is not so. In ancient times, the Mongols were but one of all the tribes of nomadic Turks, but divine favor shone upon them, meaning that Genghis Khan and his urugh were to be of the Mongol race and many branches of them would come into existence" [53, p. 38].

Rashid al-Din's ethnographic discussion of the Tatar nation is extremely confused, often wavering on the issue of their current existence or non-existence. He mentioned that their homeland was by Buir Lake, focusing on their past social disorder and villainous acts perpetrated against Chinggis Khan's Mongol ancestors. He discussed six tribes and some individual Tatars still existing, yet simultaneously spoke of the annihilation of the Tatars as a nation. Moreover, one detects a hint of moralizing in the author's lament that if the Tatars had but been unified rather than quarreling, none could have resisted them [53, p. 37–44]. One feels that "Tatars" represent the people of Mongolia before Chinggis Khan brought them order, purpose, and glory, while "Mongols" are the same people after unification. It seems Rashid al-Din was obligated to interweave incompatible narratives into a single congruous account, and the author knew that "Tatar" had merely been abandoned at some point by the Mongol royalty. This can be inferred by the way he continually bolstered the usage of the Mongol name, rambling about Chinggis Khan's lineage, in an ethnographic discussion of another nation, as well as his attempts to explain away the persistence of the Tatar name.

If, however, we accept that his description of the Tatars was a serious attempt to convey historical facts, then we can take it that in his view there was a previous time when the local neighboring tribe of the Mongols was so famous that its prestige and name was apparently voiced across the whole of Eurasia. Problems occur when we compare such claims to what we find in the enormous body of what are termed "unofficial sources" which suggest that Tatars in the first decades of the thirteenth century were completely unknown to many sedentary peoples who only then began to use the term.

The Unofficial Sources

There are three points on which unofficial sources (those not composed as part of the imperial historiography) challenge the narrative of the official sources.

- A. Sedentary societies often did not know who the conquerors were.
- B. Tracing Tatar retrospectively back from Europe suggests refugees from Mongolia used the label.
- C. Stratigraphy: Earlier sources tend to use Tatar rather than Mongol.

A. Sedentary societies often did not know who Tatars or Mongols were

The presence of the term Tatar in medieval sources, diffuse in both geographical and genre contexts, means we have two possible explanations. One can assume either it spread during the Chinggisid conquests in the 1200s (Rubruck's claim) or that the name spread before those events (Rashid al-Din's claim). The latter point is challenged by the fact that as Chinggis Khan's forces advanced, thirteenth-century authors anywhere west of Mongolia regularly expressed bewilderment as to who the unknown Tatars were and had only a general idea of where they originated [29, p. 69; 30, p. 147].

The Mongols or Tatars were completely unknown to the Russians when their army first appeared on Russian borders in 1222–1223. This is evident from the first mention of this people in Russian literature – that famous passage found in the *Novgorod First Chronicle*:

"The same year, for our sins, unknown tribes came, whom no one exactly knows, who they are, nor whence they came out, nor what their language is, nor of what race they are nor what their faith is; but they call them Tatars ["и зовуть их Татары"], and others say Taurmen, and others Pecheneg people, and others say they are those of whom Bishop Mefodi of Patmos bore witness, that they came out from the Etrian desert which is between East and North ... God alone knows who they are and whence they came out" [1, p. 264; 36, p. 64].

The Russian chronicler repeatedly emphasized that this people was completely unknown before the disaster of the Kalka unfolded, and he did not have any idea that they would return in fourteen years to subjugate Russia, so this must be a very early record. Later, during the Mongol invasion of Europe in 1241, the Hungarian king wrote an urgent letter to the pope noting that a "hitherto unknown people" had invaded his country, "nationes que se Tartaros appellant" – "peoples who call themselves Tartars" [27, p. 65]. Matthew Paris, the English chronicler, asked in exasperation around the same time: "Where have such a people, so numerous, been hidden until now?" [30, p. 138]. In 1241, Emperor Frederick II wrote, "a barbarous race... (from what place or origin I know not) called Tartars has lately emerged from the regions of the south, where it had long lain hid, burnt up by the sun of the torrid zone" [24, v.1, p. 341]. In the Islamic milieu, the scholar Ibn Abi'l-Hadid (1190–1258) noted that despite combing texts for clues, he had been unable to find any allusion at all to the Tatars [20, p. 20–21]. It is also noteworthy that al-Idrisi's extraordinarily informed geographical treatise describes no Tatar or Mongol people. Europe, Russia and the western Islamic world were largely ignorant of any ethnic group in northeast Asia (besides vaguely rumored nations of Gog and Magog) and they took up the Tatar label only during the conquests.

B. Tracing the Tatar Name back from Europe

It has already been clarified that the Tatar/Tartar name first reached Europe and its authors from outside informants along more than one chain of transmission. Before it reached Europe, we can continue to make further inferences that trace it further to a point of origin. We can identify the exact point when the name “Tatar” must have reached the Russian people and that would be in 1222, following the defeat of the Kipchaks by the forces of Jebe and Sübe’etei. Many Kipchaks had fled to the Russians to conference with them about making an alliance. Both the *Galician-Volhynian* and *Novgorod Chronicle* tell a very similar story of the defeated Kipchak survivors meeting with the Russian princes, offering gifts, and explaining that Russia would be next for destruction if the Tatars were not stopped by a coalition. This ultimately inspired the Russians to go to war which ended in defeat at the Kalka River [36, p. 64–65; 42, p. 28–29]. In the exchange of information, the name of the enemy people must have been provided by the Kipchak. The Kipchak chieftain, Kuthen, later fled to Hungary as a refugee in 1239, first sending emissaries to the Hungarian king to report the Tatar invasion of his land [10, p. 137]. Cumans and Hungarians referred to their mutual enemy as Tatars according to Alberic of Trois-Fontaine. In 1223, the Hungarians already had detailed information on the Battle of the Kalka, suggesting Kipchak informants [23, p. 110]. So, it is probable that the Kipchaks were calling the Mongols “Tatars” in the early 1220s.

Tracing the term back from the Kipchak becomes much more speculative. It could be that they received it during the 1222 northward advance of Jebe and Sübe’etei from the Caucasus; Rashid al-Din records direct communication happening between the two groups, with the Mongol forces appealing to the Kipchak on the basis of shared heritage [53, p. 257]. Another possibility, more likely in my view, is that the Merkid refugees who fled Mongolia and found refuge with the Ölberi Kipchak already in 1210 or as late as 1218 [3, p. 9] must have described the people they had fled as “Tatars.” Rashid al-Din recorded that after the defeat and death of the Merkid leader, Toqtoa Beki, his son Qodu fled to the Kipchak to 1208. He recorded that Qodu and his sons first passed through Uyghur territory and communicated with the Idikut, getting in a conflict over slain messengers [53, p. 198–199]. The biography in the *Yuan Shi* of a Kipchak chieftain, Tuqtuq, records that after the Merkid prince took refuge with the Ölberi Kipchaks, Chinggis Khan’s messengers showed up and communicated directly with the Kipchak, demanding they hand over the refugees [49, p. 3131]. If Chinggis Khan’s people were really going by “Mongol,” it is worth wondering why the Kipchak obviously shared the term “Tatar” even after they had direct communication with refugees from Mongolia and Chinggis Khan’s messengers. Friar Julian found nobody able to read Ögedei’s letter in Mongolian to Béla IV until he came across a local Kipchak who interpreted it, which suggests at least some Kipchaks understood Mongolian by the 1230s [21, p. 178].

Pointing to a kernel of truth to Rashid al-Din’s claim, it is possible that “Tatar” as the name of the Mongolic-speaking, animist people of Mongolia was already known and used among other mainly Turkic-speaking steppe peoples. Mahmud al-Kashgari’s *Compendium of Turkic Dialects* (1077) offers a clue as to how the

Turco-Mongol world was understood by Turkic peoples themselves a century before Chinggis Khan's rise. It laid out twenty large Turkish tribes extending west to east across Eurasia, starting with the well-attested Pechenegs and Kipchaks. At the northeast of this spectrum was the Tatar, with only the Kyrgyz farther east and closer to China. It indicated the Tatars had their own language, but they also knew Turkic [17, p. 82–83]. Presumably that language was Mongolic. Support for this identification comes from the portrayal of Tatars as polytheistic idolaters [17, p. 270]. It is not justified to refuse this identification owing to the author's designation of the Tatars as Turks when he clearly stated they speak another unintelligible language. Ibn al-Athir, Juzjani, and Rashid al-Din habitually called the Mongols a nation of Turks and recorded the Mongols appealing to Turkic groups on the basis of common ethnicity.

Refugees from Mongolia in the first decade of the thirteenth century must have had a huge role in the dissemination of the Tatar name to more distant societies. Küchlüg the Naiman prince fled as a refugee to the Qara Khitai by 1210. Juvaini noted that Küchlüg's Naimans had quickly dispersed throughout a vast territory after their flight from their homeland and he had to reassemble them after he was given permission to reside in the Qara Khitai state [13, p. 62–63]. These refugees were only hunted down and destroyed by Jebe in 1218 [11, p. 402–403]. As well, the Merkid refugees of Qodu were destroyed by Mongol forces in present-day Kazakhstan only around 1218 [5, p. 49]. In both these cases, tribes that had lived in Mongolia found homes amongst other distant peoples and had much time to share information about current affairs in Mongolia before their respective annihilations. An Arabic source, repeated by al-Dhahabi, noted that Mongol invasions in the 1220s saw eastern Anatolia and the whole adjacent region flooded with Turkic refugees fleeing from Georgia westward, and that the Mongols sent emissaries to the local potentates from their first appearance in the area [57, p. 115–123]. The Mongols used direct communication, interpreters, messengers etc. to an astounding degree which makes the lack of references to "Mongols" in the 1220s and 1230s hard to understand.

There was evidently a good deal of movement of people and information along the network of interconnected Turkic peoples. The distances refugees travelled in a short time are astounding. Khwarazmian cavalrymen, whose base had been Inner Asia until their defeat by the Mongols in the 1220s and final collapse in 1231, found themselves invited into the service of the sultan of Egypt. They defeated Crusaders near Jerusalem in 1244 [45, p. 53–54]. I contend that groups of nomads from the Mongolian plateau, fleeing westward and southward, must have identified *Tatars* as the cause of their panicky flight. In this sense, there is also a kernel of truth to William of Rubruck's claim that the frequent refrain, "The Tartars are coming" [18, p. 123], caused the dissemination of the Tatar ethnonym. Refugees must have been consistently transmitting the name Tatar in the first several decades of Mongol conquests and that is how it so quickly began showing up in the literature of sedentary peoples as the name of Chinggis Khan's nation. If "Tatar" travelled through linked Turkic communities stretching across Eurasia in the first three decades of the thirteenth century, this raises questions. Did people from the Mongolian plateau not know the difference between a Tatar and a Mongol? How could people so steeped in the languages and ethno-political divisions of the region misidentify their enemies? Was there actually a misidentification?

C. Stratigraphy: Earlier sources use Tatar rather than Mongol

Stratigraphy in archaeology relates to the tendency for lower layers of soil to contain older artifacts, and upper layers to contain newer ones. What if we were to imagine the entire corpus of primary source materials arranged in layers based on their dates of composition? I conjecture that the lower layers (before 1200) would show some regular examples of Tatar in sources, but Mongol would be close to non-existent. From 1206 to 1250, we would see a marked increase in examples of Tatar with some examples of Mongol. Around 1250, we would see an increased use of Mongol and appearances of Mongol-Tatar. From 1250–1370, we might see Mongol more often than Tatar.

Though certainly not the pan-Eurasian byword suggested by Rashid al-Din, the Tatar name is at least attested and had continuity in the centuries before 1206. It appears in the Orkhon inscriptions (700s), Uyghur inscriptions, and Tang records. There are scattered references in Persian geographic and ethnographic literature such as the *Hudud al-Alam* (980s) and Gardizi's eleventh-century study of the various tribes of the Turks [35, p. 120]. Tatars are named in al-Kashgari's *Compendium of Turkic Dialects*. By contrast, historians can find only a few, often-speculative cases of "Mongol" being recorded before the thirteenth century [51, p. 3–9]⁵.

In materials dating from the mid-1240s or prior, we often see bizarre statements if we hold to the view that Chinggis Khan, his descendants, and people already called themselves Mongols at that time:

- "If you want to do battle, you shall know this: **in the great nation of the Qa'an, we Tatars (達達)** have gathered all the nations surrounding us in the four directions." – Ögedei Khan's letter to the king of Korea dated to 1231, recorded in the *Koryo-sa* [33, p. 228–229].
- "But [the Tatars] leave behind other farmers to cultivate the fields, and they divide the [female] relatives of everyone [...] among the men left behind to cultivate the fields, assigning to them ten or more. **And they command them henceforth to be called Tartars.**" – Friar Julian's letter describing the conquest of the Volga region, 1237–1238 [21, p. 176–177].

⁵ The etymology and origins of Mongol are unknown. Based on its earliest documented appearances in the *Jiu Tang Shu* (舊唐書) c. 940, and *Xin Tang Shu* (新唐書) in 1060 as the name of a small branch of the larger Shiwei (室韋) tribes in the Tang period, I wonder if it was originally related to the Mohe people (靺鞨) of the Balhae (渤海) Kingdom. In Korean, which preserves older pronunciations, the group is called Malgal (말갈). The eleventh-century *Xin Wudai Shi* describes ethnic and political connections between the Tatar (韃靼) and Mohe in Balhae's time [60, section 2, p. 3]. Could disorder and displacement in Balhae have led to the westward move of a Mohe grouping, perhaps aristocracy, who attained control over a branch of the Shiwei and lent it their name in some form? We might think of the "Khitano-pa" ("китанопа") noted in the Rus' Chronicles in 1103 as a tribal grouping of Cuman-Kipchak union. In Peter Golden's view, they had likely migrated from the Khitan State before the Liao's fall [25, p. 268–269]. It is not useful to imagine tribal nomenclature had to conform to watertight, unchanging Mongolic, Turkic, and Tungusic linguistic groupings.

- An Armenian gospel called the invaders in 1236 the *Haratatar* (Black Tatar) [52, p. 330].
- In 1245, Batu told Daniel of Galicia, who had come to pay homage, that he should drink kumis since he was "**already one of them, a Tatar.**" – *Galicia-Volhynia Chronicle* [42, p. 58].

Besides the aforementioned Chinese records' use of Tatar rather than Mongol in the first half of the 1200s, we see the same naming tendency in the writings of other societies. Ibn al-Athir lived roughly in the same timeframe as Chinggis Khan and provided a very early record on the Mongol Empire's initial expansion westward. He referred to the invaders as Tatars, viewing them as a variety of Turk in keeping with the notion described by al-Kashgari of a spectrum of Turk tribes across Eurasia. Though he even correctly identified that Chinggis Khan's given name was Temujin, and the location of his homeland, he never once mentioned the term "Mongol" [46, p. 204–205]. That a writer living in Damascus and Mosul was referring to Chinggis Khan's ethnic group as Tatars already in the early 1220s suggests how rapidly this designation was adopted by sedentary society.

Muhammad al-Nasawi, writing before 1242, recorded the specific names of merchants working as go-betweens whose monikers reveal them to be from Bukhara, Otrar etc. Employed by Chinggis Khan, they were familiar with both societies as they moved between the territories of Chinggis Khan and the Khwarazmian Shah in the period before war broke out in 1218. The author took part and had access to the accumulated direct correspondence between the two sides as Jalal al-Din's secretary [28, p. 57, 120–121]! Yet he records that his masters fought desperately against "Tatars" rather than Mongols. If one wants to argue that this term "Tatar" was merely substituted into historical records in place of Mongol, or was not used in official correspondences, then one should explain why Eljigidei's messengers explained to Louis IX in 1248 that their homeland is Tatar, "which is why we are called Tatars" [56, p. 129].

Rogerius, a prisoner of Batu's forces in 1241, never once mentioned "Mongol" in his work. Kirakos of Gandjak was likewise a prisoner, captured by the Mongols in Armenia in the 1230s. Despite the monk's familiarity with the Mongols and their language since he worked for them, he consistently called them Tatars in his history, only once referring to "Mughal Tatars" as Ögedei Khan's own people [12, p. 195]. However, it is not surprising since he wrote from perhaps the 1240s to the 1260s, when we start to see the general phenomenon of Mongol regularly appearing in the sources. Juzjani, a refugee in the Delhi Sultanate writing in about 1260, hated the Mongols – and yet he referred to them as Mughals, even if he described Ong Khan, "the Tattar," as chief of the Mughals before Chinggis [44, p. 935].

Juvaini, who was a high-up in the Mongol bureaucracy in Persia, writing a history in the 1250s, occasionally called his Mongol overlords the "Tatars." In his description of the birth of the empire, he designated Chinggis Khan's homeland as the Land of the Tatars who lived in disorder before he rose as their king. Moreover, Juvaini always used Tatar to refer to the Mongols in general and never to refer to the rival tribe in eastern Mongolia; the following statement suggests Mongol was broadly synonymous with Tatar: "And since the Tartar [*Tatār*] peoples had no script of their own, he [Chinggis Khan] gave the order that Mongol children should learn writing from the Uyghur" [13, p. 20–21, 25].

As a general overview, by the 1240s, it is clear from the Mendicant Latin emissaries that at least Mongolian royalty were baulking at being called Tatars. By the 1250s–60s, the Toluid revolution and historiography project was under way. In the resulting *official* texts, the ethnic group of the empire's founder and his ruling descendants was unequivocally Mongol.

Two final considerations related to early Chinese sources in the proverbial stratigraphic layers are of special interest for my argument. First, Li Xinchuan's *Jianyan yilai chaoye zaji*, completed in 1216 mentions that Tatars and Mongols were two distinct tribes with distant homelands, but their ethnonyms had been mixed together for unknown reasons and Jin frontier officials were now referring to "Mongol-Tatars" (蒙鞑) [34, p. 848–849]. At a glance, this passage seems to buoy the traditional view that Mongols became mislabeled as Tatars. On the contrary, Li Xinchuan was expressing mystification that the ruler of the Tatars, "Chinggis" (成吉思), and his Tatar people had adopted the label of Mongol, presently referring to themselves as the Great Mongol State (至是鞑靼乃自號大蒙古國), when in fact the Mongol tribe originally dwelt northeast of the Jin Empire but had made inroads against it and had children with Khitan and Han Chinese in the 1100s. Ethnically, Chinggis Khan was a Black Tatar according to Li Xinchuan [39, p. 6] and the autonym of the people invading Jin China under his direction in the 1210s was clearly "Tatar" (鞑靼) [34, p. 850–851]. Li Xinchuan's testimony agrees with the Song emissaries – Mongol was a dynastic-state label adopted by the Tatars.

Secondly, the *Secret History* and related sources document an early event in Chinggis Khan's rise when he joined with Ong Khan of the Kereyit and a Jin expeditionary force to defeat the Tatar tribes at the Ulz River in northeastern Mongolia. This resulted in Chinggis Khan receiving a military rank and Ong Khan receiving his royal title, *wang*, from the Jin commander (19, p. 56–58; 41, p. 191–192). Here we have the rare opportunity to compare the *official* account of a pre-unification event in Mongolia with *unofficial sources*. The Serven Khaalga inscription, engraved in Chinese and Jurchen, commemorates the engagement and firmly dates it to 1196. In it, the defeated tribal group is not recorded as Tatar but rather as the "Northern Shubo" (北朮孃) [48, p. 33]. Shubo or Shubugu ((朮不姑)), most commonly rendered in Chinese sources as Zubu (阻卜), describes people on the Liao's northwest frontier, i.e. Mongolia [59, p. 95], and is considered by modern Chinese scholars to be a Khitan word to designate Tatars. The Zubu were classified as a tribe rather than state in the Liao era [59, p. 319]. The term is likely related to Sogpo which Tibetans used to refer to the Mongols in general. Since Tatar, a term appearing in Chinese texts already in 842, was absent from the official histories of the preceding Liao and Jin dynasties, the *Liao Shi* and *Jin Shi*, compiled under Yuan auspices, Wang Guowei suggested "Zubu" was employed as a substitute for Tatar [59, p. 101–102]. Yet, the 1196 inscription must cause us to rethink that thesis. Since Ong Khan's grandfather was described as a Zubu in Jin sources, it would appear to apply as a general term for Mongol peoples. Indeed, there is an account of the poor people of the Zubu being resettled by the government in 1098 in the *Liao Shi* which evokes the byword of past misery and chaos before Chinggis Khan remembered by the Mongols themselves [59, p. 395]. Since it could be an exonym, Zubu's usage in the Jin era does not disprove northeast Mongolian tribes called

themselves Tatar, but this source does not help corroborate the ethnographic picture in the *Secret History*.

The *Mengda Beilu* also provides a loose outside view of these events, noting that the Jin Zhangzong Emperor (r. 1190–1208) ordered northward punitive expeditions against the “Jiu” (𠤎) who were rising in rebellion, and they fled and surrendered to the Tatar (i.e. Mongols) [39, p. 60]. It is interesting to note that this account suggests the war was against Jiu – frontier military garrisons employed by the Jin rather than a distinct ethnic group. This could relate to Rashid al-Din’s insistence that the pre-unification Tatar nation’s dwelling places were “near the territories of Cathay” (Jin territory) and that they had long paid tribute to the Jin [53, p. 37]. By the fourteenth century, maybe “Tatar” was the label unfavorably singularly applied to those Mongolic-speaking tribes who lived closest to the former Jin and had made sneaky deals with them in the past – border tribes whose delineations were related to political allegiances.

Conclusions and Explanations

Explanations in primary sources do not clear up the confusion surrounding “Mongol” and “Tatar.” There is no way to tidily reconcile claims regarding what they respectively meant and why so many people were mistakenly calling Mongols by the name of former enemies. Thus, I share a viewpoint that the Mongols self-identified as Tatars during the early decades of the Mongol Empire’s expansion. Paul Ratchnevsky thought that Mongols still called themselves Tatars in Chinggis Khan’s time [43, p. 7]. Atwood also has implicitly accepted this idea, demonstrating a pattern with nomadic and Altaic empires having two ethnonyms, a subordinate and ruling one, associated with their founders. Often, the former name comes to be rejected. Mongols rejected Tatar, just as the Uyghur abandoned Oghuz and the Manchus later rejected the old Jurchen ethnonym after taking power. As a trend, the original broader ethnonym, used by foreigners, sometimes evolved to denote “slave” [8, p. 36–38]. Since it seems implausible that tribal groups pre-arranged for a new ethnonym should they ever win an empire, this “rebranding” phenomenon is likely an organic one.

Accepting the primacy of the *official sources* on the naming issue raises more problems than it resolves, even while they undoubtedly describe individuals and groups which existed, real conversations, and battles that were fought. I am not trying to deny that in 1202, Chinggis Khan massacred a number of tribes – their leaders’ names are likely recorded accurately. Nevertheless, I contend that the testimony of Song envoys to the Mongol court in the 1220s and 1230s is the most reliable evidence for how Tatar and Mongol were used by Mongolian steppe people themselves at that time. Thus, Mongol initially was a political identity that evolved into an ethnic identity, first being adopted and promoted by the dynasty and aristocracy. Tribal groups could spontaneously abandon ethnic identities and manufacture or adopt others quite easily over the course of several generations. Ibn Khaldun, the fourteenth-century philosopher, noted this as a universal sociological phenomenon:

“It is clear that a person of a certain descent may become attached to people of another descent [...] Such a person comes to be known as having the same descent as those (to whom he has attached himself) and is counted one of them [...] When

the things which result from (common) descent are there, it is as if (common descent) itself were there [...] In the course of time, the original descent is almost forgotten. Those who knew about it have passed away, and it is no longer known to most people. Family lines in this manner continually changed from one tribal group to another [...] This happened both in pre-Islamic and in Islamic times, and between both Arabs and non-Arabs" [47, p. 267–268].

If the genealogies of aristocracy and founders of steppe empires could not be kept consistent, one can imagine the rank and file's backgrounds could be remolded with even greater ease. For perspective, consider the Khitan Liao who ruled Mongolia and northern China (907–1125). The Liao's tribal nucleus was comprised of groups first held together on the basis of the need for joint military action [59, p. 46]. Gradually, however, they adopted a shared myth of origin with a common ancestor. With the establishment of their empire, intermarriage between tribes remained very fluid. The *Liao Shi* details the number of Khitan tribes fluctuating rather wildly from six to twenty in the three centuries before the establishment of the Liao Dynasty. On the whims of rulers, tribes were reorganized, disbanded, created, or resettled. As Wittfogel and Feng observed, "Pastoral nomadism favored neither a stable clan order nor a fixed place of residence" [59, p. 46–48]. We can see the same patterns on a grander scale in the expansive and culturally diffuse Mongol state which followed it – particularly with the myth of common ancestry from a blue wolf and fallow deer as is reflected in the *Secret History*.

Why did the Mongol rulers or people feel the need to abolish the Tatar ethnonym and replace it with Mongol? Here I can only offer speculative conclusions. Friar Julian's report and the *Heida Shilue* suggest strongly that the Tatar name was still used in the mid-1230s, and the Mendicant emissaries in the mid-1240s stated unequivocally that the people called themselves Mongols, so it appears that the project of ethno-dynastic "rebranding" was initiated between those points. One motivator could be the fall of the Jin Dynasty (1234) triggering a stronger sense among the Mongols of their legitimacy, mandate of world-rulership, and need for inclusiveness between the tribes assembled under the Mongol Empire's banner.

A particularly intriguing impetus could have been ongoing problems of rebellion and social unrest among the eastern *Usu Irgen* "Water Tatar" people mentioned in the 1230s *Heida Shilue* [39, p. 209]. Carpini and C. de Bridia likewise referred to "Zumoal" (Water Mongols) who "called themselves Tatars after a great, rushing river called Tatar," lived in eastern Mongolia, and were the first to be subjugated by Chinggis Khan [40, p. 56]. Juvaini mentions that Ögedei sent armies to suppress the "Su-Moghol" around 1234 [13, p. 196]. In 1261, the *Yuan Shi* records that Khubilai Khan appointed a Pacification Commissioner (宣撫使) over the Water Tatar (水達達) and Jurchens in the east [49, p. 73]. All of this hints that eastern Mongolia's people were sometimes rebellious and unwilling subjects, which might have formed the context in which imperial historiography of the 1250s and 1260s attached the defunct Tatar ethnonym uniquely to these unruly people and wrote their annihilation as a distinct group into history.

Apparently, Ögedei banned the ethnonym "Qashi" and changed the Qashin nation's name to Tangut after the death of his fifth son, Qashi [53, p. 66, 302]. Besides taboos, a name-change could be driven by insecurities. Was the Tatar name

being used contemptuously by subjects and enemies? Were rivalries between Chinggis Khan's grandsons establishing new "in" and "out" groups? The legitimization of dynasties often required tampering with records to create myths and new collective identities. Some claims on the lineage of Chinggis Khan might be no more trustworthy than Ulugh Beg's claim, inscribed on his grandfather Timur's tombstone in 1425, that he miraculously descended from Ali, the son-in-law of Muhammad [37, p. 37]. Grandchildren of a dynasty-founder needed to prove that the dynasty did not start because their grandfather was a particularly successful usurper or bandit leader. If mid-thirteenth century patrons of court historians desired to be called Mongols, and abolish Tatar, this could merely be written retrospectively into the narrative – especially since old-timers who took part in the events had passed away. Motivated by expediency rather than facts, the author could have Chinggis Khan annihilate all "Tatars" completely, and then there would be no reason to mention their name again.

As a caveat, some scholars have suggested that maybe Muqali and other Mongols just called themselves Tatars out of politeness to Chinese visitors [39, p. 4]. But eventually the Mongols did protest too much about the use of Tatar for me to see this issue as a coincidental, continent-wide misnaming. With the overthrow of the Mongol Yuan Dynasty in 1368, and the rise of the Chinese Ming Dynasty, the term "Tatar" in reference to the Mongols returned to Chinese writings. Regarding Chinggis Khan and his people, a late Ming encyclopedia, the *Sancai Tuhui*, records: "He was called the chief of the Great Mongols. He usurped the title of Emperor. For generations [the Mongols] lived [at a distance of] 6000 li north-east of the Sandy Desert. Later they lived on the north side of the mountains [between China and Mongolia]. They called themselves Ta-ta [Tatar]" [16, p. xxix].

If we accept this statement regarding self-identification within the military-tribal confederation that arose in the steppe, then Mongol ethnic identity was at least partly a creation of Chinggis Khan and his immediate successors. Carpini's "Mongols whom we call Tartars" had once been Tatars – whom we now call Mongols. A Mongolian linguistic and cultural identity existed before Chinggis Khan but the specifically "Mongol" national identity and predominant ethnonym must be products of Chinggis Khan's empire-building project. If so, this only confirms what has long been said: Chinggis Khan is the father of the Mongolian people. Regarding the Volga Tatar people of today, it appears they took on the endonym of their Mongol conquerors when they overran the Dasht-i-Kipchak. It was preserved as the prevailing ethnonym in the subsequent synthesis of the Mongols and their more numerous Turkic subjects who ultimately subsumed their conquerors culturally and linguistically as al-Umari noted by the fourteenth century [32, p. 141]. I argue that the name "Tatar" was adopted by the Turkic peoples in the region as a sign of having joined the Tatar conquerors – a practice which Friar Julian reported in the 1230s as the conquest unfolded. The name stands as a testament to the survivability and adaptability of both peoples and ethnonyms. It became, as Sh. Marjani stated, their "proud Tatar name."

REFERENCES

1. *Novgorodskaya Pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov* [Novgorod First Chronicle according to the Oldest and Younger Transcripts]. Nasonov A.N. (red.). Moscow–Leningrad: Akademiya Nauk SSSR Publ., 1950. 561 p. (In Russian)
2. Abramowski W. Die chinesischen Annalen von Ögödei and Güyük: Übersetzung des 2. Kapitels des Yüan-shih. *Zentralasiatische Studien*. 1976, no. 10, pp. 117–167. (In German)
3. Allsen T.T. Prelude to the Western Campaigns: Mongol Military Operations in the Volga-Ural Region, 1217–1237. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. Wiesbaden, Otto Harrassowitz Verlag, 1983, no. 3, pp. 5–24.
4. Atwood C. Commentary of Shengwu qinzheng lu 聖武親征錄. *Commentary Project of the Center for Central Eurasia Civilization Archive*, pp. 1–22.
5. Atwood C. Jochi and the Early Western Campaigns. *How Mongolia Matters: War, Law, Society*. Morris Rossabi, (ed.). Leiden, Brill, 2017, pp. 35–56.
6. Atwood C. Six Pre-Chinggisid Genealogies in the Mongol Empire. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. Wiesbaden, Otto Harrassowitz Verlag, 2012, no. 19, pp. 5–58.
7. Atwood C. The Date of the 'Secret History of the Mongols' Reconsidered. *Journal of Song-Yuan Studies*. 2007, no. 37, pp. 1–48.
8. Atwood C. The Qai, the Khongai, and the Names of the Xiongnu. *International Journal of Eurasian Studies*. 2015, no. 2, pp. 35–64.
9. Bade D. *Khubilai Khan and the Beautiful Princess of Tumapel*. Ulaanbaatar, A. Chuluunbat, 2002. 244 p.
10. Bak J., Rady M. (trans.). *Master Roger's Epistle to the Sorrowful Lament upon the Destruction of the Kingdom of Hungary by the Tatars*. Budapest, Central European University Press, 2010. 326 p.
11. Barthold W. *Turkestan down to the Mongol Invasion*. Minorsky T., Bosworth C.E. (trans.). London, Luzac, 1968. 596 p.
12. Bedrosian R (trans.). Kirakos Gandzakets'i. *History of the Armenians*. New York, Sources of the Armenian Tradition, 1986.
13. Boyle J. (trans.). *Ala al-Din Ata Malik Juvaini, The History of the World Conqueror*. Cambridge, Cambridge University Press, 1958. 763 p.
14. Brundage J. (trans.). *The Chronicle of Henry of Livonia*. Madison, University of Wisconsin Press, 1961. xliii + 288 p.
15. Chambers J. *The Devil's Horsemen*. Edison, Castle Books, 2003. xii + 190 p.
16. Cleaves FW (trans.). *The Secret History of the Mongols*. Cambridge, Harvard Press, 1982. lxxv + 277 p.
17. Dankoff R. (trans.). Mahmud al-Kashgari. *Compendium of the Turkic Dialects*. Cambridge, Harvard University, Dept. of Near Eastern Languages and Civilizations, 1982.
18. Dawson, Christopher (ed.). *The Mission to Asia: Narratives and Letters of the Franciscan Missionaries in Mongolia and China in the Thirteenth and Fourteenth Centuries*. London, Sheed and Ward, 1955.
19. de Rachewiltz I. (trans.). *The Secret History of the Mongols: A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century*. Leiden, Brill, 2006. cxxvi + 1347 p.
20. Djebli M. *Les invasions mongoles en orient vecues par un savant medieval arabe*. Paris, Editions L'Harmattan, 1994. (In French)
21. Dörrie H. *Drei Texte zur Geschichte der Ungarn und Mongolen*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1956. 202 p. (In German, Latin)
22. Franke H. A Sung Embassy Diary of 1211–1212: The Shih-chin lu of Ch'eng Cho. *Bulletin de l'Ecole française d'Extrême-Orient*. 1981, no. 69, pp. 171–207.
23. Garufi C. (ed.). Ryccardi de Sancto Germano notarii Chronica. *Rerum Italicarum Scriptores*. Vol. VII/2. Bologna, Nicola Zanichelli, 1938. (In Latin)

24. Giles J. *Matthew Paris, English History: From the Year 1235 to 1273*. 3 Vols. London, George Bell & Sons, 1889.
25. Golden P. The Shaping of the Cuman-Qipchaqs. *Il Codice Cumanico e il suo mondo*. Schmieder F., Schreiner P. (eds). Rome, 2005, pp. 247–277.
26. Hautala R. *Crusaders, Missionaries and Eurasian Nomads in the 13th–14th Centuries: A Century of Interactions*. Bucharest, Editura Academiei Romane, 2017. 477 p.
27. Hormayr J. *Die goldene chronik von Hohenschwangau*. Munich, G. Franz, 1842. (In German)
28. Houdas O. (trans.). *Histoire du Sultan Djelal ed-din Mankobirti Prince du Kharezm par Mohammed en-Nesawi*. Paris, Ernest Leroux, 1895. (In French)
29. Jackson P. *The Mongols and the Islamic World*. New Haven, Yale Press, 2017. 614 p.
30. Jackson P. *The Mongols and the West*. Harlow, Pearson, 2005. 414 p.
31. Jones S. (trans.). *Kartlis Tskhovreba: A History of Georgia*. Tbilisi, Artanuji Publishers, 2014. 443 p.
32. Lech K (trans.). *Das mongolische Weltreich, Al-'Umari's Darstellung der mongolischen Reiche in seinem Werk Masālik al-abṣār fī mamālik al-amṣār*. Wiesbaden, Harrassowitz, 1968. 475 p. (In German)
33. Ledyard G. Two Mongol Documents from the Koryō sa. *Journal of the American Oriental Society*. 1963, no. 83, pp. 225–239.
34. Li Xinchuan 李心傳. *Jiānyān yilai cháoye zāji* 建炎以來朝野雜記 [Notes on court and provinces since 1127]. Beijing, Zhong Hua Book Company, 2000. (In Chinese)
35. Martinez A. Gardizi's Two Chapters on the Turks. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. Wiesbaden, Otto Harrassowitz Verlag, 1982, no. 2, pp. 109–217.
36. Michell R., Forbes N. (trans.). *The Chronicle of Novgorod 1016–1471*. London, Camden Society, 1914. xliii + 237 p.
37. Moin A. *The Millennial Sovereign: Sacred Kingship & Sainthood in Islam*. New York, Columbia University Press, 2012.
38. Morgan D. *The Mongols*. Malden: Blackwell Publishing, 2007. 272 p.
39. Olbricht P., Pinks E. (trans.). *Meng-ta pei-lu und Hei-ta shih-lüeh: Chinesische Gesandtenberichte über die Frühen Mongolen 1221 und 1237*. Wiesbaden. Harrassowitz, 1980. (In German)
40. Painter G. (trans.). The Tatar Relation. *The Vinland Map and the Tartar Relation*. Skelton R. et al. (ed.). New Haven: Yale University Press, 1995, pp. 20–106.
41. Pelliot P., Hambis L. (trans.). *Histoire des Campagnes de Gengis Khan, Cheng-wou ts'in-tcheng lou*. Leiden, Brill, 1951. xxvii + 485 p. (In French, Chinese)
42. Perfecky G. *The Hypatian Codex, Part II: The Galician-Volynian Chronicle*. Harvard Series in Ukrainian Studies 16:2. Munich, 1973. 159 p.
43. Ratchnevsky P. *Genghis Khan: His Life and Legacy*. Oxford, Oxford University Press, 1991. 328 p.
44. Raverty G. (trans.). *Minhaj Siraj Juzjani, Tabakat-i-Nasiri: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia*. London, 1881.
45. Richard J (ed.). *Simon of Saint-Quentin. Histoire des Tartares*. Paris, Librairie orientale Paul Geuthner, 1965. (In French, Latin)
46. Richards D.S. (trans.). *Ibn al-Athir, The Chronicle of Ibn al-Athir for the Crusading Period from al-Kamil fi'l-ta'rikh. Part 3: The Years 589–629/1193–1231: The Ayyubids after Saladin and the Mongol Menace*. Aldershot, Ashgate, 2008. viii + 331 p.
47. Rosenthal F (trans.). Ibn Khaldun. *The Muqaddimah*. Vol. 1. London, Routledge, 1958. 481 p.
48. Shiraishi, N. 斡里札河の戦いにおける金軍の経路 [Route of Jin army in the Battle of the River Ulz]. *Inner Asian Studies*. 2016, no. 31, pp. 27–48. (In Japanese)

49. Song Lian 宋濂. *Yuan Shi* 元史 [History of Yuan Dynasty]. Beijing, Zhong Hua Book Company, 1976. (In Chinese)
50. Szentpétery I. *Scriptores rerum hungaricarum tempore ducum regumque stirpis arpadianae gestarum*. 2 Vols. Budapestini, Academia litter. hungarica atque Societate histor. hungarica in parten impensarum venietibus, typographiae Reg. universitatis litter. hung. sumptibus, 1937–1938. Vol. 2. 681 p. (In Latin)
51. Tamura J. The legend of the origin of the Mongols and problems concerning their migration. *Acta Asiatica*. 1973, no. 24, pp. 1–19.
52. Tatár M. The First Tatars in Europe. *Altaica Budapestinensia* MMII. Budapest, MTA, 2003, pp. 328–352.
53. Thackston W. (trans.). *Rashiduddin Fazlullah's Jami'u'tawarikh: Compendium of Chronicles*. 2nd edition. Cambridge, Harvard University Department of Near Eastern Languages and Civilizations, 1999. 811 p.
54. Vasaru M. *Bjarmaland*. Oulu, University of Oulu, 2016. 486 p.
55. Vásáry I. *Cumans and Tatars*. Cambridge, Cambridge University Press, 2005. 230 p.
56. Viard J (ed.). *Les Grandes Chroniques de France*. Tome 7. Paris, Librairie Ancienne, 1932. 296 p. (In French)
57. Von Somogyi J. Ein arabischer Bericht über die Tataren im Ta'rīḥ al-Islām von ad-Dahabī. *Der Islam*. 1937, no. 24(2), pp. 105–130. (In German)
58. Weatherford J. *Genghis Khan and the Making of the Modern World*. New York, Crown Publishers, 2004. 293 p.
59. Wittfogel K., Feng C. *History of Chinese Society Liao (907–1125)*. Transactions of the American Philosophical Society. 1946, vol. 36, 752 p.
60. Yanai Wataru 箭内互. *Wulianghe ji dada kao* 兀良哈及韃靼考 [Uriyangqat and Tatar Studies]. Taiyuan, Shanxi People's Press, 2015. (In Chinese)

About the author: Stephen Pow – M.A. (History), PhD Candidate, Department of Medieval Studies, Central European University (Nádor utca 9, 1051 Budapest, Hungary); ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8804-0397>. E-mail: Pow_Stephen@phd.ceu.edu

Received May 3, 2019 Accepted for publication August 27, 2019

Published September 29, 2019

**«NATIONES QUE SE TARTAROS APPELLANT»:
ИССЛЕДОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ЭТНОНИМОВ ТАТАР И МОНГОЛОВ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ИСТОЧНИКАХ**

Стивен Поу

Центрально-Европейский университет

Будапешт, Венгрия

Pow_Stephen@phd.ceu.edu

Цель исследования: в статье предпринята попытка объяснить, почему монголы так часто именуются татарами в первоисточниках XIII века, и предложить новую интерпретацию того, как использование этих этнонимов развивалось в ходе экспансии и распада Монгольской империи.

Материалы исследования: в статье использованы первоисточники, написанные монгольскими, латинскими, русскими, арабскими, китайскими и корейскими авторами. Русские Новгородская и Галицко-Волынская летописи, Тайная история монголов, Рашид ад-Дин, Юань Ши и Мэнда Бейлу оказались наиболее важными для формулировании аргументации. В статье были также использованы публикации ведущих исследователей монгольской истории.

Результаты и новизна исследования: основной вывод заключается в том, что различные объяснения, найденные в первоисточниках, составленных при монгольских правительствах, в отношении того, как эти имена использовались в доимперский период, как и в отношении феномена двойного именования, кажутся неправдоподобными при сравнении с более широким кругом первоисточников, авторы которых не находились под влиянием монгольской имперской идеологии. Кроме того, эти объяснения не могут быть объединены в какую-либо работоспособную модель, отображающую появление двойного именования в XIII веке, поскольку они противоречат друг другу по таким фундаментальным вопросам, как, например, существовали ли татары или же они были вымершей нацией. Таким образом, более правдоподобным представляется то, что монголы использовали имя «татар» для самоидентификации в первые три или четыре десятилетия экспансии Монгольской империи. Постепенная замена «татар» на «монголов» была закреплена развитием имперской историографии в 50-х и 60-х годах XIII века. Это может объяснить странную дихотомию в первоисточниках относительно этих этнонимов. Новизна заключается в сопоставлении китайских и европейских источников и в попытке обобщить их утверждения – подход, который выделяет потенциальные направления исследований для экспертов исламских, русских и китайских источников.

Ключевые слова: татары, монголы, Монгольская империя, Золотая Орда, русские летописи, этнонимы, ранняя Монгольская империя, средневековый этногенез, Чингиз-хан

Для цитирования: Pow S. "Nationes que se Tartaros appellant": An Exploration of the Historical Problem of the Usage of the Ethnonyms Tatar and Mongol in Medieval Sources // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, №3. С. 545–567. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-3.545-567

Сведения об авторе: Стивен Поу – докторант Отдела средневековых исследований Центрально-Европейского университета (Nádor utca 9, 1051 Budapest, Hungary); ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8804-0397>. E-mail: Pow_SStephen@phd.ceu.edu

Поступила 03.05.2019 Принята к публикации 27.08.2019

Опубликована 29.09.2019

УДК 94(47).031:093"15"

DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-3.568-592

**ОСМАНСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ КАФФЫ (1475 Г.), КИЛИИ
И БЕЛГОРОДА (1484 Г.) В «ХРОНИКЕ ТУРОК» ИСПАНСКОГО
ИСТОРИКА АНТОНИО ЭРРЕРА ДЕ ТОРДЕСИЛЬЯС**

В.П. Гулевич

*Аппарат Верховной Рады Украины
Киев, Украина
gulevych_v@ukr.net*

Цель: ввести в научный оборот русский перевод малоизвестного испанского источника о захвате османами Каффы (1475 г.), Килии и Белгорода (1484 г.).

Материалы исследования: испанские источники по истории Золотой Орды и Крыма весьма малочисленны. Поэтому «Хроника турок» является важным и интересным источником для этого региона периода позднего средневековья. Настоящая статья содержит вступительную статью об авторе «Хроники турок» Антонио Эррера де Тордесильяс и особенностях его труда, оригинальный испанский текст, освещающий захват османами Каффы (1475 г.), Килии и Белгорода (1484 г.), а также его русский перевод. Данный источник впервые переведен на русский язык и введен в научный оборот.

Результаты и научная новизна: основным источником для автора в части падения Каффы, Килии и Белгорода послужил труд итальянского хрониста Джованни Мария Анджиолелло, творчески переработанный А. Эррера де Тордесильяс. Автор освещает события в Крыму накануне османского завоевания, отношения генуэзцев с татарами, настроения жителей Каффы, описывает приготовления турецкого флота, осаду города и его предательскую сдачу турецкому военачальнику, обман турок и их бесчинства над сдавшимися на милость победителя жителями, их ограбление, разделение семей, продажу в рабство детей, депортацию оставшегося итальянского населения в Стамбул. Упоминает он и о захвате других итальянских колоний Крыма, хотя и без подробностей. Сведения Антонио Эррера де Тордесильяс о захвате города Каффа и судьбе его населения находят подтверждение в османских источниках. Второй блок информации посвящен захвату османами стратегически важных городов Северо-Западного Причерноморья Килии и Белгорода в 1484 г. Здесь автор значительно более кратко описывает события, которые по сравнению с падением Каффы вызвали значительно меньший резонанс в Европе. Некоторые особенности текста Антонио Эррера де Тордесильяс позволяют утверждать, что он изложил далеко не весь доступный ему материал.

Ключевые слова: османское завоевание Северного Причерноморья, Каффа, генуэзские колонии Крыма

Для цитирования: Гулевич В.П. Османское завоевание Каффы (1475 г.), Килии и Белгорода (1484 г.) в «Хронике турок» испанского историка Антонио Эррера де Тордесильяс // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 3. С. 568–592. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-3.568-592

Благодарности: автор статьи считает своим приятным долгом искренне поблагодарить кандидата филологических наук, доцента кафедры романской филологии Института филологии Киевского Национального университета имени Тараса Шевченко Людмилу Васильевну Артемову за неоценимую помощь в переводе источника.

THE OTTOMAN CONQUEST OF CAFFA (1475), KILIA
AND BELGOROD (1484) IN THE *CHRONICLE OF THE TURKS* WRITTEN
BY ANTONIO DE HERRERA Y TORDESILLAS, THE SPANISH HISTORIAN

V.P. Gulevich

Verkhovna Rada of Ukraine

Kyiv, Ukraine

gulevych_v@ukr.net

Abstract: *Research objectives:* To introduce the Russian translation of a little-known Spanish source about the Ottoman conquests of Caffa (1475), and Kilia and Belgorod (1484), into scholarly circulation.

Research materials: Spanish sources on the history of the Golden Horde and the Crimea are very few. Therefore, the *Chronicle of the Turks* is an important and interesting source for this region dating from the late Middle Ages. The present article contains an introductory essay both about the author of the *Chronicle of the Turks*, Antonio Herrera de Tordesillas, and the features of his work. The next section contains the original Spanish text describing the capture by the Ottomans of Caffa (1475), Kilia and Belgorod (1484); as well as its Russian translation. This effort represents the first translation of the source into Russian and its introduction into scholarly circulation.

Results and novelty of the research: The main source for the author on the fall of Caffa, and Kilia and Belgorod, was the work of the Italian chronicler, Giovanni Maria Angiolello, though it was creatively revised by A. Herrera de Tordesillas. The author covers the events in the Crimea on the eve of the Ottoman conquest, relations between the Genoese and Tatars, and the mood of Caffa's inhabitants. He describes the preparation of the Turkish fleet, the siege of the city and its treacherous surrender to the Turkish military, the deception of the Turks and their atrocities against residents who had been surrendered to the mercy of the victors, their plundering, the separation of families, the enslavement of children, and the deportation of the Italian populace to Istanbul. He mentions the capture of other Italian colonies in Crimea, although without providing details. He further describes the Ottoman capture of the strategically important cities of the northwestern Black Sea Region – Kilia and Belgorod in 1484. Here, the author describes the episodes in a concise form, since, compared with the fall of Caffa, these events had a much lower resonance in Europe. Some features of the text by Antonio Herrera de Tordesillas suggest that he did not provide all the information that he actually had available.

Keywords: Ottoman conquest of the Northern Black Sea Region, Caffa, Genoese colonies of Crimea

For citation: Gulevich V.P. The Ottoman Conquest of Caffa (1475), Kilia and Belgorod (1484) in the *Chronicle of the Turks* written by Antonio de Herrera y Tordesillas, the Spanish Historian. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 3, pp. 568–592. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-3.568-592

Acknowledgment: The author of the article considers it a pleasant duty to sincerely thank the Candidate of Philological Studies, Associate Professor of the Department of Romance Philology at Kyiv National Taras Shevchenko University's Institute of Philology, Liudmila V. Artemova, for her great help in translating the source.

Испанские источники по истории Золотой Орды и Крыма, повествующие о периоде позднего средневековья, можно сосчитать в прямом смысле слова по пальцам одной руки. Среди таких «Книга знаний о всех королевствах, землях и владениях, которые есть в мире» [6; 11], написанная в первой половине XIV в., описание посольства к Тамерлану дипломата Руи Гонсалеса де Клавихо [1; 7; 12; 15; 16] и путевые записки Перо Тафура с описанием его посещения Крыма в 1438 г. [2; 3; 17; 18]. Их неоднократно издавали, как в оригинале, так и в переводе. При такой малочисленности испанских источников тем более интересным для исследователей является произведение знаменитого испанского историка Антонио Эррера де Тордесильяс (1549–1625) «Хроника турок», в которой автор уделяет внимание событиям 1475 г. с описанием завоевания османами Каффы и судьбы ее жителей, а также 1484 г., когда были захвачены Килия и Белгород. Это произведение никогда не привлекалось в качестве источника для истории Крыма, видимо, из-за того, что, судя по заглавию, основным источником для нее якобы послужило широко известное произведение итальянского хрониста Джованни Мария Анджиолелло (ок. 1451 – ок. 1525).

Родился будущий историк в селении Куэльяр, в провинции Сеговия. Его отец Родриго де Тордесильяс был человеком благородным и зажиточным, но сам Антонио в своих подписях всегда помещал на первое место фамилию матери – Инес де Эррера. Начальное образование, в том числе знания латинского языка, он получил в родном городе, а далее, возможно, продолжал обучение в университете Саламанки. В 1570 г. он оправился в Италию на службу к аристократу, дипломату, писателю, военному инженеру и кондотьеру герцогу Веспасиано I Гонзага, который в 1572 г. стал наместником Наварры. Сопровождая его, Эррера учил итальянский язык, постепенно увеличивая свой круг знакомых среди влиятельных людей и сколачивал капитал. Благодаря герцогу вскоре Антонио был представлен испанскому королю Филиппу II и получил официальное денежное жалование от испанской короны. В 1596 г. он стал «главным летописцем Америки», а через два года еще и Кастилии.

Антонио был очень плодовитым писателем, посвятившим много внимания не только истории родной Испании, но и Португалии, Шотландии, Англии, Голландии, Франции, Италии и др. Воплощением его амбиций стала грандиозная История Америки, а также трехтомная «Всеобщая мировая история», где, между прочим, автор уделил много внимания Восточной Европе. Среди неизданных трудов Эрреры имеется рукописная «Хроника турок»¹, описывающая события в Османском и соседних государствах от его основания и до времен султана Сулеймана I Кануни (ум. 1566).

Хроника является богатым источником информации об османских государственных институтах, политической организации и формах правления: султане, административной, налоговой и судебной системах, система возведения на престол и т.п.; раскрывает особенности турецкой экономики часто сравнивая ее с экономиками европейских государств, описывает морские и

¹ Тут и далее сведения о самой хронике, ее списках и особенностях текста взяты из статьи исследователя творчества Антонио Эррера де Тордесильяс испанского историка Фернандо Фернандеса Ланса [13].

сухопутные торговые пути, сложную систему торговых отношений с другими странами, важнейшие рынки и ярмарки, отношения между населением страны, занятым сельским хозяйством, ремеслом и промышленным производством: верфи, металлургию, текстиль, обработку кож, продукты питания, производство древесины, строительство, оружие и пр.; служит наставлением в области военной стратегии, вооружения, качества, количества, характера, происхождения и значения разного вида войск, порядка и организации сражений, сотрудничества и вражды с соседними государствами и т.п.

Кроме этого в Хронике освещаются вопросы религии (конечно, с явной католической приверженностью), некоторые аспекты содержания Корана, функции и причины существования патриарха Константинополя, иерархии подчиненной ему Церкви, типологии духовных орденов, обрезания, молитв и пр. Еще одним из важных аспектов является характеристика различных народов и этносов Османской империи: турки, татары, греки, арабы, мавры, берберы, евреи и др., а также различных маргинальных групп: корсары, пленники, отступники, разные соседние османам народы, в частности, европейские государства и персы. Автор обращает внимание на их культуру, образование, искусство, литературу, науки, обычаи, суеверия, достоинства и недостатки, роль женщин в обществе, еду, привычки и одежду.

На сегодня известно семь рукописных вариантов «Хроники турок». Вероятный автограф – манускрипт № 3624 из La Biblioteca Nacional de Madrid – представляет собой фолиант в 321 лист бумаги размерами 305 на 210 мм. Текст каждой из глав написан сплошной строкой без разбивки на абзацы. Пагинация арабскими цифрами с 1 по 312 и с 314 по 321 лист. Отсутствуют страницы с 122 по 192 включительно. Каллиграфия характерна для XVII века. На обложке почерком того же века написано: «Это оригинал, который до сих пор не был напечатан»². В заголовке следующее примечание: «Оригинал: настоящий экземпляр, несомненно, тот, который видел в Библиотеке дон Кристобала Самбрано дон Николас Антонио, и он цитирует его в своей «Bibliotheca Nova», том 3, с[траница]. 129, кол[онка]. 2, потому, что это полностью совпадает с описанием, которое он делает о нем, и у него есть автограф с указанием даты 20 декабря года, в котором он закончил его; хотя следует полагать, что в то время в нем не было испорченных листов, которые в настоящее время отсутствуют, то есть с 122 до 192 включительно. В любом случае это очень редкая хроника. 3-3-[18]82 [год]»³. Под этими словами написано: «Мадрид (1882 г.) Перес Хункера (2400 P)»⁴, с подписью и печатью Переса Хункера и отдельно на листе 1 имя «Бернардо Ласо Кобос»⁵.

² Este es el original y hasta hoy no se ha Impreso.

³ Original: El presente ejemplar es Indudablemente el que vió en la Biblioteca de don Cristóbal Zambrano, don Nicolás Antonio, y cita en su Biblliotheca Nova, tomo 3, pág. 129, col. 2, pues coincide perfectamente con la descripción que hace de él y tiene como aquél el autógrafo diciendo la fecha de 20 de diciembre del año en que la terminó; si bien es de suponer que en aquella época no le habrían sido mutiladas hojas que al presente le faltan, que son desde la hoja 122 a la 192 Inclusive. De todos los modos, es una crónica rarísima. 3-3-[18]82.

⁴ Madrid (1882) Pérez Junquera (2400 R). По всей видимости, это испанский издатель конца XIX – начала XX в. Сантьяго Перес Хункера.

⁵ Bernardo Laso Cobos. Личность не установлена.

Также на листе 1 написано название «Хроника турок, которая в основном следует за тем, что написал Хуан Мария Вичентино⁶, летописец Магомета, Баясита, Селима и Сулеймана, их сеньоров»⁷. Внизу листа можно прочесть: «Антонио Эррера, Хронист его Величества Филиппа Второго, которому [он] посвящает [свою хронику]»⁸. На листах 314–321 находится «Таблица глав, содержащихся в этой книге» и в конце таблицы на листе 321v. надпись рукой самого автора «Я закончил эту историю 20-ХП-1598», однако на листе 312v. перед Таблицей глав ясно просматривается надпись «1565 год».

Хроника разделена на 254 главы и состоит из трех блоков. По мнению ряда исследователей, первый от I до LIII главы основан на извлечениях из «*Historia Turchesca*», приписываемой отдельными исследователями Д.М. Анджиолелло, и других христианских источников; второй, наиболее обширный и богатый известиями, состоит из ста восьмидесяти шести глав с LIV по CCXL, описывает период от правления Мехмеда II до смерти Селима I и якобы почти полностью заимствован из упомянутого выше итальянского хрониста; третий – от CCXLI до CCLIV главы основан на очень разных устных или письменных источниках.

Но есть одна важная особенность. На сегодня известно несколько трудов Анджиолелло: «*Breve narrazione della vita et fatti degli Scia di Persia Ussun Hassan e Ismael*»⁹, «*Historia Turchesca*», дошедший до нас в трех разных рукописях на итальянском языке, «*De cáelo et Mundo*», «*Manuscrito de Vicenza*»¹⁰. Есть еще «*Relazione sulle cose del Turchi di un Merchante veneziano partito per Constantinopla*», авторство которой, вероятно, также принадлежит Анджиолелло. Именно из «*Breve narrazione...*», повествующего о войне турецкого султана с персами, и «*Manuscrito de Vicenza*», где описан захват османами о. Негропонт, встречается наибольшее количество заимствований в «*Historia Turchesca*». В обоих случаях Джованни Мария был не только свидетелем, но и непосредственным участником событий. Но сопоставляя текст второго блока Хроники испанского историка с изданной Ионом Урсу «*Historia Turchesca*» [10], исследователи обнаружили, что в первой содержится многочисленная дополнительная информация, а во второй отмечено «вмешательство» каких-то иных «хронистов» помимо Анджиолелло. В интересующих же нас событиях в Крыму и Северо-Западном Причерноморье Джованни Мария не участвовал и, соответственно, мог описать их лишь с чьих-то слов либо письменных донесений.

⁶ Джованни Мария Анджиолелло, которого Эррера по месту рождения в г. Виченца и на испанский манер именует Хуаном Марией Вичентино.

⁷ *Crónica de los Turcos*, la cual principalmente sigue a la que escribió Juan María Vicentino, cronista de Mahometo, Bayasit, Selim y Suleimán, señores de ellos.

⁸ Por Antonio de Herrera, Cronista de la Majestad de Felipe Segundo, a quien la dedica.

⁹ *Breve narrazione della vita e fatti degli scia di Persia Ussun Hassan e Ismaele*. Vicenza 1490 // *Ramusio G.B. Delle navigationi et viaggi*. Vol. II. Venezia, 1559. Fol. 74r–86r.

¹⁰ *Reinhard J. Essai sur J.-M. Angiolello noble vicentin (1452–1525) Premier Historien des Ottomans (1300–1517) et des Persans (1453–1524) sa vie – son oeuvre, avec La première édition annotée de ses écrits*. Angers J. Siraudeau, Imprimeur-éditeur, 1913. 238 p.

Авторство «*Historia Turchesca*» было спорным уже с тех пор, как И. Урсу опубликовал в 1909 г. рукопись этого текста из Национальной Библиотеки Парижа и объявил на основе трех личных свидетельств автора на страницах фолианта, что эта работа принадлежит перу Донадо да Лецце. Доказательства И. Урсу против авторства Анджиолелло столь же веские, как и доказательства в пользу авторства да Лецце. И хотя из-за значительного заимствования текстов из Анджиолелло парижская рукопись названа «*Historia Turchesca di Gio. Maria Angiolello Schiavo et altri schiavi dall'anno 1429 sino al 1513*», общая компоновка этого труда не может принадлежать ему самому. Слишком уж много глубоких различий в стиле, содержании и взглядах. Так, в «*Historia Turchesca*» заметно плохое знание истории и географии Османской империи и весьма наивно представлено происхождение этого государства там, где в трудах Анджиолелло, которые не вызывают сомнения в его авторстве, это изложено удивительно близко к их современному антропологическому и историческому пониманию. Наконец, в «*Historia Turchesca*» фигурируют расхожие мифы о захвате османами о. Негропонт, не имеющие отношения к тому, что описывает Анджиолелло. Эти и другие обстоятельства позволяют предположить, что, может быть, Эррера использовал автограф или близкий к нему текст Анджиолелло, отличающийся от изданного И. Урсу.

Переходя непосредственно к самой Хронике, необходимо сказать, что тут нет нужды вдаваться в излишнее ее исследование, как исторического источника в части падения генуэзских колоний Крыма. Анализ этих событий заинтересованный читатель найдет в специально посвященной этому событию недавней публикации о письме тосканского анонима [4]. Здесь мы лишь кратко коснемся наиболее важных моментов. События, изложенные Эррера де Тордесильяс, имеют большое сходство с тосканским анонимом и текстом, изданным И. Урсу. Лишь в самом начале отрывка о падении Каффы под пером автора вполне достоверные известия причудливо перемешались с перекрученными. Случилось это, видимо, либо из-за не совсем четкого понимания Эррера де Тордесильяс своего источника, либо было заимствовано из автографа Анджиолелло. В частности, главный татарский карачи-бей Эминек Ширин по воле автора поменялся ролями с ханом Менгли Гиреем и даже стал губернатором Каффы. Но это единственное значительное фактическое расхождение.

Интересны неизвестные детали прибытия османской армады на рейд Каффы в изложении испанского историка. Так, в письме тосканского анонима сказано, что турецкий флот появился под стенами города 31 мая, а Эррера пишет, что это произошло еще 22 числа того же месяца. Лишь из-за сильного ветра армада вынуждена была на несколько дней уйти далеко в море и выслать на переговоры к татарам одну маленькую галеру. Далее данные Эррера о времени высадки османских сил на берег, их количестве, а также о составе турецкого флота и артиллерии, обстреле Каффы, панике в городе, заключении перемирия на три дня и сговоре генуэзских представителей с турецким главнокомандующим, сдаче города на милость победителей, переписи населения и его имущества, продажи в рабство всех иностранцев, пребывавших в городе, разделения семей и отнятия детей у родителей, выплате контрибуции

совпадают с данными тосканского анонима. Но изложение Эрреры о судьбе несчастного населения Каффы изобилует детальными подробностями всех перенесенных ими горестей, которые он сравнивает с «еще одним разрушением Иерусалима».

Не лишним будет тут упомянуть, что информация о панике жителей Каффы, сдаче города на пятый день осады, установлении османских флагов на его стенах, проведении переписи городского населения по знатности и богатству, принятом турками решении, кого переселить, а кого оставить на прежнем месте проживания, находят подтверждение и в османских источниках [5].

Эррера раскрывает и причину отсутствия султана в Стамбуле, когда к нему везли известие об удачном исходе военной кампании в Крыму: после отплытия армады в османской столице началась чума, и Мехмед II выехал «на прохладную гору, которая называется Изерелкин» в 60 милях от г. Адрианополя (Эдирне). И действительно, из синхронных источников известно, что султан в это время находился в г. Загора [14, № 188, р. 270], видимо, это один из двух болгарских городов Стара-Загора (Эски Загра) или Нова-Загора (Ени-Загра).

К сожалению, в описании победоносной военной кампании осман в Крыму А. Эррера де Тордесильяс, в отличие от тосканского анонима и автора текста, изданного И. Урсу, ни единым словом не упоминает о борьбе сыновей хана Хаджи Гирея за власть в Крымском ханстве в 1466–1475 гг., хотя, вне всякого сомнения, он знал о ней. Так, в другом интересном отрывке, касающемся завоевания Баязидом II стратегически важных для всего Северо-Западного Причерноморья крепостей и портовых городов Килии и Белгорода в 1484 г., Антонио прямо пишет, что «[султан] никогда бы не завоевал эту землю, если бы в то время между тартарами не было много войны из-за двух братьев, из которых каждый хотел быть сеньором».

ИСПАНСКИЙ ТЕКСТ

Публикуется по транскрибированному Ф.Ф. Ланса [9] тексту хроники с рукописи, размещенной на сайте Biblioteca digital Hispánica [8].

Capítulo LXXX

De la división que había entre los vecinos de la ciudad de Capha con todos los comarcanos y de cómo, a esta causa, el Gran Turco tomó la empresa contra la ciudad

La ciudad de Capha era poseída en este tiempo de genoveses, la cual es puesta sobre el mar Mayor, pero aunque ellos poseían la ciudad todo el resto de la compañía y comarca era de tártaros, con los cuales los genoveses estaban de continuo en diferencias.

Sabido esto por el Gran Turco, él envió un mensajero a Capha con toda prisa so color de demandar algunos esclavos fugitivos que allí se habían venido de

Trebisonda y de otras tierras de su Estado. Mas la verdadera causa de enviar aquel mensajero a Capha fue porque tuviese manera de hablar con el capitán de la compañía tártara y le hiciese grandes promesas de parte del Gran Turco, porque le fuese favorable y buen amigo a toda empresa que contra la ciudad de Capha quisiese tomar.

El capitán tártaro vino de buena voluntad en todo aquello que el Gran Turco le envió a pedir pero, por mucho secreto que en esto se tuvo, antes que el mensajero del Gran Turco de allí partiese se supo en Capha a qué era venido.

Y el gobernador de la ciudad, habiéndolo entendido, luego buscó manera cómo se matase aquel fuego que ya les iba entrando en las entrañas, pero él traía el agua con harnero porque incontinente que se supo aquella nueva debiera atajar la división que toda la ciudad tenía con todos sus comarcanos y desagrarlos de muchos agravios que cada día de él recibían mas el remedio, que en lugar de esto daba, era amenazar que él traería gente con que destruiría todas las vecindades.

Y así ha sido, y será siempre, la condición de los genoveses de ser enemigos de todo bien y amigos de hacer traiciones y ruindades. Algunos de la ciudad, que se mostraban de buenas voluntades y eran peores que los otros, trataron con el capitán de los pueblos que viniese a Capha a verse con Emineque, que era el capitán de la ciudad, para que entre ellos se diese algún asiento de concordia.

Estos tenían pensado que, venido el capitán tártaro en Capha, le podrían dar hierbas y que muerto él, ligeramente harían las amistades con los pueblos. Todos estos secretos lo eran al entendimiento de ellos que los traían, mas bien se sabían en la compañía donde de mucho antes tenían conocidas las maldades de los genoveses.

Pasados algunos días fue tratado que el gobernador de la compañía fuese a Capha, el cual tenía toda buena voluntad a la paz y estaba ya mucho arrepentido de lo que había ofrecido al Gran Turco y aún se cree que fuera contra él. Venido el gobernador tártaro en Capha habló con Emineque, que era el gobernador, y así mismo con otras personas principales rogándoles enmendasen las cosas pasadas y que tendrían muy buena voluntad. Y dicho esto, él se salió de la ciudad sin querer comer ni beber dentro porque sabía muy bien cómo entre algunos de los de Capha se había hablado de matarle con hierbas, según arriba es dicho.

Luego, desde a poco tiempo, Emineque, gobernador de Capha, trató que el tártaro volviese a la ciudad con seguro como la vez pasada y que, luego como fuese venido, los de la ciudad le prendiesen o matasen. El capitán de la compañía fue avisado de esto y no quiso venir sino a las puertas y, visto que no quería entrar en la ciudad, salió Emineque con gente de la ciudad a caballo y de pie por le prender.

Se pudo salvar el capitán tártaro pero fueron presos algunos de los que con él venían. Cuando Emineque volvió, halló que peleaban dentro de la ciudad y que estaba cerrada la puerta por donde había salido. El pelear era porque algunos querían que no acogiesen a Emineque sino que hiciesen gobernador a uno que se llamaba Caydan; otros decían que Emineque estaba puesto por gobernador y que nadie le debía quitar; otros decían que gobernasen las personas principales del pueblo y que no querían otros gobernadores. Pero todavía Emineque entró dentro.

En este tiempo, los de la compañía cada día corrían hasta los pueblos de Capha. Algunos sacerdotes pusieron algún sosiego en los de dentro por ciertos días pero

con los de fuera no se pudo dar, antes llamaban traidores a los de dentro. Y así estuvieron en esto muchos días hasta que súbitamente el postrimero día de mayo, a las veintidós horas, la armada de los turcos llegó, según adelante se dirá.

En Capha se sabía mucho antes cómo en Constantinopla y en Gallípolis se hacía grande armada pero no podían creer que era para allí, aunque algunos cristianos tuvieron forma de darles aviso desde Constantinopla que la armada era para Capha. Ni ellos lo creyeron ni se dieron maña de concertarse a ningún buen proveimiento.

Capítulo LXXXI

Cómo la armada del Gran Turco llegó a vista de Capha y fue con viento tornada diez leguas atrás

A veintiuno de mayo, que fue un día antes que la armada turquesca llegase a vista de Capha, los de la ciudad lo tuvieron por cierto porque supieron que los enemigos venían muy cerca y así, aquel día y noche siguiente y el otro día de adelante, trabajaron mucho en las cavas, muros, reparos y en adobar la artillería, mas todo esto era en vano porque la fortaleza de Capha estaba en tener acuerdo consigo misma y con la compañía.

Y era todo entonces al contrario porque ellos combatían cada día entre sí mismos y, por otra parte, los de la compañía los tenían cercados y les talaban las viñas y los panes y porque también la compañía sin la ciudad recibía mucho detrimento.

Infinitas veces les rogaron con la paz mas nunca la pudieron alcanzar, que la una parte quería uno y la otra otro, de manera que bien parecía que el enemigo había entrado entre ellos. Porque si la compañía y la ciudad fueran de un acuerdo no había posibilidad para que la armada del Turco pudiera echar escala en tierra. A los veintidós días de mayo vino a vista la armada turquesca y llegó a menos de una legua de Capha, mas se levantó un viento de tierra tan recio que la volvió más de diez leguas dentro en la mar. Entre tanto en la ciudad hacían todos los reparos que podían, mas ni por eso nunca acabaron de tomar concierto alguno con los de la compañía. Enviaron los turcos una pequeña galera, la cual llegó a seis leguas de Capha, y hubo habla con algunos tártaros que andaban por la costa y supieron de ellos cómo todavía se estaban en guerra, la cual cosa fue a los turcos grandísimo favor.

Capítulo LXXXII

Cómo la armada turquesca saltó en tierra y puso cerco sobre la ciudad de Capha

El postrimero día de mayo, tornó a llegar la armada de los turcos a media legua de la ciudad y el primero de junio, a hora de tercia, echaron escalas en tierra muy cerca de la ciudad hacia la parte donde estaba una iglesia muy bien fundada y de gran fundamento llamada de Nuestra Señora.

Los turcos metieron en la dicha iglesia cerca de mil caballos y pusieron sus pabellones allí alderredor y, aquel mismo día, cercaron la ciudad y juntaron sus estancias hasta cerca de la puerta.

Fue el número de la armada turquesca trescientas cincuenta velas. Las doscientas ocho eran galeras cumplidas, cuatro galeazas y los otros eran navíos para abastecerse mas, antes que la dicha armada se partiese de Capha, se hallaron quinientas velas más.

El segundo día de junio, descargaron los turcos catorce bocas de lombardas, de las cuales había algunas de dos bocas y de tres en una guarnición. Y fueron puestas cinco bocas de aquellas contra la puerta y torre de san Jorge y otros cuatro morteros que tiraban dentro en la ciudad para hundir las casas por manera que hacían temer la tierra. Fueron muertos de los dichos morteros algunos hombres dentro de sus mismas casas.

El pueblo de Capha no era tan experto en guerra como de maldades, mas ni por eso jamás cesaba de hacer grandes reparos a todo su poder en aquellas partes que la artillería derribaba. Aun así, se recelaban mucho los unos de los otros y no entendían en hacer partido con los turcos. Las mujeres les aconsejaban que se confesasen y comulgasen e hiciesen entre sí buena amistad porque la ciudad se pudiese defender. Los unos decían que no guardarían los otros aquella amistad y así no se hizo nada que bueno fuese y, al fin, todos acordaron de venir a habla.

Capítulo LXXXIII

De cómo los de Capha vinieron a hablar con los turcos y les fue dada la ciudad

A los seis días de junio, los de la ciudad de Capha hubieron parlamento con los turcos y fue hecha tregua entre ellos por tres días. En aquel tiempo fueron llegados en la dicha ciudad cuatro embajadores para que fuesen al capitán de la armada turquesca, el cual era Amag bajá, y viesen el partido que con él se podía hacer, los cuales embajadores fueron estos: micer Juliano del Friso, micer Bautista de Alegría, micer Sixto Fertucio y micer Gregorio Rojo.

El pacto o parlamento que estos embajadores hubieron con Amag bajá no se pudo saber en la ciudad, salvo que después se vio que cada uno de ellos con su casa y familia fueron salvos y todos los otros fueron vendidos. Dieron a entender falsamente en la ciudad, cuando volvieron, que habían acabado con el capitán de la armada que todas las personas y haciendas de los de Capha fuesen salvas y que todos los casados y nativos de la tierra quedasen en ella en sus mismas posesiones pagando al Gran Turco el tributo acostumbrado, el cual es ducado y medio por cada cabeza de cada hombre de catorce años hasta sesenta. Y del ganado y de todos los otros frutos dieseen de quince cosas dos y que, así mismo, todos los otros mercaderes extranjeros que en la ciudad estuviesen tuviesen libertad de quedarse o irse con toda su hacienda donde cada uno quisiese escoger.

Los mismos vecinos de Capha, engañados de esta manera, entregaron la ciudad y aun no se esperaron a los tres días de la tregua que antes tenían. Y antes que el tercero pasase, fueron en un momento puestas las banderas de los turcos sobre la puerta de san Jorge y sobre la puerta de san Teodoro sin que persona de la ciudad lo supiese, que aún se estaba la mayor parte de la gente casi por los muros y

en las otras partes donde tenían asignadas sus estancias y la primera cosa que vieron ni supieron fue ver las banderas y sonando los instrumentos turquescos en las torres de Capha.

De manera que se pueden loar los cristianos que, guardando bien su fe, quedaron en tan gran vituperio de la cristiandad y daño de sus mismos vecinos y próximos, aquellos embajadores de Capha que hicieron tan gran traición de que aún los mismos turcos hacen después mucha burla.

Capítulo LXXXIV

De las crueldades y maltratamientos que a los de Capha fueron hechas después que la ciudad fue tomada de los turcos

El mismo día que la ciudad se entregó, los de la Valaquia, los de la Rusia y así mismo los georgianos, griegos y de toda nación cristiana, salvo los italianos, fueron presos y tomado cuanto tenían; ellos metidos en cadena juntamente con sus mujeres e hijos y llevados a vender al real.

Usaban los turcos de las mujeres y de las hijas como les placía y decían a los de Capha que se habían dado como bestias y que así, como tales, habían de ser tratados. Apartaban la mujer del marido, al hijo de la madre, al esposo de la esposa y hacían otras muchas crueldades muy grandes. Y como la mayor parte del campo de los turcos eran maleantes y de personas de poca suerte, no tenían vergüenza ni respeto alguno de virtud para dejar de hacer todo cuanto mal podían.

A doce de junio, el capitán general Amag bajá mandó a un secretario suyo que, con aquellos cuatro embajadores que habían hecho la traición de Capha y así mismo con otro de la misma ciudad que se llamaba micer Luis de Gasparín que era de los veintiocho que los embajadores habían franqueado, hubiesen de examinar particularmente de cada uno de la ciudad, ora fuese armenio, griego, judío o cristiano, la condición y la nación suya o el oficio que tenía, o de qué vivía, o de qué lugar era natural, cuánto había que estaba en Capha y si le mandaron venir allí o si se vino él, que todo esto lo escribiesen por muy menudo y se lo trajesen a mostrar.

Fue grandísimo el terror que este mandamiento de Amag bajá puso en las gentes, mayormente a aquellos que estaban en la ciudad a sueldo; así mismo a todos los que no tenían hacienda, que todos tenían gran miedo que Amag bajá los había de hacer matar como en otros lugares lo había hecho. Y por esto, cada uno procuraba de dar a entender que era de alguna condición como fuese mercadante, o que tenía otras suertes de hacienda porque tenían y creían que esto les había de salvar la vida.

Y por el contrario, si algún mercadante u otra persona de los que mucho tenían ponían en el memorial menos hacienda de lo que la suya era, luego aquellos cinco traidores lo acusaban y escarnecían, lo cual era causa que muchos daban para la memoria tanta hacienda que tenían. Los turcos daban a entender a la gente que aquella memoria no se hacía sino por saber con lo que cada uno era obligado a contribuir de lo que habían de pagar del pecho ordinario.

Hizo, así mismo, Amag bajá meter todos los maestros de oro y plata y a sus mercaderías y joyas en una casa y cierto había en aquel tiempo tanto de aquello, en aquella ciudad de Capha, cuanto en otro lugar del mar Mayor. Otrosí mandó que todos manifestasen las deudas que les debían, en qué parte, para qué tiempo y todas las otras maneras de recado que fue posible.

A los trece y catorce del dicho mes, se puso mandamiento a pena de la cabeza que cada uno fuese a presentar los hijos y las hijas que tenían desde edad de siete años hasta los veinte, porque de aquéllos quería escoger los que le pluguiese para llevar al Gran Turco. Se halló mucho número de hombres y de mujeres de aquella edad, que serían diez mil, y de estos escogió Amag bajá mil seiscientos mozos y mozas de edad de diez años hasta los veinte. Algunos había de éstos casados y desposados que escogían al marido y dejaban la mujer y, en otra parte, escogían a la mujer y dejaban al marido según la edad de cada uno de ellos.

Muchas cosas se vieron conquistadas por el Gran Turco antes de esta y así mismo otras muchas después, mas ni tal grito, ni tal planto, ni tal estrépito jamás fue visto de personas, ni semejante batir de las manos en la cara, ni tal despedazar los cabellos y rasgar la carne con las propias uñas. A algunos fueron cortadas las cabezas por no manifestar los hijos, otros eran hallados que se habían colgado viéndose llevar los suyos cautivos, otros con el dolor grande andaban ladrando la noche y el día por las calles públicas hasta que se caían amortecidos, otros se amortecían abrazados al pescuezo de los hijos y a otros les cortaban los brazos por no poderlos desasir de sus padres o de sus mujeres.

Yo no sé cuál infernal no fuese movido a piedad y muy grande, de lo que allí pasaba, y aquellos cuatro traidores que los vendieron eran los que más acusaban. Fueron tomados por los turcos todos los esclavos y esclavas que se hallaron en Capha, que pasaron de número de cuatro mil. Fue así mismo vista allí otra cosa contra toda humanidad, que muchos niños de ocho días, de un mes, de un año, los sacaban los turcos de los brazos de sus madres y los batían en tierra para llevar las madres a donde les placía para hacer dineros de ellas.

A los dieciocho del dicho mes, fue mandado y pregonado por todas las plazas que todo hombre abriese las boticas y vendiese e hiciese su mercadería como antes y se asegurasen sin temer ya más de cosa alguna, lo cual fue un poco de refrigerio a los vecinos de Capha. Y esto duró muy poco porque no mucho después, de la forma que una tempestad súbita suele venir, tornó a mandar que todos los italianos a pena de la cabeza en término de tres días hubiesen de pagar la mitad de todo aquello que habían manifestado de sus bienes. Y así aún, si pidiera la mitad de todas las cosas que habían manifestado no fuera tanto mal, mas lo pidieron en dinero contado, lo cual no era posible pagar sin hacer lo que hicieron, que fue dar toda su ropa por el cuarto de lo que valía hasta quedarse en camisa y, así mismo, el oro y la plata tomaban en menos de la mitad de su valor por ser labrada.

Así que, se puede decir que, en Capha fue otra destrucción de Jerusalén porque no solamente los de la ciudad manifestaban lo que sus haciendas valían, mas aun mucho más de lo que éstos tenían por no ser muertos y vendidos, como arriba es dicho. Y a los que después los turcos hallaban no tener lo que habían manifestado les daban grandes tormentos por ello, empalándolos y haciéndoles otras infinitas crueldades o, cuando mejor libraban, si toda la ropa que tenían no bastaba para

pagar la mitad de lo que habían manifestado de hacienda, según estaba mandado por Amag bajá, le vendían la persona.

A los veintidós días del mes de junio, a las tres horas del dicho día, fue hecho mandamiento que todos los italianos que en la ciudad estaban y, así mismo, los que se encontraban en ella en nombre de italianos, con sus esclavos y esclavas, so pena de la cabeza, en término de día y medio, se hubiesen de embarcar en ciertos navíos que allí estaban así mismo señalados para ello.

Y los que del término asignado fuesen hallados en adelante en la tierra, mandaba el capitán general que fuesen hechos piezas. Así mismo, fue hecho mandamiento y pregonado por la ciudad que ninguna persona de las que quedaban en Capha, so pena de la cabeza, no tomasen cosa en depósito ni en guarda de ninguna suerte de italianos; que fue fuerza a algunos mercaderes, que tenían llenos los almacenes, entender en salvar las personas con lo mejor que tenían como a ellos era posible y dejar lo demás en sus casas y ninguno osaba tomar lo que en ellas quedaba sino el capitán.

Andaba por las calles un llanto de mucha mancilla, de aquellas tristes familias, que con tanta prisa se presentaban en la marina en el tiempo que les era señalado. Muchos de ellos con la prisa se olvidaron de meter pan en los navíos, que después lo deseaban y rogaban a Dios que mil veces fuesen vendidos antes que verse sola una hora en tal necesidad como la que de hambre pasaban.

Embarcadas que fueron aquellas miserables familias de Capha, partieron los navíos del puerto y a tres de agosto llegaron en el canal de Constantinopla. Y porque había pestilencia en la tierra los hicieron apearse en el campo, donde estuvieron los cuitados por tiempo de tres meses sin abrigo ninguno hasta que la pestilencia cesó. Y entonces fueron traídos por mandado del Gran Turco a Constantinopla.

... La armada turquesca, antes que viniese el invierno, tomó en la comarca de Capha a Orpaya, a Zibano, a Todoro, a Tumania y a otros muchos lugares y metió infinitos navíos de cristianos a fondo.

Capítulo LXXXV

De lo que el Gran Turco hizo mientras la armada estuvo en la empresa de Capha...

...Al tiempo que Amag bajá fue a la empresa de Capha, el Gran Turco se quedó en Constantinopla. Y como desde algunos días comenzase a haber peste en la ciudad, él se fue a una montaña fresca donde estuvo cierto tiempo muy a su placer, la cual es llamada Yserelquín y es a sesenta millas de Adrianópolis.

Capítulo CXXXVI

Cómo Bayasit, gran turco, fue contra el conde Estéfano Carabodan y le ganó las ciudades de Litóstomo a Moncastro

Después de muchos días, Bayasit sultán pasó el Danubio con todo su ejército y metió el su campo sobre la ciudad de Litóstomo, la cual está asentada en la ribera

del mar Mayor, y por la otra parte pasa un ramo del Danubio que allí cerca entra en la mar.

Puesto pues el campo sobre Litóstomo, y cercada la ciudad por mar y por tierra, visto por los que en ella estaban que el señor Carabodan no tenía facultad para socorrerlos, ni ellos tenían manera para poderse defender y que el cerco había durado siete meses y habían gastado todo el mantenimiento y munición que tenían, acordaron de rendirse al Gran Turco sacando por partido que viviesen en sus haciendas y pagasen al dicho señor lo mismo que pagaban al Carabodan.

Habido este lugar, Bayasit sultán deliberó de ir más adelante. Y así, juntamente la armada y el campo terrestre fueron para la ribera del mar Mayor a cercar la ciudad de Moncastro, la cual está lejos de Litóstomo hasta cien millas. Y está puesta sobre el dicho mar Mayor y, así mismo, le pasa por la otra parte la ribera gruesa del Boristenes, que el día de hoy es llamado Neper.

Este lugar se defendió del Gran Turco dos meses, mas tomando ejemplo de lo que la ciudad de Litóstomo había hecho, se rindieron con el mismo partido. Ganada Moncastro, el gran turco Bayasit hizo saber por todo lo llano de la tierra, la cual estaba despoblada, que todos los que se volviesen a sus lugares dentro de cierto término, que los recibiría con el mismo partido de Litóstomo y Moncastro.

...Y aunque las dichas tierras eran del conde Estéfano Carabodan y los lugares principales fueron ganados por el gran turco Bayasit, y hoy son del señorío de Ujieto, la gente de la tierra siempre paga también tributo al señor Tártaro, como al Gran Turco, y así mismo a la casa del conde Estéfano. Y a todos ellos dan igual obediencia. Y no podrían vivir de otra manera, porque cualquiera de estos tres señores los puede destruir.

Y por tanto, cuando Bayasit sultán ganó las ciudades susodichas de Litóstomo y Moncastro, consintió que la gente de la tierra reconociese señorío a todos tres porque, de otra manera, él hubiese de dejar cincuenta mil hombres para defender la tierra de los tártaros y del Carabodan. Y aún nunca él la conquistara, si en aquel tiempo no hubiera mucha guerra entre los tártaros a causa de dos hermanos, que cada uno de ellos quería ser señor. Y por tanto, el conde Estéfano no pudo ser socorrido de ninguno de ellos para socorrer él sus ciudades, antes que el Gran Turco las ganase.

ПЕРЕВОД

Глава LXXX

О розни, которая была между соседями (жителями) города Каффы со всеми комарканами¹¹, и о том, как по этой причине Великий Турок¹² повел дело против города

Город Каффа, который расположен на Большом море¹³, в это время [1475 г.] держали генуэзцы, но, хотя они и владели городом, остальная часть

¹¹ От лат. comarchus – начальник или сеньор города, селения или местности. Судя из контекста, тут автор имеет ввиду татарских карачи-беев, стоявших во главе своих бейлыков.

¹² Великий Турок – османский султан.

¹³ Черное море.

компании¹⁴ и региона были тартарскими, с которыми у генуэзцев были постоянные разногласия.

Узнав об этом, Великий Турок поспешно выслал в Каффу посланника под предлогом требования вернуть нескольких беглых рабов, которые пришли туда из Требисонда¹⁵ и других земель его государства. Но настоящая причина отправки этого посланника в Каффу заключалась в том, чтобы найти способ поговорить с тартарским капитаном компании и дать ему большие обещания от Великого Турка, чтобы тот поддержал и стал на сторону любого предприятия против города Каффа, [которое султан] мог бы предпринять.

Капитан тартар проявил добрую волю для участия во всем, о чем Великий Турок просил его, но как бы не сохраняли они тайны, еще до того, как посланец Великого Турка уехал оттуда, в Каффе стало известно зачем он приезжал.

И губернатор города, осознав [опасность], вскоре стал искать способ как погасить огонь, который уже проник глубоко внутрь, но это все было напрасно, поскольку вместо того, чтобы, узнав ту новость, попытаться остановить разногласия, которые были у всего города со всеми его комарканами и исправить их многие обиды, от которых они страдали каждый день, не сдержавшись, вместо этого, он стал угрожать, что он приведет людей, которые уничтожат все окрестности.

И так это было и будет всегда, что по природе генуэзцы всегда есть враги всего доброго, но приспешники предательства и подлости. Некоторые [люди] из города, которые притворившись людьми доброй воли, хотя были хуже других, связались с капитаном [татарских] селений, чтобы тот приехал в Каффу, чтобы увидеть Эминека, который был капитаном города, с тем чтобы между ними установилось согласие.

Они задумали, что по приезду тартарского капитана в Каффу, они смогут отравить его, и, когда он умрет, они легко договорятся с людьми из селений. Все это казалось секретом только для тех, кто это задумал, так как в компании уже давно знали о злых умыслах генуэзцев.

Через несколько дней было оговорено, что в Каффу приедет правитель компании, который имел добрую волю к миру и уже очень сожалел о том, что предложил Великому Турку, и даже считается, что он был против него [султана]. Когда тартарский правитель в Каффе поговорил с Эминекком, который был губернатором, а также с другими главными лицами, умоляя их исправить прошлые ошибки и прося проявить свою добрую волю. И, сказав это, он покинул город, не желая ни есть, ни пить, будучи в нем, потому что он очень

¹⁴ Эррера, видимо не зная крымских реалий XV в., вместо слова «самрагна», то есть территории за пределами Каффы, непосредственно подчиненной власти татар, как его понимали и писали генуэзцы, использует похожее по звучанию и написанию слово «сомрафа», которое в испанском языке имеет то же значение, что и в русском «компания».

¹⁵ Трапезунд, греч. *Τραπεζοῦντα* – современный турецкий г. Трабзон на южном побережье Черного моря.

хорошо знал, как некоторые [представители городской власти] в Каффе задумали отравить его с помощью трав, как было сказано выше.

Затем через короткий промежуток времени Эминек, губернатор Каффы, попытался вернуть тартарина в город обещая безопасность, как в прошлый раз, но с тем [замыслом] чтобы, как только он приедет, жители города его поймали или убили. Капитан компании был предупрежден об этом и захотел подъехать только к воротам, и, видя, что он не хотел въезжать в город, Эминек выехал с горожанами верхом и пешими с тем, чтобы поймать его.

Тартарский капитан смог спастись, но некоторые из тех, кто с ним прибыл, были схвачены. Когда Эминек вернулся, он обнаружил, что внутри города была битва и ворота, через которые он вышел, были закрыты. Бились из-за того, что некоторые хотели не принимать Эминек, а сделать губернатором одного [человека] по имени Кайдан¹⁶; другие говорили, что Эминек был назначен правителем и что никто не может его снять [с должности]; другие говорили, чтобы градоправителями стали главные жители города и что других губернаторов они не хотят. Но Эминек все же вошел в город.

В это время те [татары] из компании каждый день приходили к народу (т.е. – жителям) Каффы. В эти дни некоторым священникам удалось принести некоторое спокойствие жителям города, но не тем, кто находился снаружи [города], так как они называли предателями тех, кто жил в городе. И так продолжалось много дней, пока внезапно в последний день мая в двадцать два часа не прибыла турецкая армада, как будет сказано позже.

В Каффе стало известно гораздо раньше, что в Константинополе и Галлиполи собиралась большая армада, но они не могли поверить, что она было против них, хотя некоторые христиане смогли предупредить их из Константинополя, что армада предназначалась Каффе. Они не только не поверили, но и не проявили ловкости в том, чтобы сообща принять какие-либо меры для снабжения [города].

Глава LXXXI

Как армада Великого Турка попала в поле зрения Каффы, и как ветер отогнал ее на десять лиг¹⁷ назад

Двадцать первого мая, то есть за день до того, как турецкую армаду стало видно из Каффы, в городе уже точно знали [об армаде], поскольку стало известно, что враги подошли очень близко, и поэтому, и днем, и ночью, и на следующий день они много работали в подвалах, на стенах, ремонтировали и готовили артиллерию, но все это было напрасно, потому что сила Каффы заключалась в том, чтобы договориться между собой и с компанией.

И тогда все было наоборот, потому что они боролись каждый день между собой, а, с другой стороны, те [татары] из компании окружили их, опустошили виноградники и хлебные поля, потому что компания без города тоже сильно пострадала.

¹⁶ Шейдак, сын Мамака Ширина.

¹⁷ Лига – обычная мера длины в Западной Европе позднего средневековья равная ок. 4,8 км.

Множество раз они умоляли их [татар] о мире и так и никогда его не смогли достичь, [потому] что одна сторона хотела одного, а другая – другого, так что справедливо казалось, будто бы враг был среди них. Потому что, если бы компания и город смогли бы договориться, у турецкой армады не было бы возможности сойти на берег. Двадцать второго мая турецкая армада появилась в поле зрения и стала менее чем в лиге от Каффы, но поднялся такой сильный ветер, что отогнал ее назад в открытое море на более чем десять лиг. Между тем в городе делали все [необходимые] ремонтные работы, которые могли, но даже и по этой причине они никогда не достигли соглашения с [татарами] из компании. Турки послали [к берегу] одну маленькую галеру, которая стала [на берегу] в шести лигах от Каффы, и они смогли поговорить с некоторыми татарами, которые находились на побережье и узнали от них, что они [татары] все еще воевали [с городом], что было большой пользой для турок.

Глава LXXXII

Как турецкая армада высадилась на землю и осадила город Каффу

В последний день мая турецкая армада вернулась и стала в половине лиги от города, а первого июня, в третий час дня она высадилась на землю очень близко к городу, к той части, где находилась хорошо построенная церковь и справедливо называемая «Наша Сеньора» (т.е. – Богородица).

Турки завели около тысячи лошадей в ту церковь и разместили вокруг свои шатры, и в тот же день они окружили город и разбили свой лагерь рядом с воротами.

Триста пятьдесят парусников, таким было количество турецкой армады. Двести восемь были [настоящие] галеры, четыре большие галеры, а остальные – корабли для снабжения, но еще до того, как армада отплыла в Каффу, их было более пятисот парусников.

Во второй день июня турки выгрузили [с кораблей] четырнадцать ствольных бомбард, из которых было несколько двух- и трехствольных. И были поставлены пять ствольных против ворот и башни Святого Георгия, и другие четыре мортиры стреляли по городу и разрушали дома так, что и земле было страшно. Некоторые люди погибли от этих мортир в своих собственных домах.

Народ Каффы был не таким опытным в войне, как в злодействах, но он никогда не переставал ремонтировать, как только мог те части, что разрушала артиллерия. Но даже при этом, они [жители города] очень подозрительно относились друг к другу и не понимали, как договориться с турками. Женщины советовали им исповедаться, причаститься и сдружиться между собой, чтобы [вместе] защитить город. Одни говорили, что другие не будут поддерживать эту дружбу, и поэтому ничего хорошего не было сделано, и, наконец, все согласились пойти на переговоры.

Глава LXXXIII

Как каффинцы пришли говорить с турками и отдали им город

В шестой день июня в городе Каффа были переговоры с турками, и между ними было заключено перемирие на три дня. В то время в указанный город прибыли четыре посла, чтобы [говорить с] капитаном турецкой армады, которым был Амаг-баха¹⁸, и рассмотреть соглашение [о сдаче города], которое можно было бы с ним заключить; такими послами были: мессир Хулиано дель Фристо¹⁹, мессир Баутиста де Алегррия²⁰, мессир Сиксто Фертуцио²¹ и мессир Грегорио Рохо²².

О пакте или договоре о сдаче [города], который заключили эти послы с Амаг-бахою, в городе известно не было за исключением того, что позже стало видно, что каждый из них со своим домом и семьей был спасен, а все остальные были проданы. По возвращению они ложно заявили в городе, что договорились с главнокомандующим армады, что все люди и имущество [жителей] Каффы будут спасены и что все женатые и уроженцы земли могут остаться в нем и [сохранить] их собственное имущество, заплатив Великому Турку обычную дань, которая составляет дукат и половину [дуката] с каждой головы каждого человека от четырнадцати до шестидесяти [лет]. Из скота и любых других плодов [товаров] отдать надо из пятнадцати [единиц] вещей – две, тогда как все другие иностранные торговцы, которые были в городе, свободны [выбрать] остаться или уйти со всеми своими товарами, куда кто пожелает.

Обманутые таким образом жители Каффы сдали город и даже не дожидались [окончания] трех дней перемирия, которое они имели прежде. И еще до того, как прошел третий [день], флаги турок были так быстро установлены на воротах Святого Георгия и на воротах Святого Теодора, что никто из [жителей] города об этом не узнал, и даже большая часть народа была все еще на стенах и в других местах, куда они были назначены [для обороны], и первое, что они увидели, не зная, – это флаги и [услышали] игру турецких инструментов на башнях Каффы.

Таким образом можно «восхвалить» христиан, которые, хорошо защищая свою веру, так обесчестили христианство и [нанесли] вред своим соседям и близким, [как] те послы Каффы, которые совершили такое великое предательство, что даже сами турки позже насмехались.

¹⁸ Гедык Ахмед-паша, командующий османским войском.

¹⁹ Джулиан де Фьеско.

²⁰ Баттиста Аллегро.

²¹ Систо Чентуриони.

²² Грегорио Россо.

Глава LXXXIV
Жестокости и произвол, совершенные в Каффе после того,
как город был взят турками

В тот же день, когда город сдался, его жители из Валахии, из Руси и также грузины, греки и все другие христиане, кроме итальянцев, были схвачены, и [у них] забрали все, что они имели; они были закованы в цепи вместе со своими женами и детьми, и [их] отвели в [османский] лагерь, чтобы [потом] продать.

Турки использовали женщин и дочерей, как им было угодно, и говорили людям Каффы, что они сдались как твари и что с ними как с таковыми и следует обращаться. Они отделяли жену от мужа, сына от матери, мужа от жены и совершали многие другие очень большие жестокости. А поскольку большая часть из лагеря турок были преступниками и людьми низкого происхождения, у них не было ни стыда, ни уважения к добродетели, чтобы перестать делать все то зло, на которое они были способны.

Двенадцатого июня капитан-генерал Амаг-баха направил своего секретаря с теми четырьмя послами, которые предали Каффу, а также с другим из того же города, которого звали мессир Луис де Гаспарин²³, который был из тех двадцати восьми [горожан], которых послы избавили [от участи, постигшей всех], чтобы они изучили лично каждого в городе, будь то армянин, грек, иудей или христианин, его происхождение, его национальность и род занятий, с чего он жил, откуда был родом, сколько времени он уже проживал в Каффе, велено ли ему было прибыть туда или он прибыл сам, чтобы все это было тщательно записано, и чтобы они принесли ему все это и показали.

Великий ужас навел на людей этот приказ Амаг-бахи, главным образом на тех, кто был в городе по найму; точно так же, как и на тех, у кого не было собственности, все очень боялись, что Амаг-баха прикажет убить их, как он это уже сделал это в других местах. И из-за этого каждый пытался дать понять, что он принадлежал к какому-либо [важному] сословию, как, например, торговец, или что у него была какая-то другая форма собственности, потому что они верили, что это должно спасти их жизни.

И наоборот, любой торговец или другой человек, который многим владел, просил указать в записях, что [имел] меньше имущества, чем на самом деле, то затем эти пять предателей его обвиняли и высмеивали, что было причиной того, что многие указывали в докладной записке столько имущества, сколько у них было. Турки давали понять людям, что та докладная записка составлялась только для того, чтобы знать, сколько каждый должен был уплатить от того, что должны были внести как обычную дань.

Также приказал Амаг-баха поместить всех мастеров по золоту и серебру и их товары, и драгоценности в один дом, и это верно, что в то время их было так много в том городе Каффа, как и в любом другом месте Большого моря.

²³ Алуизе ди Гаспари.

Кроме того, он приказал, чтобы заявили о себе все те, кто им был должен, в какой мере, за какое время и всю другую возможную информацию о заказе.

Тринадцатого или четырнадцатого числа указанного месяца был оглашен указ, что под страхом смертной казни каждый привел сыновей и дочерей в возрасте от семи до двадцати лет, потому что он хотел выбрать из них тех, кого хотел бы отвезти к Великому Турку. Было найдено большое количество мужчин и женщин того возраста, которых было, наверное, десять тысяч, и из них Амаг-баха выбрал тысячу шестьсот мальчиков и девочек в возрасте от десяти до двадцати лет. И были среди них женатые и новобрачные, и выбирали мужа, но оставляли жену, а в другом случае – выбирали жену и оставляли мужа, в зависимости от возраста каждого из них.

Много что было увидено при завоеваниях Великого Турка, как до этого, так и во многих других [его последующих завоеваниях], но такого крика, такого плача, такого шума никогда не было видано среди людей, не били себя они так руками по лицу, не рвали на себе волосы, ни царапали свое тело своими собственными ногтями. Некоторым отсекли головы за то, что они не привели детей, были и другие, которые повесились, видя, как их [детей уводят] пленниками, другие в великой печали бродили день и ночь по улицам [города], пока не падали замертво, другие умирали, обняв за шею детей своих, и другим отсекали руки, потому что не могли оторвать их от родителей или жен.

Я не знаю, каким жестоким [нужно] быть, чтобы не поддаться жалости и очень великой от того, что там происходило, и те четыре предателя, которые продали их, были теми, кто больше всех доносил. Превратились в рабов и рабынь те, кого нашли турки в Каффе, и число их превзошло четыре тысячи. Также видели там еще одно [преступление] против человечества: многих детей восьми дней отроду, или месячных, или годовалых, турки вырывали из рук их матерей и разбивали их об землю, чтобы забрать матерей туда, куда им было угодно, и зарабатывать на них деньги.

Восемнадцатого числа того месяца было приказано и огласили на всех площадях, чтобы каждый человек [торговец] открывал свой магазин, продавал и производил свои товары, как и раньше, и был спокоен, не боясь больше ничего, что было некоторым облегчением для жителей Каффы. И это продолжалось очень недолго, потому что немного позже, так же, как и внезапно возникает шторм, опять приказали, чтобы все итальянцы под страхом смертной казни в три дня должны были заплатить половину всего того, что они указали, как свою собственность. И при этом, как будто требование заплатить половину от всего, что они указали, было не [наибольшим] злом, было приказано выплатить все наличными, что было невозможно выполнить, не сделав это, так как они это сделали, отдать всю свою одежду за четверть от того, что она стоила, и остаться только в рубашке, так же, как и золото и серебро брали меньше чем за половину их стоимости, так как были они обработанные.

Таким образом можно сказать, что в Каффе случилось еще одно разрушение Иерусалима, потому что жители города заявили не только о стоимости их имущества, но даже [указали] больше, чем они имели, чтобы их не убили и не продали, как выше было описано. А те, у кого турки позже не нашли

столько, сколько они заявили, были подвергнуты большим мучениям за это, посажены на кол, или им причинили бесконечное число других жестокостей, и, если они избежали такой участи, а всей их одежды было недостаточно, чтобы заплатить половину того, что они указали как свое имущество, как было приказано Амаг-бахой, их самих продавали.

Двадцать второго дня месяца июня в три часа дня было дано указание, что все итальянцы, которые были в городе, и те, кто был там от их имени, со своими рабами и рабынями под страхом смертной казни за полтора дня сели на определенные корабли, которые там находились предназначенные для этого.

И тех, кто после назначенного срока были найдены на земле [в городе], приказывал генерал-капитан изрубить на куски. Кроме того, был издан приказ и оглашен по всему городу, что никто из тех, кто остался в Каффе, под страхом смертной казни, не брал у итальянцев ничего на сохранение или обеспечение; что заставило некоторых торговцев, у которых было много товаров, попытаться забрать с собой то лучшее, что они могли, и оставить остальное в своих домах, и никто не осмелился брать то, что в них оставалось, кроме капитана.

На улицах был [слышен] печальный плач тех несчастных семей, которые спешили в назначенное время явиться на корабли. Многие из них из-за спешки забыли взять хлеб на корабли, так что позже, когда он был им нужен, они молились Богу, что лучше бы их тысячу раз продали, чем хоть один час терпеть такую нужду, как из-за голода они терпели.

Погрузив те несчастные семьи из Каффы, корабли покинули порт и третьего августа подошли к порту Константинополя. И поскольку на земле [в городе] была чума, их заставили высадиться в поле, где несчастные оставались без никакого укрытия в течение трех месяцев, пока чума не прекратилась. А затем они были доставлены по приказу Великого Турка в Константинополь.

...Турецкое войско еще до наступления зимы захватила в комарке²⁴ Каффы и Орпайю (?), и Зибано²⁵, и Тодоро²⁶, и Туманию²⁷, и многие другие места, и загрузила огромное количество кораблей христианами.

Глава LXXXV

То, что делал Великий Турок, пока флот находился в походе на Каффу...

...Пока Амаг-баха был в походе на Каффу, Великий Турок оставался в Константинополе. И поскольку через несколько дней в городе началась чума, он отправился на прохладную гору, которая называется Изерелкин (?) и находится в шестидесяти милях от Адрианополя, где провел некоторое время в свое удовольствие.

²⁴ Т.е. в окрестностях.

²⁵ Чембалю.

²⁶ Мангуп.

²⁷ Тамань.

Глава CXXXVI

Как Баясит, великий турок, был против конде²⁸ Эстефано²⁹ Карабодана³⁰ и выиграл у него города от Литостомо³¹ до Монкастро³²

Через много дней [в 1484 году] султан Баясит переправился через Дунай со всей своей армией и разбил свой лагерь возле города Литостомо, который расположен на берегу Большого моря, а с другой стороны его протекает ветвь Дуная, которая поблизости впадает в море.

Разбив лагерь под Литостомо и окружив город с моря и с суши, те, кто в нем [были], увидели, что у сеньора Карабодана не было возможности помочь им, и у них уже не было способа защитить себя, так как осада длилась семь месяцев, и они потратили все продовольствие и боеприпасы, которые у них были, они согласились сдаться Великому Турку, договорившись, что они будут жить в своих владениях и будут платить этому сеньору так же, как они платили Карабодану.

Получив этот город, Баясит султан раздумывал, идти ли дальше. И тогда, совместно армада и сухопутные силы отправились к берегу Большого моря, чтобы окружить город Монкастро, который находится далеко от Литостомо – за сто миль. И он расположен на упомянутом Великом море, и, также, он с другой стороны расположен на значительной части берега ветви Бористена, который сегодня называется Непер³³.

Этот город защищался от Великого Турка в течение двух месяцев, но, взяв пример с того, что сделал город Литостомо, они сдались на таких же условиях. Получив Монкастро, великий турок Баясит объявил всей незаселенной равнине, что всех тех, кто вернется на свои места [прежнего проживания] в течение определенного срока, он встретит их так же, как и Литостомо, и Монкастро.

...И, хотя эти земли [вокруг Килии и Белгорода] принадлежали конде Эстефано Карабодану, и главные города завоевал великий турок Баясит, сегодня они принадлежат власти Ухието (?), народ этой земли всегда отдает также дань сеньору Тартару, как и Великому Турку, и так же семье конде Эстефано. И всем им они равно послушаются. И они не смогли бы жить по-другому, потому что любой из этих трех сеньоров может их уничтожить.

И поэтому, когда Баясит султан завоевал вышеупомянутые города Литостомо и Монкастро, он согласился с тем, что народ этой земли должен признать господство всех троих [правителей], потому что в противном случае ему нужно было бы оставить пятьдесят тысяч человек, чтобы защитить землю от тартар и Карабодана. И он никогда бы не завоевал эту землю, если бы в то время между тартарами не было много войны из-за двух братьев, из кото-

²⁸ Conde – правитель округа, провинции, графства.

²⁹ Молдавский воевода Штефан Великий.

³⁰ Точнее – Карабогдан, тюркское название Молдавии.

³¹ Точнее – Ликостромо, т.е. Килия.

³² Белгород.

³³ Днепр.

рых каждый хотел быть сеньором. И поэтому конде Эстефано не мог помочь в его городах ни один из них, пока Великий Турок не победил их.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406) / Пер. со староиспанского, предисл. и коммент. И.С. Мироковой. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. 211 с.
2. Крим у 1438 р. (Подорожні нотатки Перо Тафура) / Перекл. і вступ. стат. О. Галенка // Україна в минулому. Вип. VIII. Київ-Львів, 1996. С. 178–185.
3. *Тафур П.* Странствия и путешествия / Перевод, предисловие и комментарии Л.К. Масиеля Санчеса. М.: Индрик, 2006. 296 с.
4. Хаутала Р., Гулевич В.П. Письмо тосканского анонима о взятии Кафы в 1475 году из кодекса Q 116 sup Амброзианской библиотеки // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 4. С. 829–854. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-4.829-854
5. *Aşık Paşazade.* Osmanogullari'nin tarihi. Çeviri ve günümüz diline aktarım: Kemal Yavuz - M. A. Yekta Saraç. İstanbul, 2003. 615 s.
6. Book of the Knowledge of All the Kingdoms, Lands, and Lordships That Are in the World. Second series. No. XXIX. London: Printed for the Hakluyt Society, 1912. XIV, 85, XXXVI p.
7. *Clavijo R.G.* Embassy to Tamerlane. 1403–1406. Introduction and comment by G. Le Strange. London, 1928. XVIII, 375 p.
8. Crónica de los turcos, la cual principalmente sigue a la que escribió Juan María Vicentino, cronista de Mahometo, Bayasit, Selim y Suleimán, señores de ellos Antonio Herrera de Tordesillas. Режим доступа: <http://bdh.bne.es/bnearch/detalle/bdh0000014857> (Дата обращения: 28.04.2019)
9. Crónica de los turcos de Antonio Herrera de Tordesillas, en edición de Fernando Fernández Lanza. Режим доступа: http://www.archivodelafrontera.com/wp-content/uploads/2012/03/Cronica_turquesca_DEFINITIVA_con_plantilla.pdf (Дата обращения: 28.04.2019)
10. *Donado da Lezze.* Historia Turchesca (1300–1515) / Publicată, adnotată, împreună cu o introducere de I. Ursu. Bucureşti: Ediţiunea Academiei Romane, 1909. LX, 304 p.
11. El libro del conocimiento de todos los reinos = The Book of Knowledge of All Kingdoms / edition, translation and study by Nancy F. Marino. p. cm. – (Medieval & Renaissance texts & studies; v. 198). Includes bibliographical references and index. 1. Voyages and travels. 2. Flags. I. Marino, Nancy F., 1951. II. Tide: Book of knowledge of all kingdoms. III. Series: Medieval & Renaissance Texts & Studies (Series); v. 198. Tempe, Arizona: Arizona Center for Medieval and Renaissance Studies, 1999. LXXXVI, 138 p.
12. Historia del Gran Tamorlán e itinerario y narración del viaje y relación de la embajada que Ruy González de Clavijo le hizo por mandado del muy poderoso señor Rey Don Enrique el Tercero de Castilla y un breve discurso hecho por Gonzalo Argote de Molina para mayor inteligencia de este libro. Madrid, Miraguano Ediciones (Libros de los malos tiempos, 8), 1984. 259 p.
13. *Lanza F.F.* Antonio de Herrera y Tordesillas, primer cronista mayor de Indias, autor probable de la «Cronica de los Turcos», fuente manuscrita española de la segunda mitad del siglo XVI, fundamental para un sólido conocimiento del Islám turco y para la reconstrucción de la mutilada «Historia turchesca» de Giovanni Maria Angiolello // Estudios de historia social y económica de América. No 13. 1996. P. 279–304.
14. Monumenta Hungariae historica. Acta extera. T. IV. Magyar diplomaciai emlékek Mátyás király korából 1458–1490. Második kötet / Szerecszték Nagy Iván és B. Nyáry Albert. Budapest: Magyar Tudományos Könyvkiadó-Hivatala, 1877. XXI, 448 p.

15. *Ruy González de Clavijo*. Embajada a Tamorlán. Estudio y edición de un manuscrito del siglo XV por Francisco López Estrada. Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas (Nueva colección de libros raros o curiosos, 1), 1943. CXIV, 304, CCLXXXI p.
16. *Ruy González de Clavijo*. Embajada a Tamorlán. Éd. Francisco López Estrada, Madrid, Castalia (Clásicos Castalia, 242), 1999. 422 p., [8] p. de pl.
17. *Pero Tafur*. Travels and Adventures 1435–1439. Translated into English, edition and introduction by Malcolm Letss. London, 1926. XV, 261 p.
18. *Tafur P.* Andanças e viajes de Pero Tafur por diversas partes del mundo avidos (1435–1439). Ed. M. Jiménez de la Espada / Coleccion libros españoles, raros ó curiosos. Tomo octavo. Madrid, 1874. T. 1. XVIII, 1–320 p., T. 2. 321–618 p.

Сведения об авторе: Владислав Петрович Гулевич – магистр истории, главный консультант Управления по связям с местными органами власти и органами местного самоуправления Аппарата Верховной Рады Украины (01008, ул. М. Грушевского, 5, Киев, Украина). E-mail: gulevych_v@ukr.net

Поступила 30.04.2019 Принята к публикации 13.08.2019
Опубликована 29.09.2019

REFERENCES

1. *Dnevnik puteshestviya v Samarkand ko dvoru Timura (1403–1406)* [Narrative of the Embassy of Ruy Gonzalez de Clavijo to the Court of Timour at Samarcand (1403–1406)]. Per. so staroispanskogo, predisl. i komment. I.S. Mirokovoy. Moscow: Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1990. 211 p. (In Russian)
2. Krim u 1438 r. (Podorozhni notatki Pero Tafura) [Crimea in 1438 (Pedro Tafur's travelogue)]. Perekl. i vstup. stat. O. Galenka. *Ukraina v minulomu* [Ukraine in the Past]. Is. VIII. Kyiv–L'viv, 1996, pp. 178–185. (In Ukrainian)
3. Tafur P. *Stranstviya i puteshestviya* [Wandering and Traveling]. Perevod, predislovie i komentarii L.K. Masielya Sanches. Moscow: Indrik, 2006. 296 p. (In Russian)
4. Hautala R., Gulevich V.P. A Letter of the Tuscan Anonym on the Seizure of Caffa in 1475 from the Codex *Q 116 sup* of the Ambrosian Library. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 4, pp. 829–854. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-4.829-854 (In Russian)
5. *Aşık Paşazade*. Osmanogullari'nin tarihi. Çeviri ve günümüz diline aktarım: Kemal Yavuz - M.A. Yekta Saraç. İstanbul, 2003. 615 p. (In Turkish)
6. *Book of the Knowledge of All the Kingdoms, Lands, and Lordships That Are in the World*. Second series. No. XXIX. London: Printed for the Hakluyt Society, 1912. XIV, 85, XXXVI p.
7. Clavijo R.G. *Embassy to Tamerlane. 1403–1406*. Introduction and comment, by G. Le Strange. London, 1928. XVIII, 375 p.
8. *Crónica de los turcos, la cual principalmente sigue a la que escribió Juan María Vicentino, cronista de Mahometo, Bayasit, Selim y Suleimán, señores de ellos Antonio Herrera de Tordesillas*. Available at: <http://bdh.bne.es/bnearch/detalle/bdh0000014857> (last accessed: 28.04.2019) (In Spanish)
9. *Crónica de los turcos de Antonio Herrera de Tordesillas*, en edición de Fernando Fernández Lanza. Available at: <http://www.archivodelafrontera.com/wp-content>

/uploads/2012/03/Cronica_turquesca_DEFINITIVA_con_plantilla.pdf (In Spanish) (last accessed: 28.04.2019)

10. Donado da Lezze. *Historia Turchesca (1300–1515)*. Publicată, adnotată, împreună cu o introducere de I. Ursu. București: Edițiunea Academiei Romane, 1909. LX, 304 p. (In Italian)

11. *El libro del conocimiento de todos los reinos = The Book of Knowledge of All Kingdoms*. Edition, translation and study by Nancy F. Marino. p. cm. – (Medieval & Renaissance texts & studies; v. 198). Includes bibliographical references and index. 1. Voyages and travels. 2. Flags. I. Marino, Nancy F., 1951. II. Tide: Book of knowledge of all kingdoms. III. Series: Medieval & Renaissance Texts & Studies (Series); v. 198. Tempe, Arizona: Arizona Center for Medieval and Renaissance Studies, 1999. LXXVI. 138 p. (In Spanish, English)

12. *Historia del Gran Tamorlán e itinerario y narración del viaje y relación de la embajada que Ruy González de Clavijo le hizo por mandado del muy poderoso señor Rey Don Enrique el Tercero de Castilla y un breve discurso hecho por Gonzalo Argote de Molina para mayor inteligencia de este libro*. Madrid, Miraguano Ediciones (Libros de los malos tiempos, 8), 1984. 259 p. (In Spanish)

13. Lanza F.F. Antonio de Herrera y Tordesillas, primer cronista mayor de Indias, autor probable de la «Cronica de los Turcos», fuente manuscrita española de la segunda mitad del siglo XVI, fundamental para un sólido conocimiento del Islám turco y para la reconstrucción de la mutilada «Historia turchesca» de Giovanni Maria Angiolello. *Estudios de historia social y económica de América*. No 13. 1996, pp. 279–304. (In Spanish)

14. *Monumenta Hungariae historica. Acta extera*. Vol. IV. Magyar diplomaciai emlékek Mátyás király korából 1458–1490. Második kötet. Szereeszték Nagy Iván és B. Nyáry Albert. Budapest: Magyar Tudományos Könyvkiadó-Hivatala, 1877. XXI, 448 p. (In Latin)

15. Ruy González de Clavijo. *Embajada a Tamorlán*. Estudio y edición de un manuscrito del siglo XV por Francisco López Estrada. Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas (Nueva colección de libros raros o curiosos, 1), 1943. CXIV, 304, CCLXXXI p. (In Spanish)

16. Ruy González de Clavijo. *Embajada a Tamorlán*. Éd. Francisco López Estrada, Madrid, Castalia (Clásicos Castalia, 242), 1999. 422 p., [8] p. de pl. (In Spanish)

17. Pero Tafur. *Travels and Adventures 1435–1439*. Translated into English, edition and introduction by Malcolm Letts. London, 1926. XV, 261 p.

18. Tafur P. *Andanças e viajes de Pero Tafur por diversas partes del mundo avidos (1435–1439)*. Ed. M. Jiménez de la Espada / Coleccion libros españoles, raros ó curiosos. Tomo octavo. Madrid, 1874. Vol. 1. XVIII, 1–320 p., Vol. 2. 321–618 p. (In Spanish)

About the author: Vladislav P. Gulevich – MA (History), Chief Adviser, Office for Relations with the Local Government and the Local Authorities to the Staff of the Verkhovna Rada of Ukraine (5, M. Grushevsky Str., Kyiv 01008, Ukraine). E-mail: gulevych_v@ukr.net

Received April 30, 2019 Accepted for publication August 13, 2019

Published September 29, 2019

УДК 94(470).031:655.552

DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-3.593-602

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
ПОЧЕКАЕВ Р.Ю. ИЗ ВАССАЛОВ В СЮЗЕРЕНЫ.
РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И НАСЛЕДНИКИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ**

М.В. Моисеев^{1, 2}

¹ ГБУК г. Москвы «Музейное объединение «Музей Москвы»
Москва, Российская Федерация

² Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Российская Федерация
maksi-moisee@yandex.ru

Развитие постордынских исследований в последнее время требует подведение промежуточных итогов и формулирования новых исследовательских проблем. В новейшей монографии «Из вассалов в сюзерены. Российское государство и наследники Золотой Орды» Роман Юлианович Почекаев предложил свое видение решения нескольких ключевых проблем. Книга представляет собой очерки истории взаимоотношений Московского государства с разными тюркскими и монгольскими государствами, а затем и Российской империи с Казахским ханством. Рецензия ограничивается первой частью монографии и сосредоточена на взаимоотношениях Московского государства с тюрко-монгольскими странами в XV–XVII вв. Этот раздел подразделяется на три главы: «Передел золотоордынского наследства», «Выстраивание межгосударственных отношений в новых условиях» и «Политико-правовые реалии на постордынском пространстве глазами иностранных современников». Каждая глава состоит из нескольких очерков, посвященных какой-нибудь одной проблеме. Однако не все предположения оказались одинаково проработаны. В предлагаемой рецензии сосредоточено внимание на критике «слабых», по мнению рецензента, мест исследования. Перечислим эти «слабости». Во-первых, неравномерный характер проработки источникового материала. Во-вторых, не все из предложенных гипотез имеют солидную документальную базу. Вместе с тем есть и удачные решения. Большой интерес вызывают историко-правовые очерки автора. И остается сожалеть, что они выполнены на ограниченном материале. Вполне возможно, более плодотворным стал бы анализ правовых практик постордынских государств и особенно разработка методики изучения правовых коллизий в Касимове и шире – у московских служилых татар: какие нормы права использовались? Русские ли судебники, шариат или нормы обычного права. Очень жаль, что именно эти вопросы нашли слишком незначительное воплощение в книге. Приходится констатировать, что несмотря на серьезную заявку на обобщение накопленного в науке материала, задача создания целостного обобщающего труда по истории постордынского политического пространства выполнена не была, хотя и был совершен шаг вперед.

Ключевые слова: Постордынские исследования, Крымское ханство, дань, приемники Золотой Орды, Великое княжество Московское, Великое княжество Литовское

Для цитирования: Моисеев М.В. Рецензия на книгу: Почекаев Р.Ю. Из вассалов в сюзерены. Российское государство и наследники Золотой Орды // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 3. С. 593–602. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-3.593-602

**BOOK REVIEW: POCHKAEV R.YU. IZ VASSALOV V SYUZERENY.
ROSSIYSKOE GOSUDARSTVO I NASLEDNIKI ZOLOTROY ORDY
[FROM VASSALS TO OVERLORDS. THE RUSSIAN STATE
AND THE HEIRS OF THE GOLDEN HORDE]**

M.V. Moiseev^{1, 2}

¹ *Museum Association "Museum of Moscow"*
Moscow, Russian Federation

² *Novosibirsk State University*
Novosibirsk, Russian Federation
maksi-moisee@yandex.ru

The development of the post-Horde's research in recent years requires the summarizing of intermediate results and the formulation of new research problems. In his latest monograph "From Vassals to Overlords. The Russian State and the Heirs of the Golden Horde", Roman Pochekaev offered his vision of the solutions to several key problems. The book contains essays on the history of relations between the Moscow State and various Turkic and Mongol states, and then those between the Russian Empire and the Kazakh Khanate. This review is limited to the first part of the monograph and focuses on the relations of the Muscovite State with the Turko-Mongol states in the 15th–17th centuries. This section is divided into three chapters, "The Redistribution of the Inheritance of the Golden Horde", "The Establishment of Inter-state Relations in the New Conditions", and "Political and Legal Realities on the Post-Horde's Space through the Eyes of Foreign Contemporaries". Each chapter consists of several essays on a single problem. However, not all assumptions were equally worked out. The present review focuses on the criticism of the "weak" (in the opinion of the reviewer) areas of the research. To list these "weaknesses" – first, the uneven degree of the study of the source material. Secondly, not all the proposed hypotheses have a solid documentary base. However, the book also contains successful solutions. The author's historical and legal essays are of great interest, although it is regrettable that they are based on limited material. It is possible that an analysis of the legal practices of the post-Horde's states would be more fruitful, especially the development of a methodology for studying legal conflicts in Kasimov and more widely among the Moscow service Tatars: which rules of law were used? Was it the Russian law, the Sharia, or customary law? It is a pity that these questions have found too little space within the book. Despite the serious intention to summarize the accumulated information, the task of creating a holistic generalizing work on the history of the post-Horde's political space was not fulfilled, although a step forward toward that goal has been made.

Keywords: post-Horde studies, Crimean Khanate, tribute, successor states of the Golden Horde, Grand Duchy of Moscow, Grand Duchy of Lithuania

For citation: Moiseev M.V. Book Review: Pochekaev R.Yu. Iz vassalov v syuzereny. Rossiyskoe gosudarstvo i nasledniki Zolotoy Ordyy [From Vassals to Overlords. The Russian State and the Heirs of the Golden Horde]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 3, pp. 593–602. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-3.593-602

С распадом Золотой Орды в Восточной Европе образовалась новая геополитическая реальность с несколькими конкурирующими центрами притяжения. История этой конкуренции и сотрудничества пока еще не написана, хотя историки из разных стран прикладывают немалые усилия для ее иссле-

дования. Одним из этапов этого изучения является и рецензируемая книга известного исследователя из Санкт-Петербурга Романа Юлиановича Почекаева [8]. Название этой монографии ярко и броско (как и требует современный маркетинг): «Из вассалов в сюзерены. Российское государство и наследники Золотой Орды»; весьма широк и хронологический охват: XV – начало XX вв. Все это настраивает читателя на историко-социологический лад. Мы вправе ожидать выделения трендов, тенденций, структур большой длительности, которые бы объясняли нам весь ход этой поистине удивительной, драматической и вместе с тем славной и захватывающей истории. Впрочем, наши ожидания оказываются напрасными. Автор сразу же сообщает читателям, что его целью является желание «показать разнообразие форм их взаимодействия, неоднородность роль их участников...». Там же во введении автор, объясняя архитектуру своей книги, дает понять читателю, что перед ним очерки истории взаимоотношений Московского государства с разными тюркскими и монгольскими государствами, а затем и Российской империи с Казахским ханством. И если первую часть еще с определенными оговорками можно признать соответствующей названию монографии, то вторая часть заявленной теме исследования вряд ли отвечает. Впрочем, можно полагать, что Р.Ю. Почекаев определяющим моментом для объединения этих частей в одну книгу счел фактор российской политики по отношению к тюрко-монгольским государствам. Сам автор передает свой замысел следующими словами: «...опыт, приобретенный Российским государством поначалу в процессе пребывания под сюзеренитетом Золотой Орды, а затем – тесного взаимодействия с ее наследниками, позволил ему сформировать набор наиболее эффективных средств выстраивания отношений с тюрко-монгольскими государствами и, в конечном счете, стать приемником Улуса Джучи. Причем, если внешне речь идет, конечно, в первую очередь именно о территориальном преемстве, то, по мере изучения особенностей взаимоотношения России с постордынскими государствами, можно убедиться, что оно в полной мере проявилось и в восприятии многих джучидских политических, правовых, дипломатических институтов, отдельные элементы которых сохранялись в политике Российского государства на долгие века» [8, с. 8]. Очевидно, чтобы подтвердить эту посылку автору потребовалось обобщить значительный фактический материал за длительный хронологический отрезок в весьма широких географических рамках. Естественно, рецензент в таких условиях оказывается перед дилеммой: отправиться ли за автором книги в его опасное интеллектуальное путешествие или же проявить сдержанность и ограничиться только лишь его частью. Увы, но я, не чувствуя в себе достаточной смелости и авантюризма, решил ограничиться первой частью монографии и сосредоточить свое внимание на взаимоотношениях Московского государства с тюрко-монгольскими странами в XV–XVII вв.

Интересующий нас раздел подразделяется на три главы: «Передел золотоордынского наследства», «Выстраивание межгосударственных отношений в новых условиях» и «Политико-правовые реалии на постордынском пространстве глазами иностранных современников». Каждая глава состоит из нескольких очерков, посвященных какой-нибудь одной проблеме. Такой подход вполне уместен, но вряд ли он подразумевает целостность изложения. Так, например, в первой главе рассматриваются судьбы южно-русских земель

в XIV – начале XVI вв., затем «реставрационные» проекты Мухаммеда Шейбани и Мухаммед-Гирея в начале XVI столетия, а потом, вдруг (!) властные амбиции сибирских Шибанидов в XVII веке и отношения Московского государства с монгольскими ханствами в XVII веке, а завершается глава казахскими ханами в Башкирии XVIII столетия. Подобная чересполосица не может не настораживать, особенно если предположить, что некоторые из очерков включены в эту главу механически. Ведь очевидно же, что лишившиеся власти сибирские Шибаниды не столько участвовали в борьбе за передел золотоордынского наследства, сколько за возвращение хоть чего-то от утеранных территорий и власти. Сомнительно, что повестка «ордынского наследства» имела принципиальный характер для российско-монгольских отношений, или то, что восстания башкир и призвание казахских ханов могли в XVIII веке иметь реальную связь с претензиями на пересмотр итогов уже состоявшегося передела наследия Золотой Орды. Что же пишет сам автор?

Автор отмечает, что в смысле обладания южно-русскими землями стратегии Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ) и Московского государства были различными. Так, ВКЛ «...одно из могущественнейших государств Восточной Европы того времени! – признавало себя вассалом Крымского ханства, получая ярлыки и выплачивая регулярную дань («выход»))» [8, с. 18]. При этом Московское государство не желало «признавать зависимость от Крыма хотя бы и в отношении одних только южно-русских земель...» [8, с. 21]. Автор указывает, что русско-крымские «отношения строились на основе взаимного признания равенства («братства»))» [8, с. 22]. Резюмируя свои наблюдения за крымско-литовско-московскими отношениями, Р.Ю. Почекаев приходит к выводу, что все стороны избирали разные стратегии. Крымское ханство проводило политику сдержек-противовесов, направленную на консервирование противоречий между Великим княжеством Московским и Великим княжеством Литовским. Литовские политики готовы были признать, что «их международный статус был ниже, чем у хана», и, выплачивая дань за полученные ярлыки на уже утеранные территории, сохранять свой, хоть и символический, сюзеренитет над этими землями [8, с. 23]. Московские князья же, напротив, отстаивали свою суверенность и в символическом поле, отказываясь платить «выход» за приобретенные южнорусские земли и получать на них ярлыки [8, с. 23]. Соглашаясь со значительной частью рассуждений автора, остается вопрос, а как быть с казусом «одоевского ясака» и тем фактом, что московские князья, включив в свое государство крымских данников, были вынуждены собирать с этих земель пошлину в пользу крымских даруг и даже выплачивать дань, на что указывали К.В. Базилевич и А.Л. Хорошкевич [1, с. 448; 11, с. 237–238]. Роман Беспалов утверждает, что великий князь Иван III получил ярлык на владение Одоевом и то, что «одоевские дараги ездили в Москву каждый раз, когда туда отправлялся большой («старший») крымский посол» [3, с. 223]. При Иване III этот яsak исправно (за одним исключением) выплачивался, при Василии III выплаты стали эпизодическими и утратили статус обязательных, превратившись в некие пожалования [3, с. 224, 227].

Проблематике реставрации Орды Р.Ю. Почекаев уделяет в своей книге пристальное внимание. В той или иной мере этому посвящено несколько очерков, но наиболее полно она нашла выражение в очерке, посвященном

деятельности ханов Мухаммеда Шейбани и Мухаммед-Гирея. Исследователь отмечает, что «...падение Золотой Орды в 1502 г., по всей видимости, не произвело на Чингизидов впечатления полного исчезновения некогда огромной империи, а представлялось не более чем очередным кризисом, которой можно (и нужно) было преодолеть» [8, с. 24]. Вслед за В.В. Трепавловым [10, с. 11–15] автор пишет об инерции старых государственных и правовых институтов. Как неудачные попытки реставрации Орды оценивается деятельность ханов Большой Орды Ахмата и Шейх-Ахмата. Далее автор отмечает, что «...более удачными попытками воссоздания государства имперского типа на постордынском пространстве видятся действия узбекского хана Мухаммада Шайбани на рубеже XV–XVI вв. и крымского хана Мухаммад-Гирея I на рубеже 1510–1520-х гг.» [8, с. 24]. Р.Ю. Почекаев отдает отчет, что их деятельность происходила в разных и географических и политических ландшафтах, но их деятельность объединяет стремление не только укрепить собственную власть в своих владениях, но и «подчинить себе и другие «региональные» государства Джучидов...» [8, с. 24]. Далее автор настаивает на том, что деятельность таких Шибанидов, как Абулхаир или Ибак, свидетельствует о том, что испытывали «общеимперские» амбиции [8, с. 25]. Возражения же он отводит следующим доводом, что «если вместо изучения исключительно политической истории правления Мухаммада Шайбани и Мухаммада-Гирея I мы исследуем их деятельность в историко-правовом аспекте, то с удивлением обнаружим гораздо больше сходства и параллелей» [8, с. 26]. Однако, с нашей точки зрения, это совсем не довод в пользу предложенной концепции! Естественно, в рамках единства правовой системы разницы в их деятельности как раз наблюдаться и не будет! Более того: насколько сравнимы в своей деятельности Абулхаир и сибирский Ибак? Хотелось бы получить от автора более репрезентативные данные, чем мнения. Далее, автор допускает очевидную модернизацию, утверждая, что «наиболее оптимальным выходом из ситуации стало создание своеобразной федерации джучидских государств» [8, с. 27]. Однако мыслили ли в таких категориях хоть кто-нибудь из анализируемых автором персонажей? Да и в чем состояла эта федерация? В сохранении самостоятельной государственной власти при контроле за престолонаследием? Даже если мы согласимся с этим предположением, то мы должны признать, что, в общем, это распространенный *modus operandi* в Восточной Европе, и он совсем не свидетельствует о реставрации бывшего государственного организма, а вполне может свидетельствовать о создании нового, в условиях полиэтнического и поликонфессионального окружения.

Ниже, автор, с опорой на сообщение Ш. Марджани о том, что Мухаммед Шейбани «оставил завещание, в котором передавал казанский трон крымскому царевичу Сахиб-Гирею» [8, с. 27], пишет, что вполне возможно, что бухарский хан «считал себя вправе распоряжаться тронами поволжских ханств, ...» [8, с. 27]. Однако источниковедчески это суждение ничем не подкреплено. Сам Р.Ю. Почекаев отмечает, что источники информации об этом Ш. Марджани не известны, но отчего-то полагает, что занятие Сахиб-Гиреем казанского трона может быть связано с этим завещанием.

В целом, наблюдения Р.Ю. Почекаева о деятельности этих ханов представляются интересными, но слабо проработанными. Слишком много допущений и модернизаций при почти полном отсутствии источниковедческих

изысканий, что для поднятой автором проблемы, с нашей точки зрения, крайне необходимо.

Исследование реставрационных проектов постордынских обществ автор продолжает на примерах деятельности сибирских Шибанидов и башкирских восстаний. В результате московской политики Кучумовичи оказались вытеснены на политическую периферию. Московские власти применили тактику игнорирования их властных статусов, определяя их только как султанов и «государевых изменников». Лишь в южноуральских степях Кучумовичи могли рассчитывать на признание ханского титула, но это было связано с внутриполитическими расчетами башкирских родоплеменных вождей. Автор показывает, как постепенно реальное значение сибирских Чингизидов снижается: от амбиций реставрации своей власти и возрождения Сибирского ханства до ханов при башкирских вождах и, в конечном счете, до зависимых царьков у ойратских правителей.

Особую роль автор отводит Касимову, как центру проживания Чингизидов, который по его мысли является переходной формой от Чингизидской государственности к московской. Касимовская проблематика уже давно дебатруется [2; 9], впрочем, Р.Ю. Почекаев предлагает новый подход, который заключается в выяснении соотношения чингизидских и российских государственно-правовых традиций в этом образовании [8, с. 61]. Первое, на что обращает внимание исследователь – это «статус государей Касимовского ханства». Автор указывает, что в Касимове сохранялась процедура возведения в ханское достоинство «путем поднятия хана представителями знати...». Как доказательство этого суждения он приводит случай 1600 г. возведения в ханское достоинство казахского султана Ураз-Мухаммеда [8, с. 61]. Однако это единственный известный нам случай, и насколько он релевантен остается только догадываться. Проблематика «выхода» в Касимов в книге намечена пунктирно. Р.Ю. Почекаев упоминает ее, опираясь на суждения Б.Р. Рахмязанова, и далее, развивая их, предполагает, что это «отражало стремление московских властей позиционировать касимовских владетелей не просто как своих вассалов, но и как независимых правителей-Чингизидов, имеющих право претендовать на другие троны на постордынском пространстве...» [8, с. 62]. Подобное умозаключение вызывает определенные сомнения и возражения. Сам термин «выход» рубежа XV–XVI столетий, это сумма расходов на поддержание всех видов отношений с постордынскими государствами, а так же знатными мигрантами. Именно на это обстоятельство в свое время указывала А.Л. Хорошкевич [11, с. 225–234]. К тому же, предположение Р.Ю. Почекаева о том, что для претензий на престолы тюрко-татарских государств было необходимо получать «ордынский выход» или его часть, не имеет подтверждений. Кстати, как и не заметно, чтобы для этого была необходима какая-либо дополнительная субъектность. Все данные свидетельствуют о том, что для занятия постордынского престола было достаточно принадлежать к династии Чингизидов и исповедовать ислам. Далее автор утверждает, что «формальная независимость Касимовского ханства и его правителей служила также и для демонстрации лояльного отношения московских властей к мусульманскому населению Московского государства и его соседям» [8, с. 62]. Однако, так ли это было необходимо? Нам известно, что русские

власти, демонстрируя свою лояльность к мусульманам, указывали на факт наличия мечетей не только в Касимове, но и в Романове, а также особо подчеркивали «...а которые мусульманы нам правдою служат, – и мы по их правде их жалуем великим жалованием, а от веры их не отводим» [4, с. 133]. То есть, легко заметить, что независимость, хоть и формальная, Касимова для демонстрации лояльности к мусульманскому населению – это избыточное условие, и в реальности его, конечно, не было. Сама определенная лояльность к мусульманам в России московского периода коренилась на несколько иных основаниях и, можно полагать, не была так уж жестко увязана с сиюминутными политическими интересами.

Далее автор утверждает, что 1) крымские ханы признавались Москвой, как «главные наследники распавшейся Золотой Орды» и 2) крымские ханы считали московских государей своими вассалами [8, с. 81]. Эти положения вызывают возражения, частично уже высказывавшиеся мной, хотя и по другому поводу. Во-первых, часто встречающееся убеждение, что Крымское ханство после разгрома Большой Орды стало главным наследником (правопреемником) Золотой Орды, представляется мне явным анахронизмом, перекликающимся с недавней историей. В эпоху династического принципа сложно найти государство в современном смысле этого термина. Источники фиксируют, что власть и государство не обезличены, а мыслятся, как функция или лучше сказать тело государя, и крепко связаны с династией. В рамках такой логики нет смысла говорить о наследовании власти, скорее вернее будет говорить о претензиях на верховенство или гегемонию, а учитывая, что большинство тюрко-татарских государств управлялись Чингизидами, то они все могли претендовать и претендовали на доминирование в этом постордынском мире. Далее. Московское государство вырабатывало свою схему иерархии государств, которую мы не до конца понимаем и не вполне можем реконструировать. Однако, нам точно известно, что в иерархии татарских постордынских ханств и орд лидирующее положение занимало Астраханское ханство, и оно было тождественно Большой Орде [5, с. 178]. Более того, московские политики были далеки от какого-либо признания сюзеренитета над собой. Еще 19 июня 1537 г. Федор Карпов утверждал: «И нам государь един Бог, а братья нам – турецкой салтан и иные цари» [7, с. 194]. Легко заметить, что такая политическая концепция не предполагает возможности подчиненности хоть кому-либо. Именно поэтому крымские ханы могли получить признание как главные наследники Золотой Орды только тогда, когда все остальные наследники сошли со сцены. Второе суждение автора о том, что крымские ханы считали московских правителей своими вассалами, так же не представляется нам верным. Во-первых, с самого начала русско-крымские отношения выстраивались на равноправной основе, что было показано А.Л. Хорошкевич, и об этом же выше писал и сам рецензируемый автор [8, с. 21]. Далее, в ходе развития этих отношений принцип равноправия сторон стал подвергаться пересмотру, хотя и не во всем удачному. Борьба между Московским государством и Крымским ханством естественно отражалась и на церемониальном поле и в интеллектуальных практиках. Так, уже при хане Мухаммед-Гирее I и его приемниках (например, Сахиб-Гирее) все активнее использовалась ордынская символика. Однако такие поползновения постоянно дезавуировались Москвой. В 1530-е гг. русские дипломаты перешли к

фронтальному пересмотру «ордынского наследства» в двусторонних отношениях. Последовательно, и в чем-то рутинно, москвичи напоминали крымским ханам, что в их положении нет ничего исключительного и «право меча» работает в обе стороны [6, с. 289–290]. Таким образом, вассалитет Москвы перед крымскими ханами – это факт политической борьбы и претензий Бахчисарая, но никак не факт межгосударственных отношений.

Подводя итог нашей краткой рецензии новой книги Р.Ю. Почекаева, необходимо отметить следующее. Данная работа представляет собой не некий обобщающий труд, что можно было бы ожидать от работы, озаглавленной «Из вассалов в сюзерены. Российское государство и наследники Золотой Орды», а серию очерков разной полноты и глубины проработки темы. К сожалению, именно эта лоскутность не позволяет составить общее представление о процессе превращения Российского государства из ордынского вассала в сюзерена над ордынскими территориями и народами. Ряд наблюдений имеет не просто дискуссионный характер, а просто недостаточно проработаны автором, и поэтому скорее вызывают у читателя недоумение. Вместе с тем есть и удачные решения. Большой интерес вызывают историко-правовые очерки автора. И остается сожалеть, что они выполнены на ограниченном материале. Вполне возможно, более плодотворным бы стал анализ правовых практик постордынских государств и особенно разработка методики изучения правовых коллизий в Касимове и шире у московских служилых татар: какие нормы права использовались? Русские ли судебники, шариат или нормы обычного права. Очень жаль, что именно эти вопросы нашли слишком незначительное воплощение в книге. Остается лишь надеяться, что Р.Ю. Почекаев продолжит свои штудии и обрадует нас новой книгой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М.: Издательство Московского университета, 1952. 544 с.
2. *Беляков А.В.* Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань: Рязань. Мир, 2011. 512с.
3. *Беспалов Р.А.* Документы о сношениях Крыма с Москвой по поводу одоевского ясака // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Севастополь–Тюмень, 2014. Вып. 6. С. 215–233.
4. Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567 – 1572 гг./ Отв. редактор М.В. Моисеев; под. текста А.В. Малов, О.С. Смирнова; статьи, коммент. А.В. Виноградов, И.В. Зайцев, А.В. Малов, М. В. Моисеев. М.: «Фонд «Русские витязи», 2016. 400 с.
5. *Моисеев М.В.* Золотая Орда после Золотой Орды? (Рец.: Рахимзянов Б.Р. Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV–XVI вв. СПб.: Евразия, 2016. 396 с.) // Историческая экспертиза. СПб., 2017. № 3. С. 177–186.
6. *Моисеев М.В.* Исторические примеры в посланиях Ивана IV в Крымское ханство и Ногайскую Орду // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 2. С. 283–303. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-2.283-303
7. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. Махачкала, 1995. 356 с.

8. Почекаев Р.Ю. Из вассалов в сюзерены. Российское государство и наследники Золотой Орды. СПб.: Евразия, 2017. 432 с.
9. Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. Казань, 2009. 207 с.
10. Трепавлов В.В. Джучиев улус в XV–XVI вв.: инерция единства // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». Казань, 2009. Вып. 1. С. 11–15.
11. Хорошкевич А.Л. Русь и Крым. От союза к противостоянию. Конец XV–XVI вв. М., 2001. 336 с.

Сведения об авторе: Максим Владимирович Моисеев – кандидат исторических наук, заведующий сектором отдела «Музей Археологии Москвы» ГБУК г. Москвы «Музейное объединение «Музей Москвы» (119021, Зубовский бульвар, 2, Москва, Российская Федерация); старший научный сотрудник НОЦ «Наследие» ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет» (630090, ул. Пирогова, 2, Новосибирск, Российская Федерация); ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0421-8982>, ResearcherID: E-1622-2016. E-mail: maksimmoiseev@yandex.ru

Поступила 19.06.2019 Принята к публикации 05.09.2019
Опубликована 29.09.2019

REFERENCES

1. Bazilevich K.V. *Vneshnyaya politika Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva. Vtoraya polovina XV veka*. [Foreign Policy of the Russian Centralized State. The second half of the 15th century]. Moscow, 1952. 544 p. (In Russian)
2. Belyakov A.V. *Chingisidy v Rossii XV–XVII vekov: prosopograficheskie issledovanie* [The Chinggisids in Russia of the 15th–17th centuries: Prosopographic Study]. Ryazan: Ryazan. Mir, 2011. 512 p. (In Russian)
3. Bespalov R.A. Dokumenty o snosheniyakh Kryma s Moskvoy po povodu odoevskogo yasaka [Documents on the relations of Crimea with Moscow regarding the Odoevsky yasak]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma* [Materials on Archaeology and History of the Ancient and Medieval Crimea]. Sevastopol–Tyumen, 2014. Vol. 6, pp. 215–233. (In Russian)
4. *Posol'skaya kniga po svyazyam Moskovskogo gosudarstva s Krymom. 1567–1572 gg* [The Ambassadorial Book on Relations of the Moscow State with Crimea. 1567–1572]. Moscow: Fond “Russkie vityazi”, 2016. 400 p. (In Russian)
5. Moiseev M.V. Zolotaya Orda posle Zolotoy Ordy? (Rec.: Rahimzyanov B.R. Moskva i tatarskij mir: sotrudnichestvo i protivostoyanie v epohu peremen, XV–XVI vv. SPb.: Evraziya, 2016. 396 s.) [The Golden Horde after the Golden Horde? (Review: Rakhimzyanov B.R. Moscow and the Tatar world: cooperation and confrontation in an era of change, 15th–16th centuries. St. Petersburg: Eurasia, 2016. 396 p.)]. *Istoricheskaya ekspertiza* [Historical Expertise]. Vol. 3. St. Petersburg, 2017, pp. 177–186. (In Russian)
6. Moiseev M.V. Historical Examples in the Letters of Ivan IV to the Crimean Khanate and the Nogai Horde. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 2, pp. 283–303. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-2.283-303 (In Russian)

7. *Posol'skie knigi po svyazyam Rossii s Nogayskoy Ordoy 1489–1549 gg.* [Ambassadorial Books on Relations of Russia with the Nogai Horde in 1489–1549]. Makhachkala, 1995. 356 p. (In Russian)
8. Pochekaev R.Yu. *Iz vassalov v syuzereny. Rossiyskoe gosudarstvo i nasledniki Zolotoy Ordyy* [From Vassals to Overlords. The Russian State and the Heirs of the Golden Horde]. St. Petersburg: Evraziya, 2017. 432 p. (In Russian)
9. Rakhimzyanov B.R. *Kasimovskoe khanstvo (1445–1552 gg.). Ocherki istorii* [The Kasimov Khanate (1445–1552). Essays on the History]. Kazan, 2009. 207 p. (In Russian)
10. Trepavlov V.V. Dzhuchiev ulus v XV–XVI vv.: inertsia edinstva [The Jochid Ulus in the 15th–16th centuries: Inertia of Unity]. *Zolotoordynskoe nasledie. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Politicheskaya i sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Zolotoy Ordyy (XIII – XV vv.)»* [The Golden Horde Heritage. Proceedings of the International Research Conference “Political and Socio-Economic History of the Golden Horde (13th–15th centuries)”]. Vol. 1. Kazan, 2009, pp. 11–15. (In Russian)
11. Khoroshkevich A.L. *Rus' i Krym. Ot soyuza k protivostoyaniyu. Konets XV–XVI vv.* [Rus' and Crimea. From Union to Confrontation. The end of the 15th–16th centuries]. Moscow, 2001. 336 p. (In Russian)

About the author: Maksim V. Moiseev – Cand. Sci. (History), Head of the Sector of the Department “Museum of Moscow’s Archeology”, Museum Association “Museum of Moscow” (2, Zubovskiy Blvd., Moscow 119021, Russian Federation); Senior Research Fellow of the Scientific and Educational Center “Legacy”, Novosibirsk State University (2, Pirogova Str., Novosibirsk 630090, Russian Federation); ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0421-8982>, ResearcherID: E-1622-2016. E-mail: maksi-moisee@yandex.ru

*Received June 19, 2019 Accepted for publication September 5, 2019
Published September 29, 2019*

ХРОНИКА

УДК 94(47):394.48

DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-3.603-606

КРУГЛЫЙ СТОЛ «СРЕДНЕВЕКОВАЯ ТЮРКО-ТАТАРСКАЯ БОГОСЛОВСКАЯ МЫСЛЬ: ИСТОЧНИКИ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ» (БОЛГАРСКАЯ ИСЛАМСКАЯ АКАДЕМИЯ, 15 ИЮНЯ 2019 г.)

И.Р. Гибадуллин

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация
ismagil4@yahoo.com*

15 июня 2019 г. состоялся круглый стол «Средневековая тюрко-татарская богословская мысль: источники и интерпретация» и презентация издания религиозно-дидактического сочинения золотоордынской эпохи «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари. В свете проведенной презентации и круглого стола стоит отметить широкую заинтересованность научно-богословского мира в отношении вводимых в научный оборот источников, позволяющих не только уточнить исторические аспекты, но и углубить понимание исламского мира золотоордынского периода. Научная новизна впервые переведенного на русский язык источника по истории религиозной жизни Золотой Орды, «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари, по мнению историков, присутствовавших на круглом столе, состоит в возможности представить понимание богословов XIV в. о золотоордынских династических распрях и социальных процессах, происходивших в этот период.

Ключевые слова: Золотая Орда, религия, богословская мысль, Каландар-наме, Нахдж ал-Фарадис, источниковедение

Для цитирования: Гибадуллин И.Р. Круглый стол «Средневековая тюрко-татарская богословская мысль: источники и интерпретация» (Болгарская исламская академия, 15 июня 2019 г.) // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 3. С. 603–606. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-3.603-606

THE ROUND TABLE “MEDIEVAL TURKIC-TATAR THEOLOGICAL THOUGHT: SOURCES AND INTERPRETATION” (THE BULGARIAN ISLAMIC ACADEMY, JUNE 15, 2019)

I.R. Gibadullin

*Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
ismagil4@yahoo.com*

On June 15, 2019, a round table was held entitled “Medieval Turkic-Tatar Theological Thought: Sources and Interpretation” which saw the presentation of the publication of the

© Гибадуллин И.Р., 2019

religious and didactic work of the Golden Horde-era “Nahj al-Faradis” by Mahmud al-Bulgari. In the light of the presentation and round table, it is worth noting the wide interest of the scientific and theological world in relation to the sources introduced into scholarly circulation, which allow us not only to clarify the historical aspects, but also deepen the understanding of the Islamic world of the Golden Horde’s period. According to historians participating in the round table, since “Nahj al-Faradis” by Mahmoud al-Bulgari is a source on the history of the religious life of the Golden Horde, its Russian translation allows us to understand the perception of fourteenth-century theologians of the Golden Horde’s dynastic strife and social processes during this period.

Keywords: Golden Horde, religion, theological thought, Qalandar-name, Nahj al-Faradis, source study

For citation: Gibadullin I. The Round Table “Medieval Turkic-Tatar Theological Thought: Sources and Interpretation” (The Bulgarian Islamic Academy, June 15, 2019). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 3, pp. 603–606. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-3.603-606

15 июня 2019 г. на территории Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника состоялось торжественное мероприятие, посвященное Дню официального принятия ислама Волжской Булгарией.

В рамках программы была организована презентация книги «Нахдж ал-Фарадис»¹ Махмуда ал-Булгари, созданной в золотоордынскую эпоху. Представленное общественности факсимиле, транскрипция и перевод «Нахдж ал-Фарадис» составлено на основе самого раннего и полного списка сочинения, датированного 1360 г. Проект по изданию факсимиле, транскрипции и перевода на русский язык «Нахдж ал-Фарадис» был осуществлен Центром исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ при поддержке Аппарата Президента Республики Татарстан и совместно с Советом муфтиев России. Издание книги было осуществлено благодаря личной поддержке Президента Республики Татарстан Р.Н. Минниханова.

После торжественной презентации книги состоялся круглый стол «Средневековая тюрко-татарская богословская мысль: источники и интерпретация» и презентации издания религиозно-дидактического сочинения золотоордынской эпохи «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари.

С приветственным словом к участникам Круглого стола обратились: заместитель премьер-министра РТ, председатель нацсовета «Милли Шура» Всемирного конгресса татар – В.Г. Шайхразиев; первый заместитель председателя Совета муфтиев России и Духовного управления мусульман РФ – Р. Аббясов, ректор Болгарской исламской академии – Д.М. Абдрахманов, директор Института истории им. Ш. Марджани АН РТ – Р.С. Хакимов,

¹ Сочинение «Нахдж ал-Фарадис» («Путь в рай») написано в 1357–1358 гг. в Золотой Орде. Автор Махмуд бин ‘Али ал-Булгари ас-Сараи ал-Кардари согласно рукописным спискам предположительно происходил из семьи шейха. «Нахдж ал-Фарадис» представляет собой не только религиозно-дидактическое сочинение, в котором описаны основные столпы мусульманской религии и история ислама, но и учебником по нравственно-этическому воспитанию. Несмотря на разностороннее научное исследование данного сочинения, оно до сих пор не стало доступным для широкого круга общественности.

Генеральный консул Республики Турция – *Ахмет Садык Доган*, Генеральный консул Исламской Республики Иран – *Малекоддин Шафагат*; ректор Российского исламского института – *Р.М.Мухаметишин*.

В работе Круглого стола приняли участие ученые из Института Востоковедения Российской академии наук, Духовного управления мусульман РФ, Болгарской исламской академии, Казанского федерального университета, Казанского исламского университета.

В процессе работы Круглого стола были заслушаны доклады: *Э.Г. Сайфетдиновой* «Золотоордынская религиозная литература в контексте литературы мусульманского Востока (на примере "Нахдж ал-Фарадис" Махмуда ал-Булгари)»; *И.Р. Гибадуллина* «"Каландар-наме" и "Нахдж ал-Фарадис" как мусульманские сочинения золотоордынского периода: общее и особенное», *И.М. Миргалева* «"Золотоордынский" ислам: источники и проблемы ее изучения»; *М.А. Сафарова* «Использование золотоордынской духовной литературы в современной образовательной практике и просвещении»; *Ф.Ш. Нуриевой* «Интерпретация текста "Нахдж ал-Фарадис" Махмуда ал-Булгари как памятника старотатарского литературного языка рубежа XIV века»; *Р.К. Адыгамова* «Богословы Волжской Булгарии и Золотой Орды в "Мустафад ал-ахбар..." Ш. Марджани»; *Х.Ю. Миннегулова* «Татарская литература Золотой Орды»; *Д.А. Шагавиева* «Некоторые богословские вопросы из Каландар-наме»; *Ф.А. Асадуллина* «Возрождение города Болгара и его наследия: вопросы в современной историографии».

Проведенная презентация и круглый стол показали наличие существенного интереса, проявленного как светским, так и богословским, научными мирами к источникам, позволяющим понять историю ислама в золотоордынский период. По мнению историков и богословов впервые переведенный на русский язык источника по истории религиозной жизни Золотой Орды, «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари, является исключительным свидетельством понимания богословов XIV в. о ключевых факторах в развитии золотоордынских династических распрей и социальных процессов, происходивших в этот период.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Махмуд ал-Булгари. «Нахдж ал-Фарадис». Факсимиле. Подготовка к изданию: к.и.н. И.М. Миргалева, к.и.н. Э.Г. Сайфетдинова. М.: Исламская книга, 2019. 448 с.
2. Махмуд ал-Булгари. «Нахдж ал-Фарадис». Путь в рай. Перевод. Транскрипция. Сокращенный перевод на русский язык И.Р. Гибадуллина, Э.Г. Сайфетдиновой, Э.Р. Галиуллиной; Транскрипция Ф.Ш. Нуриевой / Общая и научная редакция И.М. Миргалева. М.: Исламская книга, 2019. 320 с.

Сведения об авторе: Исмагил Рустамович Гибадуллин – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация). E-mail: ismagil4@yahoo.com

*Поступила 03.07.2019 Принята к публикации 28.08.2019
Опубликована 29.09.2019*

REFERENCES

1. Makhmud al-Bulgari. «*Nakhdzh al-Faradis*». Faksimile [Nakhdzh al-Faradis. Facsimile]. Podgotovka k izdaniyu: k.i.n. I.M. Mirgaleev, k.i.n. E.G. Sayfetdinova. Moscow: Islamskaya kniga, 2019. 448 p.

2. Makhmud al-Bulgari. «*Nakhdzh al-Faradis*». *Put' v ray*. Perevod. Transkriptsiya [Nakhdzh al-Faradis. The Way to Paradise. Translation. Transcription]. Sokrashchenny perevod na russkiy yazyk I.R. Gibadullina, E.G. Sayfetdinovoy, E.R. Galiullinoy; Transkriptsiya F.Sh. Nurievoy. Obshchaya i nauchnaya redaktsiya I.M. Mirgaleeva. Moscow: Islamskaya kniga, 2019. 320 p.

About the author: Ismagil R. Gibadullin – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation). E-mail: ismagil4@yahoo.com

*Received July 3, 2019 Accepted for publication August 28, 2019
Published September 29, 2019*

Подготовка и издание журнала осуществлены в рамках
Государственной программы Республики Татарстан
«Сохранение национальной идентичности татарского народа
(2014–2019 годы)»

The preparation and publication of the journal were carried out
within the framework of the State program of the Republic of Tatarstan
“Preservation of the National Identity of the Tatar People (2014–2019)”

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ является правообладателем
исключительных имущественных прав на свои издания.
Любое использование материала данного издания (размещение в Интернете,
перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

The Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences is a holder
of exclusive property rights of its own publications. Any use of the material
of this publication (publishing online, reprint, republish, etc.), in whole or in part,
without permission of the rights holder is prohibited.

На обложке: Мечеть хана Узбека, построена в 1314 г. Старый Крым.
Фото Piotr Matyga (лицензия CC BY-SA 4.0). Источник:
https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Stary_Krym_Meczet_Chana_Uzbeka.jpg

On the cover: Mosque of Khan Uzbek, built in 1314. Old Crimea.
Photo by Piotr Matyga (CC BY-SA 4.0 License). Source:
https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Stary_Krym_Meczet_Chana_Uzbeka.jpg

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons “Attribution”
(«Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

All the materials of the “Golden Horde Review” are available under
the Creative Commons License “Attribution” 4.0 International (CC BY 4.0)

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ. 2019. Т. 7, № 3

GOLDEN HORDE REVIEW. 2019, vol. 7, no. 3

Территория распространения – Российская Федерация, зарубежные страны.
Distributed in Russian Federation and foreign countries.

Оригинал-макет подготовлен в Институте истории АН РТ
420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А

Подписано в печать 24.09.2019 г. Дата выхода в свет 29.09.2019 г.

Формат 70×108 ¹/₁₆ Усл. печ. л. 12,5 Тираж 500 экз.

Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета

420108, г. Казань, ул. Портовая, 25а
Тел./факс: (843) 231-05-46, 231-08-71, 231-04-19
E-mail: citlogos@mail.ru
www.logos-press.ru

Сайт
Института истории
Академии наук РТ
Татаровед.рф

ЦИЗОТХ ИИ АН РТ и его издания:
<http://татаровед.рф/departments/6>

Сайт журнала: <http://goldhorde.ru>